ЗАПИСКИ МОЕГО ОТЦА.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Разбирая бумаги по порученію моего отца, я нашелъ его рукопись, писанную имъ отъ скуки въ длинные зимніе вечера; мнѣ понравилось описаніе нравовъ тогдашняго времени, статская и военная служба и разныя приключенія, случившіяся во время его молодости. Выпросивъ позволеніе у моего отца выдать въ свѣтъ эту рукопись, я подобралъ происшествія по порядку времени и представляю на судъ читающей публикѣ. *Изд.*

I.

Я родился въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ губернскомъ городѣ при рѣкѣ Волгѣ. Младенчество мое прошло незамѣтно для меня; помню только, что, сажая меня за азбуку, отслужили молебенъ, и что при этомъ я горько плакалъ, и вопль мой разносился по всѣмъ комнатамъ дома.

Надобно замѣтить, что я былъ любимецъ и баловень бабушки. Скажу нѣсколько словъ объ этой старушкѣ.

Она была дочь К—го коменданта и много этимъ гордилась; не иначе называла свой домъ, какъ высокороднымъ, а была замужемъ только за надворнымъ совѣтникомъ во-второмъ супружествѣ, отъ котораго родилась мать моя; бабушка имѣла двадцать два человѣка дѣтей, которыя всѣ померли, исключая моей ма-

тери. Бабка моя была веселаго характера, попѣвала всегда пѣсенки, а особенно когда возила меня въ поле, на своихъ четверомѣстныхъ дрожкахъ, запряженныхъ двумя двадцати-пятилѣтними рыжими лошадьми. Тутъ надобно было видѣть ея проворство: какъ она рвала незабудки, бѣгала отъ одного цвѣтка къ другому.... Въ это время башмаки ея, — не имѣя задниковъ на высокихъ каблукахъ, — хлопали о пятки такъ, что на всякомъ шагу били тактъ. Въ молодости своей она была недурна собой, до старости почти не бывала больна, и прожила болѣе ста лѣтъ. Постоянная ея поговорка была: «ахъ мои матушки»; а брань:—«прахъ тебя возьми.» Во время пугачовскаго бунта была въ плѣну (*); она много разсказывала мнѣ объ этомъ смутномъ времени; но къ сожалѣнію я ничего передать не могу: въ такія лѣта до историческихъ ли разсказовъ? Мнѣ нужны были пироги съ яицами, мясомъ, капустою, морковью, и бабка моя мастерица была приготовлять ихъ въ разныхъ изящныхъ видахъ. Памятно мнѣ время, когда въ длинные зимніе вечера, она начинала разсказъ свой о пугачовщинѣ,—кому отрубили голову, гдѣ нѣсколько человѣкъ повѣшены... Жалко, что я не могъ сохранить въ моей памяти никакого произшествія, заслуживающаго особеннаго вниманія; помню только имена генераловъ Михельсона и Панина.

Итакъ я сказалъ, что я былъ баловень моей бабушки, которой отданъ былъ на ея совершенное попеченіе; а потому ученье и шло плохо.... Наконецъ кое-какъ, къ двѣнадцатому году, я поступилъ въ гимназію и тутъ выучился многому, чего нѣтъ ни въ какой программѣ. Хотя я дурно учился, но все-таки каждый годъ переходилъ въ высшіе классы и получалъ похвальные листы и книги; я не понималъ тогда, за что меня награждали, но теперь, вспомнивши хорошенько, думаю, что переводъ мой изъ класса въ классъ и получаемыя награды были попеченіемъ милой бабушки. Нерѣдко замѣчалъ я, что въ саняхъ, въ которыхъ я отправлялся въ гимназію, были положены—то голова сахару, то кулекъ съ большою стерлядью и другими съѣстными припасами, которыя домой не возвращались: вѣроятно ученые желудки уничтожали привозимое мною съ благодарностію, а предъ экзаменомъ изъ рукъ бабушки переходила въ руки учителей и звонкая монета,—вѣроятно получавшаяся ими заимообразно....

Повышаясь каждый годъ, я достигъ наконецъ высшаго класса (ихъ было тогда три), изъ котораго вышелъ преждевременно. Пріѣзжій военный офицеръ разомъ прекратилъ мои ученыя занятія; мнѣ

(*) Вѣроятно, бабушка называла крѣпость плѣномъ; иначе неправдоподобно.

понравился армейскій мундиръ, блестящіе эполеты, болѣе, нежели математика и словесность. Я оставилъ учиться, мечталъ о военной службѣ, пересталъ ходить въ гимназію, бросилъ книги, и въ промежутокъ между ученьемъ и службою узналъ истинное удовольствіе быть ружейнымъ охотникомъ.

Я имѣлъ двоюроднаго брата, который былъ много меня старше; онъ первый далъ мнѣ понятіе, что̀ такое охота: сперва бралъ меня только какъ зрителя, заставлялъ стрѣлять изъ своего ружья въ цѣль, а послѣ въ галокъ и воронъ. Братъ мой былъ уже на службѣ, а потому не могъ пользоваться временемъ охоты каждодневно; но когда назначался день, я былъ въ полномъ восторгѣ. Канунъ этого дня казался для меня годомъ: наконецъ миновалась ночь, іюльская заря передвинулась на востокъ,—свѣтаетъ... Я на дворѣ, бѣгу за ворота встрѣтить брата... Улица пуста; городской шумъ не касается слуха; все погружено въ глубокій сонъ, только иногда простучитъ вдалекѣ телега съ бочкой, ѣдущая за водой, да щебечутъ галки около обветшалаго карниза.... Но вотъ знакомый звукъ тележки, я бѣгу на середину улицы; братъ подъѣхалъ, и я въ одинъ прыжокъ подлѣ него, не останавливая даже скудной рыси его лошади. Куда ѣдемъ? по чемъ охотиться?—это не мое распоряженіе; я еще охотникъ безъ ружья и собаки, только начинающій чувствовать увлеченіе благородной страсти. Тележка наша катится по крутому спуску къ рѣкѣ Волгѣ все ниже и ниже, и вотъ ея поемныя луга, съ озерами, заливами и душистымъ, недавно скошеннымъ сѣномъ.

Братъ мой былъ утинымъ охотникомъ; не знаю охотился ли онъ и по красной дичи, но избралъ перваго рода охоту потому, что утокъ разныхъ породъ было такое множество, что трудно повѣрить нынѣшнимъ молодымъ охотникамъ. Вотъ подъѣзжаемъ къ озеру; утки съ открытаго мѣста бросились къ берегамъ; камышъ зашевелился и, качаясь, какъ отъ вѣтру, принялъ ихъ подъ свою защиту.

Многіе не изъ числа охотниковъ, скажутъ: почему бы уткамъ не улетѣть? Но въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца молодыя утки не имѣютъ еще крыльевъ, а старыя линяютъ. Къ этой охотѣ, очень добывчивой и болѣе корыстной, пріучилъ меня братъ: тутъ не надо искусства охотника, а дѣло одной собаки — найти въ травѣ подлинь или молодую, поймать и подать охотнику; рѣдко, рѣдко выскочитъ на чистое мѣсто, съ едва зеленѣющей отъ линки головою, селезень — и сейчасъ, пораженный выстрѣломъ, ложится на воду съ распростертыми крыльями. Обошедши кругомъ озеро, надобно идти къ тележкѣ, чтобы сложить многочисленную добычу; потомъ на другомъ озерѣ — таже исторія. Кому можетъ нравиться охота такого рода! Это скорѣе истребленіе.... Но въ то время я не понималъ другихъ

охотъ... и мнѣ нравилась эта, до тѣхъ поръ, пока я не увидалъ лучшей.

Въ одну изъ нашихъ потѣхъ, или лучше сказать травель, подошли къ намъ два охотника. Ягдташи ихъ наполнены были дичью, которая совсѣмъ не была похожа на утокъ; у одного изъ охотниковъ былъ ягдташъ не закрытый кожею, а просто на ремнѣ висѣла обыкновенная плетеная изъ толстыхъ нитокъ сумка; въ ячеи этой сумки торчали длинные носа и маленькія ножки, безъ утиныхъ перепонокъ.

Какія это у васъ птички? спросилъ я охотника. Дупель,—отвѣчалъ онъ: — а вотъ это бекасъ, вотъ перепелъ, вотъ и быстроногій коростель. Говоря это, онъ наклалъ мнѣ на траву большую кучу разной болотной дичи.

Отдохнувши немного, охотники пригласили меня посмотрѣть стрѣльбу на болотную дичь; я согласился съ радостію, и мы отправились. Мѣста эти вовсе не болотистыя: не имѣли родниковъ и ржавыхъ мѣстъ, какъ въ обыкновенныхъ болотахъ, а просто низкія мѣста, съ которыхъ недавно скатилась вода, оставивъ послѣ себя илъ, по которому росла уже молодая трава. Тутъ много было болотной дичи, а особенно коростелей; крикъ ихъ раздавался на каждомъ шагу, и собака безпрестанно дѣлала стойку и прыжки, чтобы спугнуть птицу; но, какъ видно, охотники пренебрегали этой дичью. Но вотъ собака пошла ровнымъ шагомъ и сдѣлала мертвую стойку. Смотрите, тутъ дупель, сказалъ охотникъ. Я едва перевожу дыханіе, сердце бьется, ожидая чего-то необыкновеннаго, незнакомаго. Пиль! Дупель вылетѣлъ въ десяти шагахъ, раздался выстрѣлъ.... промахъ! Птица, пролетѣвъ не болѣе пятидесяти шаговъ, сѣла (перемѣстилась). Началась таже передѣлка: собака опять повела, опять стойка, и опять промахъ,—дупель сѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ; наконецъ въ третій разъ онъ былъ убитъ, а потомъ другой и третій,—собака прекрасно стояла и подавала убитыхъ. Мнѣ такъ понравилась охота по болотной дичи, что я рѣшился завести ружье. Не стану описывать, сколькихъ слезъ стоило мнѣ это пріобрѣтеніе; но все-таки, съ большимъ трудомъ, я получилъ ружье, конечно очень дешевое, купленное на рынкѣ; съ нимъ сходилъ я нѣсколько разъ за городскую заставу, чтобы стрѣлять въ цѣль. Накуплено было множество кремней, пороху и дроби. Изъ бумаги я надѣлалъ трубочки, намазывая крахмаломъ бумагу и навертывая ее на круглую палку; когда это высыхало, я снималъ съ палки, раздѣлялъ внутри всякую трубочку пополамъ пробкою,—это были мои патроны: въ одной сторонѣ насыпался порохъ, а въ другой дробь. Итакъ я посвятилъ себя въ охотники, и понемногу научился стрѣлять.

Между тѣмъ осень пролетѣла; пришла зима съ своими морозами, — охота забыта. За то другая страсть не давала мнѣ покою: военная служба представлялась мнѣ во снѣ и на яву; но много разъ получалъ я отъ родителей отказъ въ исполненія моего желанія, потому что мнѣ было только пятнадцать лѣтъ.

II.

Зима была на исходѣ, когда я убѣдилъ отца и мать отправить меня въ военную службу. Бабушка сама вызвалась отвезти меня въ Казань, гдѣ постоянно квартировалъ батальонъ учебнаго карабинернаго полка, которымъ командовалъ полковникъ Трескинъ, Семенъ Ивановичъ, и въ который я намѣренъ былъ опредѣлиться. Нужныя для этого бумаги были готовы, тщательно вложены въ нарочно-сшитую изъ сукна сумку и положены въ чемоданъ; все было готово къ отъѣзду. Бабушка рѣшилась отправиться на долгихъ; въ подобныхъ поѣздкахъ возилъ ее староста; въ это время онъ пріѣхалъ изъ деревни съ какимъ-то обозомъ, и ему велѣно было немедленно войти въ комнаты. Явился рыжій мужикъ, съ небольшой лысиной; двѣ свитыя сосульки изъ бороды его лежали на груди; онъ сталъ у порога, поклонился старушкѣ, засунулъ два большіе пальца за кушакъ, и ожидалъ приказанія.

— Что, Кузьма, свозишь ли ты насъ въ Казань—туда и обратно? спросила бабушка.

— Для-ча не такъ матушка! Теперь время порожнее, дорога еще терпитъ, а утренниками и больно хорошо;—прикажешь приготовить тройку?

— Тройку, тройку, возразила бабушка:—ступай домой и возвращайся завтра непремѣнно, да подкуй лошадей, прахъ тебя возьми! Въ тотъ разъ возилъ меня на богомолье, — лошади бѣдныя падали безпрестанно, а деньги берешь дорогія.

— Эхъ, матушка! ужь какія это деньги.... Деревня-то, гдѣ явленная Богоматерь, отсюда два ста верстъ будетъ, а я съ тебя взялъ семь рублевъ съ полтиной; овесъ-то нынче на постоялыхъ дворахъ двадцать пять копѣекъ мѣра, сѣно по алтыну пудъ, — такъ сама сочти, много ли останется?

— У тебя на все свои отговорки: и кормы дороги и верстъ насчитаешь невѣсть сколько. Я знаю тебя рыжаго.... чай, съ моего гумна лошадей своихъ кормишь; а теперь, — прахъ тебя возьми, — счеты завелъ.... Ступай, ступай! пріѣзжай поскорѣе, чтобы въ четвергъ выѣхать непремѣнно.

— Слушаю, матушка! Пріѣхать-то пріѣду, и лошадей подкую, да только—драть его горой! — сивой меринъ у меня что-то сталъ прицапывать; придется взять лошадь у сына, который отдѣлился по осени, или кобылу свою вирячь... да на пристяжкѣ не ходитъ.

Староста хотѣлъ, какъ видно, спросить о цѣнѣ, но бабушка повторила приказаніе ѣхать домой и возвращаться немедленно; онъ почесалъ затылокъ и вышелъ изъ комнаты.

Деревня была въ тридцати верстахъ отъ города, и потому староста пріѣхалъ на другой же день на своей тройкѣ. Начались дорожные сборы. Это было въ первыхъ числахъ марта. Не стану описывать слезныхъ прощаній моей матери, родительскихъ наставленій, объятій и благословеній. Напутный молебенъ былъ отслуженъ, все уложено, ружье мое также не забыто, и столько наложено кульковъ и мѣшковъ, съ булками, ватрушками и кокурками, что не оставалось мѣста протянуть ногъ.

— Ахъ, Петруша, ты ружье свое положилъ тутъ же, сказала бабушка: — смотри, оно у тебя выпалитъ!

— Да ружье не заряжено, бабушка!

— На грѣхъ мастера нѣтъ, — все съ людьми случается.

И вотъ мы, провожаемые, со всѣхъ сторонъ повозки, малой и большой прислугой, тронулись съ мѣста. Лошадки побѣжали рысью, прежде улицами города, потомъ большимъ базаромъ, миновали городскую заставу и выѣхали на большую казанскую дорогу. На всякомъ перекресткѣ, бабушка крестилась и читала молитву; за заставой велѣла мнѣ, по какому-то обыкновенію, оглянуться назадъ и поклониться городу. Я ничего не чувствовалъ особеннаго, ни при прощаньи, ни при выѣздѣ за городъ, вѣроятно предчувствовалъ, что воротимся домой; жалѣлъ только, что не было колокольчика. Его замѣнялъ Кузьма, который безпрестанно посвистывалъ на лошадей и заводилъ съ ними разговоры, какъ будто бы онѣ могли понимать его: на коренную,—«что упираешься, ну! вытягивай ноги-то длинны журавлины, али не видишь дороги-то;» а пристяжнымъ—«кудыл лѣзешь въ сторону? ну! оглядывайся, эка лошадь-то пострѣлъ!» И при этомъ онъ крѣпко дергалъ возжами и подхлыстывалъ кнутомъ собственной работы. За эти удары Кузьма получалъ отъ бабушки—дурака, болвана, а иногда и палача; брань переходила изъ повозки на козлы, а съ козелъ на лошадей.

Въ половинѣ дня, дорога стала притаивать: темнокоричневыя полосы навоза, на ней лежавшія, обнаружились, въ ухабахъ и ямкахъ мѣстами показалась вода; но къ утру все это покрывалось опять льдомъ, съ разными выпуклостями бураго и краснаго цвѣта. На четвертый день, въ 10 часовъ утра, пріѣхали мы въ Казань. Въ тотъ же

день вечеромъ бабушка отправилась со мною къ какому-то Василью Петровичу; онъ брался хлопотать о моемъ опредѣленіи и назначилъ намъ день для представленія нашего командиру батальона. Между тѣмъ приготовили просьбу и принадлежащія къ опредѣленію бумаги, а также сшиты были — бабушкѣ новый чепецъ, а мнѣ картузъ.... Я ходилъ по улицамъ города, любовался на военныхъ и съ нетерпѣніемъ желалъ надѣть мундиръ.

Наступилъ назначенный день, и восторгъ мой превратился въ робость; я ожидалъ чего-то необыкновеннаго, думалъ о разлукѣ съ бабушкою.... Мнѣ стало грустно, я раскаялся въ моемъ намѣреніи и украдкою утиралъ слезы; но въ десять часовъ надобно было ѣхать. Мы отправились прежде къ Василью Петровичу, а потомъ, вмѣстѣ съ нимъ, къ полковнику. У подъѣзда полковничьяго дома, или квартиры, расхаживалъ часовой; ружье его и черная глянцовая аммуниція, при каждомъ его поворотѣ, блестѣли на солнцѣ, высокій черный султанъ едва колыхался при движеніи, нафабренные бакенбарды толстымъ слоемъ выказывались изъ ярко-вычищенной чешуи. Не видавши никогда одѣтаго по формѣ солдата, я былъ въ полномъ восторгѣ; часовой этотъ и еще, кто-то въ прихожей, вѣроятно ординарецъ, надолго врѣзались въ моей памяти. Впослѣдствіи, я командовалъ ротою и батальономъ; но мнѣ казалось, что нѣтъ лучше видѣнныхъ мною молодцовъ: вотъ что значитъ пятнадцатилѣтній возрастъ!

Полковникъ не заставилъ насъ долго ждать. Я не могу припомнить ни одной черты лица его, — золотые блестящіе эполеты болѣе всего занимали меня. Онъ принялъ бабушку въ гостиной, вѣжливо распрашивалъ объ ея просьбѣ, и когда узналъ, въ чемъ она заключается, оборотился ко мнѣ и сказалъ: «не этотъ ли вашъ внукъ?» Бабушка отвѣчала утвердительно; тогда онъ, взявши меня за обѣ руки, поставилъ ближе къ себѣ и продолжалъ: «кого вы принесли, сударыня? — вѣдь это дитя, которому еще должно учиться, вмѣсто ружья,—играть въ куклы и ѣздить на палочкѣ верхомъ.... Ну, посмотрите, можетъ ли эта грудь вынести тяжесть ранца, наполненнаго солдатскими принадлежностями? можетъ ли эта дѣтская рука держать ружье и дѣлать имъ разные пріемы? А голова его при вѣтрѣ не выдержитъ кивера съ нашимъ длиннымъ султаномъ.... Однимъ словомъ — продолжалъ полковникъ—онъ у васъ не сложился, да и молодъ; привозите чрезъ два года, даю вамъ слово принять его, а теперь совѣтую кормить послаще, да учить побольше». Онъ потрепалъ меня по плечу и прибавилъ: «учись! учись! безъ ученья не будешь хорошимъ офицеромъ».

Такимъ образомъ первая попытка моя опредѣлиться въ военную службу не удалась. Бабушка возила меня по Казани, показывала мнѣ крѣпость, памятникъ по убіенныхъ и разныя мѣста, на которыхъ были еще слѣды Пугачовскаго нашествія. Съѣздивши къ святымъ мощамъ и отслуживъ молебенъ, мы отправились на родину; тотъ же Кузьма привезъ насъ на своихъ лошадяхъ обратно.

Матушка очень обрадовалась, что меня не приняли. Было положено, на семейномъ совѣтѣ, отдать меня вновь въ гимназію; но брошенныя книги и страсть къ охотѣ заставили меня сильно воспротивиться этому. Послѣ сего домашній совѣтъ былъ въ разногласіи: мать желала, чтобы я продолжалъ ученье, бабушка, по моему настоянію, желала, чтобы я лѣто провелъ въ деревнѣ, а послѣ опредѣлился въ статскую службу. Перевѣсъ остался на нашей сторонѣ.

III.

Апрѣль былъ на исходѣ, когда мы отправились съ бабушкой въ деревню. Весна вступила въ свои права, вездѣ зеленѣлось; рѣки не бушевали уже вешнею водою, а скромно лились въ своихъ берегахъ, остались одни заливы, да низкія мѣста на полянѣ, наполненныя водою, которыя назывались у насъ бакалдинами; на этихъ-то бакалдинахъ утки разныхъ породъ водились въ большомъ изобиліи; кромѣ нырковъ, которые постоянно находятся на большихъ рѣкахъ или озерахъ, кряковныя, шилохвости, сѣрухи, широконоски и чирки наполняютъ собою эти весеннія лужи. Подъѣзжая къ этому пернатому обществу, издали видишь, какъ кряковная утка съ зеленоголовымъ своимъ супругомъ копаютъ носами грязь, мало заботясь о проѣзжающихъ; другія, этой же породы, бродятъ по сухой жнивѣ. Шилохвосты, большею частію на самой срединѣ озера, вытянувъ свои длинныя шеи, смотрятъ на приближающагося человѣка; красивый, широконосый селезень, согнувши свою шейку, такъ что носъ его едва не касается зоба, вмѣстѣ съ своею подругою ищетъ мѣста, гдѣ бы спрятаться въ траву; чирки, тоже парами, съ своимъ крикомъ перелетаютъ съ одного разлива на другой. На верху слышны крики куликовъ разныхъ породъ; вотъ нетигель или веретинникъ съ крикомъ бросается на собаку; не думая объ опасности, маленькіе кулички ходятъ около ручейковъ и разливовъ, перелетывая безпрестанно и выискивая лучшаго и удобнаго мѣста. Все это движеніе и весенняя картина приводятъ молодаго охотника въ неописанный восторгъ.

Во все время весенней охоты я каждый день отправлялся на утокъ, съ прикащикомъ бабушки Сергѣемъ, на лошади, запряженной или въ маленькую тележку, или просто въ мужичьи роспуски. Съ вечера набивалъ я свои бумажные патроны, протиралъ ружье, ввертывалъ новый кремень или поправлялъ старый; а поутру, до восхожденія солнца, запрягалась лошадка, на которой мы отправлялись на подъѣздъ утокъ. Охота была всякій разъ очень удачная — по весеннимъ разливамъ, а особенно по лужамъ на самой пашнѣ. Крестьяне уже пахали подъ яровой сѣвъ; дичь такъ привыкла къ безпрестанному приближенію человѣка и лошади, что нисколько не заботилась объ опасности. Утки шилохвастыя и широконосыя подпускали на двадцать и двадцать пять шаговъ — вотъ до чего они были смирны! Прикащикъ Сергѣй всегда совѣтовалъ не стрѣлять въ одну птицу, а выжидать, когда пара сойдется вмѣстѣ; но нетерпѣніе мое было такъ велико, что я рѣдко пользовался его совѣтомъ, а иногда убивалъ и пару однимъ выстрѣломъ. Все затрудненіе состояло въ поднятіи убитыхъ: для этого прикащикъ снималъ сапоги и отправлялся въ воду, если бакалдина не выше колѣнъ; но если встрѣчалось глубокое мѣсто, то для этого выпрягалась лошадь и Сергѣй верхомъ доставалъ дичь. Прогулка эта по водѣ ему сильно ненравилась, и онъ иногда отказывался за болѣзнію ногъ.

Что вамъ, говоритъ, не завести собаки? Здѣсь въ селѣ, у госпожи Торновой, многіе изъ дворовыхъ охотниковъ вѣрно продадутъ ученую собаку. У Прокофья есть такая собака, просто всѣмъ на диво: не только-что ходитъ въ воду, подаетъ убитую дичь, но Прокофій заставляетъ ее подавать себѣ сапоги, или вынетъ изъ кармана ключъ, поплюетъ на него, да и закинетъ въ густую траву,—вѣдь найдетъ, проклятая! Вотъ какъ, сударь, продолжалъ онъ, помолчавъ немного:— просите у бабушки денегъ да и купимъ собаку....

Разсказъ прикащика о собакѣ такъ заинтересовалъ меня, что я рѣшился, во что бы то ни стало, купить собаку, зная напередъ, что ласки мои къ бабушкѣ, а иногда и слезы, отопрутъ мнѣ ея сундучекъ. Дорогою я долго распрашивалъ прикащика о предлагаемой собакѣ: какъ ее видѣть, когда послать за Прокофьемъ, и можно ли съ нимъ отправиться на пробную охоту....

По пріѣздѣ домой, я началъ свой маневръ о покупкѣ собаки. Много было затрудненій уговорить бабушку дать мнѣ денегъ; она долго предлагала мнѣ достать прежде щенка, или выпросить у кого нибудь собаку, въ городѣ; наконецъ, послѣ многихъ моихъ просьбъ и убѣжденій рѣшилась послать за Прокофьемъ, съ тѣмъ условіемъ, что она сама будетъ съ нимъ торговаться; «а тебя онъ обманетъ, го-

ворила старушка,—ты, Петруша, и виду не показывай, что хочешь купить собаку.»

Нѣсколько часовъ провелъ я въ мучительномъ ожиданіи собаки, не отходя отъ окна; глаза мои безпрестанно были устремлены на дорогу, откуда долженъ былъ явиться Прокофій. Прошло много времени, и вотъ изъ-за угла крестьянскихъ избушекъ показался человѣкъ, въ нанковомъ сюртукѣ, подпоясанный старымъ кушакомъ неопредѣленнаго цвѣта и фуражкѣ, ведя за собою на веревочкѣ бѣлую лягавую собаку, съ темнокоричневыми пятнами и такого же цвѣта ушами. Я выскочилъ на дворъ, потомъ на улицу и стремглавъ бросился на встрѣчу будущей моей покупкѣ; я узналъ сейчасъ, что Прокофій дѣйствительно продаетъ собаку. Онъ заставлялъ ее при мнѣ дѣлать разныя штуки. Собака прекрасно подавала заднюю и переднюю поноску, становилась на заднія лапы, лаемъ своимъ просила ѣсть;—я былъ въ совершенномъ восторгѣ. Но вотъ насъ зовутъ къ бабушкѣ. Прокофій предсталъ предъ старушку съ низкими поклонами. Бабушка, по сдѣланному плану, начала рѣчь не о собакѣ; спрашивала о здоровьѣ барыни, о времени будущаго сѣва, о коровахъ, хорошо ли несутся куры, и тому подобное. Прокофій отвѣчалъ на всѣ вопросы, вертя картузъ и выставляя то одно, то другое плечо впередъ. Бабушка положила свой чулокъ, улыбнулась, поправила ченчикъ и начала спрашивать о настоящемъ дѣлѣ.

— Ты продаешь свою собаку, Прокофій?

— Какъ же, сударыня... Я по вашему приказу за тѣмъ и пришелъ къ вашей милости. Прекрасная собака! Еще два года, а какая умница.

— Нѣтъ, вѣдь я такъ только спросила, возразила старушка, желая показать, что она нисколько не желаетъ купить собаку:—однако что же ты за нее просишь?

— Десять рублей, сударыня.

Цѣна эта такъ поразила бабушку, что она, какъ мнѣ показалось, или вздрогнула, или присѣла на своемъ мѣстѣ. Я наблюдалъ малѣйшее ея движеніе.

— Ахъ, прахъ тебя возьми! Да ты съ ума сошелъ, Прокофій! За пса десять рублевъ... Ахъ, мои матушки! Нынче овца — два рубля пятьдесятъ копѣекъ, корова—пятнадцать и двадцать рублевъ, а ты просишь десять рублевъ за собаку!... (Разумѣется весь этотъ торгъ, происходилъ, по тогдашнему, на ассигнаціи).

— Ахъ, сударыня, отвѣчалъ Прокофій:—какая это цѣна!... Есть собаки по сту рублей и дороже.

Бабушка расхохоталась, а Прокофій улыбнулся и прибавилъ:—не дорога собака, а дорого ученье, сударыня.

— Да что съ тобою толковать! ты возьми за свои труды цѣлковый, да я велю еще дать тебѣ осмину муки, и то только, чтобы потѣшить Петрушу.

Прокофій поклонился, вышелъ и отправился домой; я чуть не со слезами проводилъ его до самыхъ воротъ.

— А какъ кличка твоей собаки? спросилъ я, догоняя Прокофья.

— Валетъ! сказалъ онъ.—Вотъ придетъ осень—и двадцати-пяти рублей не возьму... И, ворча еще что то, онъ скрылся за уголъ избы.

Не стану описывать, какихъ трудовъ стоило мнѣ пріобрѣсти Валета; но какъ бы то ни было, собака на другой же день принадлежала мнѣ. Но вотъ еще горе: бабушка не позволяла держать ее въ комнатѣ, увѣряла, что отъ нея пахнетъ и собака что нибудь непремѣнно сблудитъ, да и грѣхъ держать пса, гдѣ святые образа.

Сергѣй опрокинулъ что-то въ родѣ саней къ углу анбара, покрылъ это соломой и сдѣлалъ конуру для моего Валета. Нѣсколько разъ въ день отправлялся я кормить его—творогомъ, щами а иногда остатками пирога. По сдѣланной пробѣ, собака оказалась, по тогдашнему моему понятію, очень хороша: ходила въ воду, вытаскивала убитую дичь и приносила ко мнѣ нисколько неизмятую; но все это было только на однѣхъ утокъ: какъ то порадуетъ она меня въ болотѣ? думалъ я. Но дупеля и бекасы были мнѣ недоступны, — тутъ надобно умѣнье стрѣлять, проворство охотника и навыкъ, и, кромѣ того, бекасинная дробь; я не имѣлъ еще этого ничего, но все таки упросилъ Сергѣя отправиться въ болото. Это было въ первыхъ числахъ мая. При вступленіи моемъ въ царство пернатыхъ, дупеля и бекасы полетѣли въ такомъ количествѣ, что я истинно растерялся и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ просто на воздухъ. Собака стала гонять дичь, которая въ разныхъ направленіяхъ мелькала мимо головъ нашихъ, вылетала изъ-подъ ногъ то справа то слѣва. Дупеля садились опять, взлетали. Бекасы съ своимъ крикомъ вились въ воздухѣ, кулики со всѣхъ сторонъ бросались на собаку. Пиголицы то кувыркались, то бѣжали, на своихъ красныхъ ножкахъ, отъ насъ по лугу. Коростели кричали повсемѣстно. Однимъ словомъ—было отъ чего растеряться и старому охотнику. Я вязнулъ по колѣно, гоняясь за дупелями, думая, нельзя ли убить сидячаго; но никакъ не успѣлъ въ моемъ предпріятіи, измучился, потъ лился съ меня ручьями... Проходивъ болѣе четырехъ часовъ по болоту, я вернулся—не отъ усталости, а оттого, что всѣ патроны мои были пусты; убилъ я двухъ дупелей, но восторгъ мой былъ выше всякаго описанія.

Сергѣй взялъ въ руки дичь и началъ дѣлать свои замѣчанія.

— Есть изъ чего ходить по колѣно въ грязи, мучить себя и драть понапрасну сапоги! Эта птичка и гроша не стоитъ; то ли дѣло утки!

Гораздо больше, да и охота покойная. Утокъ можно убить съ разу трехъ или четырехъ; а то—сколько пороху выпалили, а убили двоихъ куликовъ. Нѣтъ, батюшка, прибавилъ Сергѣй: — охота эта больно невыгодна, да и бабушка удивится: все привозили по шести и по семи утокъ, а нынче двухъ птахъ.

— Вотъ охотникъ, подумалъ я, и не сталъ увѣрять Сергѣя, что охота болотная гораздо лучше другихъ.

На дворѣ холодно, грязно; сѣверный вѣтеръ гонитъ тучи, которымъ и конца не видно; мороситъ; дождикъ, а иногда снѣжокъ и крупа падаютъ на землю; въ воздухѣ сырость какъ въ водяномъ колесникѣ (отдѣленіе мельницы, въ которомъ ходятъ водяныя колеса), однимъ словомъ — денекъ такой, какими мы нерѣдко пользуемся въ маѣ мѣсяцѣ. Какъ отправиться на охоту? Но страсть толкаетъ подъ бока: надобно одѣваться.

Сергѣй всячески отговаривалъ, но согласился идти на ближнее болото; къ нему надобно было перейти черезъ рѣчку, которая мѣстами была довольно глубока, а ширины не болѣе трехъ саженъ. Сергѣй предложилъ идти къ пчельнику, думая найти тутъ переходъ. Мы отправились, прошли около версты по поймамъ, потомъ кустами, и явились у перехода. Пчельникъ былъ на той сторонѣ рѣки; черезъ нее было положено довольно толстое бревно, съ одного берега на другой. Тутъ же лежало нѣсколько длинныхъ кольевъ, для опоры проходящимъ черезъ бревно. Сергѣй взялъ одинъ колъ, попробовалъ имъ,—глубина оказалась выше груди; первый перешелъ прикащикъ, потомъ и я. Небольшіе валы, бившіе о бревно, дѣлали его мокрымъ, такъ что, при первой неосторожности, можно было поскользнуться и упасть въ воду; но мы прошли благополучно.

Болото это было совсѣмъ другаго рода, съ большими кочками, между которыхъ была вода, а потому дупелей было очень мало, да и тѣ были только около окрайка болота. Бекасовъ я нашелъ очень много, но удачи не было, — я не убилъ ровно ничего. Промокши до костей, мы возвратились тою же дорогою домой. Сергѣй опять чрезъ бревно перешелъ первый, а я былъ уже на половинѣ пути, какъ собакѣ, оставшейся сзади, вдругъ вздумалось опередить меня: она бросилась впередъ по бревну, сбила меня съ ногъ, и я полетѣлъ стремглавъ въ воду, окунулся съ головой, но сейчасъ же всталъ на ноги и вышелъ въ бродъ на берегъ. Съ меня текло, какъ съ крыши во время сильнаго дождя; холодъ оковалъ мои члены, вѣтеръ проникалъ насквозь, и я едва могъ дойти до дому; къ вечеру же почувствовалъ сильную головную боль и жаръ, а ночью показался бредъ. Бабушка проклинала и охоту, и собаку, и бревно, обыкновенно приговаривая: «прахъ ихъ возьми»; но это нисколько не пособило.

Я былъ въ опасномъ положеніи, нѣсколько дней не имѣлъ памяти, не принималъ пищи; но, благодаря моей молодости и попеченію милой бабушки, чрезъ три недѣли я былъ уже на ногахъ.

Наступилъ іюнь, и охота прекратилась; самки были на яйцахъ, а самцы скрылись въ глушь, чтобы смѣнить свои перышки; невидно плавающихъ утокъ на разливахъ и бакалдинахъ, да и воды нигдѣ не осталось, кромѣ коренныхъ рѣкъ; не слышно крику куликовъ и пиголицъ; болота и поемныя мѣста заросли высокой травой и камышемъ, нигдѣ ни птички; только болотной быкъ (*) стонетъ въ отдаленіи, да перепела по зарямъ перекликаются между собой, то въ лугахъ, то въ хлѣбѣ, который стоялъ уже высокою стѣною, отражая съ кудрей своихъ желтый цвѣтъ, носимый вѣтромъ, какъ туманъ, предвѣщая обильный урожай. Мошки милліонами вились въ воздухѣ, лѣзли въ глаза; комары пищали надъ ухомъ, толкушки, въ полномъ смыслѣ достойныя ихъ названія, толкли собою воздухъ; всѣ насѣкомыя принялись какъ будто за работу; наступили жары съ душными и тихими ночами.

Въ праздничные и воскресные дни Сергѣй былъ совершенно свободенъ отъ занятій и смотрѣній за работами, а потому отправлялся удить рыбу. Въ рѣкѣ нашей множество было разной породы рыбъ. Окуни, ерши, язи, плотва и щука водились въ большомъ изобиліи и хорошо брали на удочку. Въ одинъ изъ такихъ праздниковъ, я пошелъ съ Сергѣемъ посмотрѣть, какъ онъ ловитъ рыбу. Мы подошли къ крутому берегу, спустились къ самой водѣ, она на этомъ мѣстѣ вилась только клубомъ и какъ будто не дѣлала впередъ теченія. Это мѣсто называлось яромъ. Сергѣй надергалъ изъ стога сѣна, разослалъ его на самомъ берегу; усадивъ меня, пристроился самъ и закинулъ четыре удочки, объясняя всѣ правила уженья шопотомъ, чтобы не испугать рыбу, какъ онъ увѣрялъ меня. Началось подергиваніе поплавковъ, а вслѣдъ за этимъ вытаскиваніе рыбы. Сергѣй въ продолженіе одного часа накидалъ не одинъ десятокъ разной мелкой рыбы, отъ трехъ до четырехъ вершковъ не болѣе. Эта охота также мнѣ понравилась, и я, не имѣя другихъ занятій, всякій разъ уходилъ съ Сергѣемъ удить рыбу; я выучился какъ насаживать червей и хлѣбъ на удочку и какъ надобно подсѣчь рыбу, во время погруженія поплавка, — однимъ словомъ, могъ, безъ помощи моего наставника, управиться со всѣми продѣлками уженья, и отправлялся на эту охоту одинъ, когда Сергѣй былъ занятъ работами.

Въ одинъ весьма знойный день, въ шесть часовъ вечера, забравши свои удочки, которыхъ успѣлъ заготовить довольно много, я от-

(*) Выбь.

правился одинъ удить рыбу къ глубокому яру. Берега этого яра были такъ круты, что восходили отъ поверхности воды въ вышину перпендикулярно, и составляли изъ красной глины стѣну. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣна эта нависла надъ водою, угрожая паденіемъ; близь самой стѣны глубина была, какъ послѣ оказалось, не болѣе полуаршина, а далѣе къ срединѣ рѣки было довольно глубоко. Я выбралъ недалеко отъ этого мѣста отлогій берегъ и принялся за уженье; несмотря на седьмой часъ вечера, воздухъ былъ душенъ, вѣтерокъ не трогалъ съ мѣста даже пуха, потеряннаго пасущимися на лугу гусями. Солнце палило. Но вотъ засинѣлся югозападъ; тучи разныхъ величинъ, цвѣту и видовъ стали соединяться въ одну темную густую массу; раскаты грома слышались все чаще и чаще, молнія, разсѣкая тучи, отражалась въ ровной поверхности воды, — все предвѣщало сильную грозу и ливень. Мнѣ не хотѣлось оставить мое занятіе; я думалъ, что туча пройдетъ стороною, или не скоро приблизится. Но вотъ на другомъ берегу рѣки зашевелились камыши, перешептываясь между собою, въ отдаленіи неслась пыль по дорогѣ, а масса тучъ подходила все ближе и ближе. Сильный ударъ грома заставилъ меня свернуть мои удочки и поспѣшить домой; не успѣлъ я оставить моего мѣста, какъ начался ливень, и въ нѣсколько секундъ я былъ вымоченъ до нитки. Все это не принесло бы большой непріятности, но вдругъ хлынулъ градъ, довольно крупный и частый, и такъ сильно билъ въ лицо, плечи и грудь, что не было терпѣнія сносить его удары. Я думалъ, что мнѣ нѣтъ спасенія; одна была надежда—воротиться на мѣсто уженья и стать подъ земляную стѣну, которая повисла надъ рѣкою. Такъ и было сдѣлано. Градъ шелъ съ той стороны, откуда стѣна меня прикрывала, и я не получалъ отъ града ни одного удара, стоялъ по колѣно въ водѣ, имѣя на себѣ болотные сапоги. Градъ сталъ уменьшаться, но гроза свирѣпствовала въ полномъ своемъ раздольѣ; дождь превратился въ какой-то водопадъ, такъ что рѣка, въ нѣсколько минутъ, замѣтно стала прибывать, и вдругъ, въ нѣсколькихъ отъ меня шагахъ, сдѣлалось какое-то колыханіе и вмѣстѣ съ тѣмъ огромная часть навислой земляной стѣны рухнулась въ воду. Шумъ отъ паденія этой массы былъ такъ великъ, что заглушилъ ливень дождя и самый громъ; не только брызги, но огромныя водяныя глыбы полетѣли въ разныя стороны; я едва могъ устоять на ногахъ, и растерялся совершенно. Валы отъ паденія этой земляной стѣны далеко плеснулись на противулежащій берегъ, потомъ вся эта масса тихо погрузилась въ глубину рѣки. Простоявши нѣсколько минутъ, я рѣшился выйти изъ моего убѣжища. Дождь еще продолжался, но не съ такою силою; удары грома повторялись ежеминутно; несмотря на это, я принялъ намѣреніе от-

правиться домой. Моя бабушка, стоя на крыльцѣ, сильно безпокоилась объ моемъ отсутствіи, и уже хотѣла отправлять человѣка, чтобы меня отыскивать. Увидя меня, вымоченнаго съ головы до ногъ, она ахнула, и начала хлопотать о перемѣнѣ бѣлья и натираніи ногъ виномъ для предохраненія отъ простуды; упрекамъ и наставленіямъ о сохраненіи моего здоровья не было конца; но произшествіе это не оставило послѣ себя никакого послѣдствія.

IV.

На другой день послѣ этого происшествія я получилъ письмо отъ отца. «Пора тебѣ, милый Петруша, писалъ онъ,—подумать о себѣ, не все же шататься по болотамъ, стрѣлять пиголицъ и мартышекъ и удить рыбу; пора бросить эти занятія, не приносящія ровно никакой пользы. По возвращеніи твоемъ изъ Казани, продолжалъ онъ, ты не захотѣлъ учиться, при всѣхъ моихъ настояніяхъ; бабушкѣ твоей лучше показалось взять тебя въ деревню и выучить бродить по цѣлымъ днямъ за утками и куликами. Вспомни, тебѣ пятнадцать лѣтъ: если не учиться, то служить надобно. Въ военную службу поступить тебѣ не удалось, по твоей комплекціи; надобно опредѣлиться въ статскую. Я избираю тебѣ гражданскую палату; предсѣдатель— человѣкъ мнѣ знакомый, да и секретарь также; я уже говорилъ съ ними о твоемъ опредѣленіи. Жду твоего пріѣзда, и приказываю явиться непремѣнно, — это есть моя непремѣнная воля!»

Когда я прочелъ письмо бабушкѣ, она положила свой чулокъ, засмѣялась, что-то долго шевелила губами, произнося невнятныя слова, и наконецъ сказала съ сердцемъ.

— Ребенка опредѣлить въ службу! Не дадутъ отдохнуть! Онъ еще послѣ болѣзни не оправился. Ахъ, мои матушки! въ гражданскую палату! въ подъячіе, къ этому скареду предсѣдателю, отдать ребенка! Да онъ, пожалуй, заморитъ безъ обѣдовъ... Какъ онъ обходится и съ взрослыми-то, прахъ его возьми! Вѣдь онъ солдатскій сынъ, какая въ немъ душа? Онъ, проклятый, и болѣзни-то въ человѣкѣ никакой не вѣритъ, знаю я его.... Кто опоздалъ да придетъ въ палату однимъ часомъ послѣ его, то и велитъ взять сторожу шапку и не пущать обѣдать; а случается — приказываетъ и за волосы подрать. Извѣстное дѣло, — сторожъ не пощадитъ, запуститъ мужичью лапу въ вихоръ, да такъ оттаскаетъ, что послѣ этого съ недѣлю волосы лѣзутъ. Прахъ его возьми, дуракъ эдакій, неучъ плѣшивый! А еще генералъ! Не даромъ нынче видѣла во снѣ все ягоды, — земляника, крупная такая. Это къ слезамъ, право къ слезамъ...

Долго еще бабушка роптала на будущую судьбу мою, бранила предсѣдателя, досталось и секретарю; но за всѣмъ тѣмъ приказала приготовить лошадей къ завтрашнему отъѣзду.

Рано поутру къ крыльцу была подвезена наша повозка, запряженная старыми рыжаками бабушки; мы уложились и тронулись въ дорогу. Сергѣй провожалъ насъ верхомъ версты двѣ. Мнѣ грустно было оставить деревню съ ея покойною жизнію и просторомъ вольности....

Путешествіе наше за тридцать верстъ, продолжалось пять часовъ; старые кони плелись небольшою рысью, и то только подъ гору.

Наконецъ мы дома. Свиданіе съ отцомъ и матерью, распросы съ обѣихъ сторонъ пропускаю мимо; скажу одно, что завтрашній день рѣшено было представить меня предсѣдателю; бабушка представляла какія-то препятствія, но воля отца была непоколебима.

Въ семь часовъ утра я былъ одѣтъ въ свой коричневый фракъ, съ тѣмъ, чтобы явиться предсѣдателю, и тщательно осмотрѣнъ съ ногъ до головы. Пора, пора! говорилъ мой отецъ:—предсѣдатель выѣзжаетъ рано въ палату; какъ бы намъ застать его.—И мы отправились.

Когда доложили о нашемъ пріѣздѣ, къ намъ въ залу вышелъ старичокъ небольшаго росту, съ порядочной лысиной на головѣ. Все лицо его въ разныхъ направленіяхъ испещрено морщинами; небольшіе сѣренькіе глазки едва были замѣтны изъ нависшихъ сѣдыхъ большихъ бровей. Это былъ предсѣдатель. Халатъ его, неопредѣленнаго цвѣта и матеріи, вѣроятно давно кончилъ срокъ своей службы, да и спальные сапоги могли бы давно получить пенсіонъ.

— Прошу садиться, сказалъ предсѣдатель по тогдашнему обыкновенію.

Мы сѣли. Разговоръ начался прежде о погодѣ, наконецъ дошелъ и до моего опредѣленія. На всѣ вопросы предсѣдателя, отецъ мой отвѣчалъ съ почтеніемъ, называя его очень часто вашимъ превосходительствомъ.

— Хорошо ли пишетъ вашъ сынъ?

— Недурно, ваше превосходительство.

— Я только и добиваюсь въ моей палатѣ, чтобы служащіе писали чотко. Иногда приходится и въ сенатъ послать донесеніе,—такъ, знаете, чтобы былъ красивый почеркъ: это много значитъ. Мои подъячіе—народъ пьяный; никакія наказанія деликатныя не дѣйствуютъ. Если и таску велишь задать все какъ съгуся вода,—только отряхнется и опять запрежнее; а оставить безъ обѣда, это ему канальѣ ни почемъ: налопается збитню съ калачами,—что твой обѣдъ. То ли дѣло, если бы разрѣшено было ихъ палочьемъ колотить: это средство

было бы много исправительнѣе. Я самъ служилъ солдатомъ; бывало, страхъ боишься, какъ бы въ спину не засыпали,—оглядываешься на всѣ стороны. И былъ порядокъ, я вамъ скажу; бывало, идетъ фельдфебель,—что твоя гроза приближается; я бы и здѣсь эдакій порядокъ завелъ, да ужь старъ становлюсь. Секретари—взяточники, какъ-разъ подсунутъ какое нибудь дѣльце подписать, за которое они взяли барашка въ бумажкѣ, а что будешь дѣлать? Вижу ясно, какъ говоритъ моя совѣсть, что та сторона правая, противъ которой я подписываю, такъ нѣтъ,—проклятый секретаришка и начнетъ показывать законы: вотъ этотъ указъ то говоритъ, а вотъ этотъ тоже подверждаетъ, вотъ и новоуказныя статьи не противорѣчатъ этимъ обстоятельствамъ; словомъ сказать, накидаетъ передо мной столько книгъ, что умъ разступится; читаешь, читаешь, и все будто кажется, что одинъ указъ противорѣчитъ другому,—просто запутаешься, плюнешь да и подпишешь. А совѣтникъ и дворянскіе засѣдатели подписываютъ, никогда не читая, а о купеческихъ и говорить нечего... Ты смотри, батюшка, сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ:—не избалуйся, не привыкай пить вино съ подъячими; я строго буду взыскивать... Подайте завтра просьбу о его опредѣленіи, и прикажите ходить въ палату пораньше; я люблю раннія занятія. Прощайте! прощайте! прибавилъ онъ,—пора въ палату».

Бабушка, лишь только, по пріѣздѣ нашемъ домой, услыхала объ моемъ опредѣленіи, не замедлила тайно послать за секретаремъ палаты, который когда-то былъ знакомъ ея мужу. Въ шесть часовъ вечера явился Ефимъ Тимофеевичъ, палатскій секретарь, довольно высокаго росту, въ длинноломъ изъ чернаго сукна сюртукѣ, съ маленькими пуговицами, обтянутыми тѣмъ же сукномъ; воротникъ сюртука толстымъ слоемъ обхватывалъ его шею и доставалъ до самыхъ ушей, прикрывая почти половину затылка; лицо господина секретаря было брусничнаго цвѣта, съ небольшими расписными лиловыми оттѣнками, большой носъ едва не касался подбородка, сѣрые глаза чуть-чуть показывались, какъ будто изъ длинноватыхъ прорѣзанныхъ щелей; онъ былъ близорукъ, такъ что, если нужно что нибудь разсмотрѣть, то онъ всякую вещь подносилъ близко къ носу и сжималъ свои рѣсницы. Кланялся какъ-то необыкновенно: прежде нежели сдѣлать наклонъ, онъ перегибался всѣмъ тѣломъ назадъ, а потомъ вдругъ съ размаху опускалъ голову почти противъ живота, и это повторялось почти два раза.

Бабушка закидала его вопросами о моей будущей службѣ,—какъ и когда ходить въ палату?— просила о неоставленіи, и тому подобное.

Подали чай.

— Не прикажите ли, Ефимъ Тимофеевичъ, съ прибавленіемъ?

— Очень хорошо–съ, отвѣчалъ онъ.

Явился на столъ графинъ французской водки (она тогда болѣе употреблялась, нежели ромъ). Ефимъ Тимофеевичъ выпилъ три чашки съ водкою, отказался было отъ четвертой, но, по увѣренію бабушки, что изба о четырехъ углахъ, согласился, будто нехотя, влить въ себя четвертую. Послѣ этой чашки лицо Ефима Тимофеевича оживилось много противъ прежняго, на устахъ безпрестанно показывалась улыбка, рѣсницы сходились въ одну точку. Онъ часто нюхалъ табакъ изъ своей круглой табакерки съ какимъ-то портретомъ. Начались разные шуточные разговоры о городскихъ новостяхъ, наконецъ, когда все было высказано, просьба объ моемъ неоставленіи, конечно, была послѣднимъ разговоромъ. Секретарь началъ отвѣшивать свои странные поклоны и отправился домой.

При первомъ моемъ вступленіи въ палату меня сильно поразила нечистота комнатъ, безпорядокъ и сильный, какой-то особенный запахъ. Въ нынѣшнее время ни въ одномъ сельскомъ приказѣ нельзя встрѣтить такой неопрятности, какъ было тогда въ комнатахъ палаты. Изъ огромныхъ сѣней дверь вела въ прихожую, небольшую комнату, штукатурныя стѣны которой когда-то были выбѣлены; на лавкѣ стояли два деревянныхъ ведра, наполненныхъ водою, для утоленія жажды послѣ сильнаго похмѣлья приказно-служителей; на другой сторонѣ этой комнаты была дверь, обитая изорванной рогожей; за дверью находилась комната сторожа, гдѣ продавалъ онъ калачи, каленыя яица и воблу (*)—постоянную закуску служащихъ. При входѣ въ самую палату, въ большой комнатѣ, стояло семь или восемь столовъ некрашенныхъ и ничѣмъ непокрытыхъ, довольно большаго формата; у нѣкоторыхъ ножки перевязаны, были веревками; вокругъ столовъ, вмѣсто стульевъ, были деревянныя скамейки; на каждой изъ нихъ лежало нѣсколько черновыхъ и газетныхъ бумагъ, для мягкаго сидѣнья. Одни только столоначальники имѣли стулья, которые едва стояли на своихъ раненыхъ ногахъ. Къ стѣнѣ, для храненія дѣлъ, поставлены сундуки и шкафы разной величины и вида, тоже некрашенные, но отъ времени такъ запачканные, что можно было подумать, будто они вытащены изъ болота. На столахъ, вмѣсто чернильницъ, красовались помадныя банки, поставленныя въ бумажныя коробки, наполненныя пескомъ. Некрашенные полы мылись только къ большимъ праздникамъ, а потому можно судить, какъ они были чисты. Въ присутствіи, такъ же какъ и нынѣ, стоялъ длинный столъ, покрытый сукномъ; сукно это въ молодости своей было краснаго цвѣта, но теперь полиняло и было запачкано саломъ и

(*) Дешевая соленая рыба.

чернилами. Здѣсь можно было встрѣтить и стеклянныя чернильницы и крашенный шкафъ, съ книгами законовъ; вокругъ стола стояли кресла, обитыя протертою кожею. Портретъ императора Александра I висѣлъ за предсѣдательскими креслами, въ деревянныхъ желтыхъ рамкахъ. Художникъ, рисуя лицо Благословеннаго, такую темную сдѣлалъ тѣнь на одной сторонѣ волосъ, что правая сторона представляла блондина, а лѣвая брюнета, — о сходствѣ и говорить нечего. У дверей присутствія стоялъ отставной солдатъ, въ худомъ сюртукѣ, съ двумя медалями на груди.

Какой же народъ наполнялъ эти неопрятныя, хотя и каменныя палаты? Эти люди были не чище комнатъ, мебели и даже самыхъ грязныхъ половъ. Что за грустныя лица, и что они выражали! У нѣкоторыхъ были синяки подъ глазами, волосы въ пуху и непричосапы, сюртуки въ большихъ заплатахъ, которыя спорили съ настоящимъ цвѣтомъ платья; жилетъ и шейный платокъ — до того грязны, что нельзя опредѣлить ни матеріи, ни цвѣта; у многихъ даже выглядывали изъ сапогъ пальцы. На однихъ столоначальникахъ были фраки изъ синяго сукна, съ свѣтлыми пуговицами, и у всѣхъ были изношены до невозможности. Поутру, довольно рано, отъ нѣкоторыхъ несло виномъ и лукомъ. А вотъ и разговоръ ихъ.

— А что, Кожурковъ, сказалъ одинъ изъ служащихъ сидящему за столомъ своему собрату: — гдѣ ты вчерась цѣлый день бражничалъ? Предсѣдатель тебя спрашивалъ и хочетъ тебя проучить порядкомъ...

—Не надоѣдай! сказалъ Кожурковъ:—мочи нѣтъ болитъ голова. Повѣренный по дѣлу Сѣмечкина завелъ въ расторачку; ну, братецъ ты мой, и угостилъ на славу!

При этомъ лицо его нѣсколько оживилось.

— А ты не догадался позвать меня съ собою? сказалъ его товарищъ. — У насъ въ столѣ будетъ справка по его дѣлу,—сухо не отдѣлается. А какое было угощеніе?

— Угощеніе? Во-первыхъ, братецъ ты мой, велѣлъ подать поросенка подъ хрѣномъ, потомъ солянку съ почками, подовые пироги и жаренаго гуся; пѣнникомъ хоть облейся, а ужъ какое пиво, братецъ ты мой, что твоя малина.

— Хороша тебѣ будетъ малина нынче отъ предсѣдателя!

— Что мнѣ предсѣдатель!—Въ рожу не треснетъ: я самъ губернскій секретарь, отъ тѣлеснаго наказанія избавленъ. Пусть его ругаетъ, сколько хочетъ, а рукамъ воли не давай! А брань на вороту на виснетъ, недаромъ пословица говорится: «побьютъ—не возъ навьютъ, побранятъ — не два навалятъ». Развѣ прижимать шибко станетъ и велитъ убавить жалованья, такъ мнѣ недолго подать просьбу объ увольненіи отъ службы,—гербовый листъ въ пятьдесятъ копѣекъ для

меня плевка стоитъ... Вотъ теперь, братецъ ты мой, какъ бы хватить стаканчикъ пѣнничку, — поправился бы немного; а то голова трещитъ, какъ послѣ баннаго угара.

— А что, повѣренный Сѣмечкина хотѣлъ быть нынче въ палатѣ? Я бы ему шепнулъ что нибудь о справкахъ по его дѣлу.

— Что ты ему будешь шептать,—я не знаю, братецъ ты мой... Онъ ужь нашептался съ твоимъ столоначальникомъ, а третьято дня былъ въ присутствіи у секретаря. Я будто бы за книгой вошелъ въ присутствіе, а между тѣмъ и слышу, что Ефимъ Тимофеичъ, говоритъ повѣренному: «напрасно, напрасно!». А ты самъ, братецъ ты мой, знаешь, что̀ это значитъ... Какъ только даютъ ему деньги, всегда и говоритъ: «напрасно, напрасно», а самъ руку протягиваетъ. Если твой столоначальникъ взялъ съ повѣреннаго, такъ извѣстное дѣло: двумъ помощникамъ изъ полученнаго противъ его—половина; раздѣлъ этотъ, братецъ ты мой, не новый.

— Не хочется мнѣ питаться крупицами, падающими со стола господъ, сирѣчь уподобиться псу; давно пора самому быть столоначальникомъ: вотъ двѣнадцатый годъ сижу на этомъ мѣстѣ, а повышенія не вижу. Еще въ прошломъ году попытался было проситься у предсѣдателя на мѣсто покойника Краюшкина, такъ куда! Не выслушалъ онъ и одного слова; «вонъ, говоритъ, свинья нечесанная!» Бранилъ, бранилъ, — такъ и лѣзетъ къ рылу.

Разговоръ этотъ былъ довольно рано поутру. Но вотъ явился одинъ изъ столоначальниковъ; онъ положилъ тщательно свою шинель гороховаго цвѣта на сундукъ, гдѣ покоились дѣла его, досталъ изъ этого сундука большую связку бумагъ, обложилъ ими конецъ стола и, усѣвшись на свой утлый стулъ, понюхалъ табаку, утерся клѣтчатымъ платкомъ и началъ разбирать бумаги; потомъ вынулъ перо изъ помадной банки, сильно щолкнулъ имъ подъ своимъ стуломъ, обтеръ его подъ мышкою и вдругъ закричалъ: «опять чернилъ нѣтъ, одна гуща! Не догадаются сдѣлать свое дѣло... Кожурковъ! вели, пожалуйста, купеческому засѣдателю подлить чернилъ; я думаю,—онъ дрыхнетъ тамъ въ сторожевской». Явился засѣдатель, въ крашенинномъ полукафтанѣ, въ большихъ дегтярныхъ сапогахъ, съ кувшиномъ въ рукѣ, и налилъ изъ него чернилъ столоначальнику.

—Секретарь идетъ! вскричалъ какой-то человѣкъ, въ нанковомъ сюртукѣ, и всѣ палатскіе сѣли на свои мѣста; откуда явился весь этотъ хламъ, мгновенно наполнившій палату?

Ефимъ Тимофеевичъ вошелъ съ прищуренными глазками, стараясь разсмотрѣть Кожуркова, и тотчасъ началъ гнѣвно спрашивать у него отчета, почему вчера не былъ у должности? Несчастный губернскій секретарь, повѣся голову, не дѣлалъ никакого оправданія.

«Сторожъ! повелительно вскричалъ Ефимъ Тимофеевичъ: — сними сапоги съ Кожуркова; на три дня безъ обѣда», прибавилъ онъ и ушелъ въ присутствіе.

Вскорѣ явился и предсѣдатель; всѣ встали и отдали ему по поясному поклону; вахмистръ растворилъ двери присутствія, старичокъ вошелъ и занялъ свое мѣсто.

Къ десяти часамъ стали являться просители; столоначальники выходили съ ними въ большія сѣни, о чемъ-то толковали; иные возвращались на свои мѣста съ веселымъ лицомъ, а на другихъ выражалась неудача.

Меня зачислили въ крѣпостной столъ, гдѣ пишутъ купчія крѣпости. Являлся какой нибудь покупщикъ имѣнія, дома или земли, и обращался съ своею просьбою въ крѣпостной столъ. Производилась справка, нѣтъ ли запрещенія на продажу, и для этого посылался запросъ столоначальникамъ: одинъ изъ служащихъ въ крѣпостномъ столѣ бралъ бумагу и отправлялся по всѣмъ столамъ; на листѣ этомъ подписывалъ столоначальникъ: «что у него запрещенія нѣтъ», и такъ далѣе передавалось въ прочіе столы. Если приказный, разносившій бумагу, бралъ съ просителя синенькую бумажку, то есть пять рублей, то мѣнялъ ее въ казначействѣ на мѣдныя деньги и разносилъ по столамъ по пятидесяти копѣекъ, ставя кучку мѣдныхъ денегъ передъ самимъ столоначальникомъ, и это дѣлалось такъ публично, что всѣ могли видѣть.

V.

Я продолжалъ посѣщать палату каждодневно; бабушка какъ-то устроила, что я могъ быть у должности только поутру, слѣдовательно у меня много было свободнаго времени, которое было употребляемо для охоты.

Я имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми охотниками, и одинъ изъ нихъ, офицеръ Мавринъ, постояно жившій по какому-то порученію въ городѣ, принялъ меня подъ свое покровительство по дѣламъ лѣснымъ и болотнымъ. Подъ его руководствомъ я научился стрѣлять, узнавать мѣста, гдѣ находтся дичь, различать породы и названія утокъ и разной дичи, такъ что къ концу осени я почти не сдѣлался опытнымъ охотникомъ. Почти каждодневно я съ Мавринымъ отправлялся въ болото, которое было близко отъ города; удача была не та, что прежде: я приносилъ домой по десяти, пятнадцати и болѣе дупелей и разной болотной дичи, которой

было такое множество, что непростительно было и плохому егерю не убивать въ день нѣсколько десятковъ.

Однажды вечеромъ Мавринъ зашелъ ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы пригласить меня завтра на охоту; онъ не имѣлъ собственной лошади, мнѣ же безъ малѣйшаго затрудненія позволялось брать бабушкиныхъ лошадей во всякое время.

—Пора вамъ показать охоту по лѣсной дичи, сказалъ Мавринъ, а потому не хотите ли завтра въ лѣсъ. — Только пожалуйста привяжите вашу собаку; она гоняетъ дичь, бросается какъ угорѣлая, — въ лѣсу съ ней нельзя охотиться; по лѣсной дичи, нужна собака вѣжливая, несуетливая, болѣе медленная, нежели съ большой энергией; съ такой собакой весь выводокъ будетъ у васъ въ ягдташѣ.

На другой день лишь только появилась утренняя заря, я уже подъѣзжалъ къ квартирѣ моего товарища, засталъ его совсѣмъ готовымъ и мы отправились. Я не послушался Маврина и взялъ свою собаку.

Лѣсъ, въ которомъ мы начали охотиться, былъ окруженъ яровымъ хлѣбомъ. Гречиха совсѣмъ отцвѣла, овесъ пожелтѣлъ и склонилъ свои вѣтки подъ тяжестью росы, пшеница и полба гордо выпрямили свои головки съ колючими усами. Офицеръ не щадилъ никакого хлѣба и шагалъ, какъ по большой дорогѣ.

— Теперь вамъ надобно дать нѣкоторое понятіе о лѣсной охотѣ, сказалъ Мавринъ. Это не то, что на болотѣ. Болотная охота вамъ нѣсколько извѣстна, и я говорить о ней не стану; но въ лѣсу другое дѣло. Начнемъ съ того: если собака приведетъ васъ къ выводку, мать взлетаетъ первая, съ обыкновеннымъ ея крикомъ, и начинаетъ дѣлать свои обманы: то садится на землю въ недальнемъ разстояніи, такъ, чтобы можно было ее видѣть, то опять подымается и летитъ очень низко. Собака, какъ бы ни была выучена, бросается за ней; охотникъ, не зная этихъ продѣлокъ, также идетъ за нею, между тѣмъ весь выводокъ разбѣгается въ разныя стороны, и вы, ушедши за матерью, не только не въ состояніи найти дѣтей, но даже и мѣсто потеряете, гдѣ они были: лѣсъ—не поле, предметы одни и тѣже... А должно оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ нашли выводокъ, который, съ умной собакой, весь будетъ у васъ въ ягдташѣ. Потомъ, если собака сдѣлала стойку, выбирайте чистое мѣсто, чтобы птица не могла мелькнуть за дерево; не безпокойтесь и не торопитесь,—молодой тетеревъ скоро не слетитъ, а особенно въ такую сильную росу. Если вы нашли или убили одного выводка, продолжайте искать около этого мѣста,—тутъ вѣрно не одинъ. Теперь о мѣстности лѣсной дичи. Молодые тетерева въ самомъ младенчествѣ питаются ягодами и сѣменами различныхъ растеній, но когда поспѣютъ хлѣба, мать выво-

дитъ дѣтей своихъ кормиться хлѣбными зернами, а потому въ нынѣшнюю пору все тетеревиное поколѣніе находится въ опушкѣ лѣса. Рано поутру ихъ можно застать въ хлѣбахъ, а какъ кончатъ свой ранній обѣдъ и наступитъ жаркая пора, то вся птица забивается въ тѣнь, подъ самые корни кустовъ дуба и березы, въ особенности гдѣ растетъ высокая трава. Но всего вамъ передать невозможно; время — лучшій учитель. Не мѣшаетъ замѣтить насчетъ осторожности: если вы ходите съ однимъ или двумя охотниками и не будете наблюдать всѣхъ охотничьихъ правилъ, то какъ-разъ можете влѣпить зарядъ въ бокъ вашему товарищу; повторяю вамъ, — здѣсь не болото; кусты закрываютъ отъ васъ человѣка, птица можетъ вылетѣть и поровняться на одной линіи съ другимъ охотникомъ, и выстрѣлъ вашъ можетъ его изуродовать, если не положитъ на мѣстѣ. Это несчастіе случалось нерѣдко.

Не успѣли мы кончить нашего разговора, какъ собака Маврина потянула къ гречи, изъ которой вылетѣлъ черный тетеревъ; я неуспѣлъ опомниться, какъ мой товарищъ положилъ его на повалъ. «Нука, полѣзай, краснобровый, нынче въ ягдташъ, а завтра на сковороду,» сказалъ Мавринъ. Онъ зарядилъ снова ружье, и мы стали подвигаться тихо впередъ. Открылась небольшая полянка. Собаки заметались, какъ угорѣлыя! «Возьмите вашу собаку на веревку», закричалъ Мавринъ. — Я взялъ ее за ошейникъ и держалъ около себя; между тѣмъ собака Маврина, безъ моего Валета, стала хладнокровно отыскивать выводокъ и вотъ наконецъ, сдѣлавши нѣсколько медленныхъ шаговъ, остановилась. Взлетѣла старая, и была убита наповалъ; потомъ началось исканіе молодыхъ, и всѣ они или были убиты Мавринымъ, или пойманы его собакой. Много еще находили мы выводковъ; офицеръ набилъ полный ягдташъ, а я удостоился чести убить одного молодаго, и въ полномъ восторгѣ отъ лѣсной охоты возвратились домой. Дорогою долго Мавринъ смѣялся надъ моимъ охотничьимъ костюмомъ, одноствольнымъ ружьемъ, а въ особенности надъ бумажными патронами, съ которыми, по прошествіи четырехъ дней, вотъ что случилось.

Близь самаго города отдѣляется изъ Волги истокъ, довольно глубокій, шириною не болѣе шести саженъ; всѣ истоки, исходящіе изъ Волги, называются воложками. Этотъ истокъ, протекая разными изгибами верстъ 8, впадаетъ опять въ Волгу, образуя между собою и Волгою большой островъ, со множествомъ озеръ и болотъ, наполненныхъ разной дичью. Чтобы попасть на этотъ островъ, нужно или переѣхать на лодкѣ, или отправиться на мостъ, который устроенъ чрезъ истокъ, близь самаго его впаденія въ Волгу; слѣдовательно, надобно проѣхать восемь верстъ, чтобы попасть на мостъ. Мнѣ вздумалось

малось одному ѣхать на островъ и непремѣнно верхомъ. Я не разсудилъ, удобно ли исполнять охоту, не имѣя возможности отдать кому нибудь лошадь. Мнѣ осѣдлали сѣраго коня, который каждый день усердно возилъ воду и по метрическому свидѣтельству, если бы его можно было имѣть, вѣроятно былъ старше меня пятью годами. Я отправился довольно рано, имѣя за плечами ружье; бумажные мои патроны, находившіеся въ холщевомъ мѣшкѣ, были привязаны къ лукѣ сѣдла. Не имѣя возможности достать лодку, я поѣхалъ на мостъ, но пріѣздѣ на самый островъ долго охотился на утокъ, высматривая ихъ прежде съ лошади, потомъ привязывалъ ее къ кустамъ и подкрадывался къ уткамъ. Много разъ удавалась мнѣ эта продѣлка; но послѣ одной изъ нихъ, возвращаясь къ лошади, я увидѣлъ, что она отвязалась отъ кустовъ и щипала траву. Лишь только сталъ я къ ней подходить, лошадь, чувствуя свободу, бросилась отъ меня и побѣжала къ самому истоку, вдоль котораго пошла шагомъ къ городу. Мостъ остался у меня назади, я шелъ за лошадью въ той надеждѣ, что могу ее поймать, когда она подойдетъ къ самому устью истока; но случилось противное. Пройдя верстъ шесть, лошадь моя дѣйствительно подошла къ мѣсту, гдѣ вытекалъ истокъ изъ Волги, посмотрѣла на всѣ стороны и, видя, что она со всѣхъ сторонъ окружена водою, пошла ровнымъ шагомъ въ воложку все дальше и дальше, потомъ поплыла и наконецъ вышла на другой берегъ, отряхнулась и отправилась къ городу. Я былъ въ отчаяніи: на той сторонѣ нельзя было никого видѣть, потому что одни городскіе сады примыкали къ этому мѣсту. Что было дѣлать? не болѣе двадцати шаговъ другой берегъ, но чтобы сдѣлать эти двадцать шаговъ, — надобно пройти шестнадцать верстъ, то есть воротиться на мостъ...

Въ грустномъ одиночествѣ я сѣлъ на каршу (*), чтобы нѣсколько собраться съ силами. Въ городѣ благовѣстили къ обѣднѣ, звонъ колоколовъ долеталъ до моего слуха и какъ будто напоминалъ мое незавидное положеніе; оставалась одна надежда на судно, которое могло подойти къ этому мѣсту. Бурлаки, при тихой погодѣ, тянутъ лямкою суда свои и, подойдя къ истоку, нереѣзжаютъ воложку на лодкѣ; но и эта надежда не могла исполниться. Былъ южный вѣтерокъ, который, надувая паруса, гналъ множество судовъ самою срединою Волги. Нигдѣ не слышно человѣческаго голоса, только небольшіе валы, выплескивая на берегъ бѣлую пѣну, производили однообразный свой говоръ. Безчисленное множество мартышекъ вилось надъ истокомъ, наполняя

(*) Большое дерево принесенное вёсеннею водою.

воздухъ своимъ докучливымъ крикомъ; увидѣвъ въ водѣ свою добычу, онѣ становились неподвижно въ воздухѣ, выжидая удобной минуты, и вдругъ стремглавъ бросались въ воду, погружаясь до половины, выносили небольшую рыбку — свой лакомый завтракъ, потомъ опять поднимались и крутились въ воздухѣ, перелетая съ одного берега на другой. Лошадь моя была въ виду, близь садоваго плетня; выбравъ зеленую лужайку, спокойно кушала она траву, не обращая на меня никакого вниманія. Нужно было отправиться къ мосту. Имѣя въ ружьѣ одинъ зарядъ, я нисколько не думалъ о дичи, которая мнѣ попадалась. Едва передвигая усталыя ноги, измученный и голодный до крайности, я возвратился домой около четырехъ часовъ вечера, и выслушалъ справедливые упреки и приказаніе не давать мнѣ никогда безъ человѣка лошади, которая уже посредствомъ полиціи приведена была домой; при чемъ дичи неоказалось, а патроны мои размокли и выброшены, какъ негодные для употребленія. Но скоро забылись случившіяся со мною непріятности, и опять началась наша охота съ Мавринымъ по лѣсной и болотной дичи...

VI.

Но не все же описывать охоту... У меня были въ это время и сердечныя обстоятельства. Мнѣ уже шестнадцать лѣтъ, такъ почему же въ эту пору не испытать любовной страсти? Надобно узнать и это увлеченіе и перемѣшать со страстію охоты; не все же сидѣть въ палатѣ, а особенно юношѣ, начитавшемуся романовъ: Жанлисъ, Радклифъ и Дюкре-дю-Мениля.

Я нѣкоторые романы тогдашняго времени (конечно, переводные) зналъ почти наизустъ, напримѣръ: Лолота и Фанфанъ, Викторъ или дитя въ лѣсу, Мальчикъ напгрывающій колокольчиками, Ринальдо Ринальдини, Полночный колоколъ, который начинается: «Я не дура, рву изъ головы моей волосы»: потомъ разные абатства, таинственные замки и подземелья. Начитавшись тогдашнихъ романовъ, а сталъ мечтать о чемъ-то незнакомомъ, создавалъ свой идеалъ; недоставало только Дульцинеи, въ которую я могъ бы влюбиться по уши. Дульцинея эта не замедлила явиться.

Не помню, въ декабрѣ или въ январѣ, только въ зимнюю пору, возвратился я однажды изъ палаты ранѣе обыкновеннаго. Съ бабушкой въ гостиной сидѣла дама; она была въ черномъ шерстяномъ платьѣ, обшитомъ плерезами, въ черномъ креповомъ чепчикѣ, съ ленточками такого же цвѣта; однимъ словомъ, она была въ полномъ траурѣ. Ей было не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, она была недурна собою,

полный, круглый станъ и цвѣтъ лица показывали, что она пользуется прекраснымъ здоровьемъ; большіе черные глаза были заплаканы, и вообще она находилась въ грустномъ состояніи. Она казалась мнѣ тогда грузинкою, но, какъ оказалось потомъ, родилась не далѣе степей Оренбургской губерніи.

— Я много наслышана о вашихъ добрыхъ качествахъ и что вы любите помогать бѣднымъ, сказала дама, моей бабушкѣ. — Мужъ мой служилъ майоромъ въ.... пѣхотномъ полку; пріѣхавъ въ вашъ городъ по дѣламъ службы, здѣсь простудился, занемогъ, и я имѣла несчастіе его лишиться, сдѣлавъ похороны пособіемъ добрыхъ людей; теперь сама въ чужомъ городѣ, не имѣя ни знакомыхъ, ни пристанища, ни средствъ къ пропитанію, лишена возможности ѣхать на свою родину. Нельзя ли вамъ сдѣлать мнѣ, по вашимъ средствамъ, какое нибудь пособіе? Я не могу брать взаймы деньги, но сдѣланную вами мнѣ помощь, почту истиннымъ христіанскимъ одолженіемъ.

При этихъ словахъ, вдова опять принялась плакать, бабушка тоже разчувствовалась и сказала:

— Я вамъ матушка не могу помочь многимъ. Ну, если дать вамъ нѣсколько рублевиковъ, могутъ ли они обезпечить васъ на долгое время? Проживши эти деньги, вы должны будете опять просить у людей помощи. А лучше всего, такъ какъ вы не имѣете здѣсь никого знакомыхъ, стало быть вамъ нужна и квартира, и столъ, и услуга, — все это я предлагаю вамъ; переходите ко мнѣ въ домъ, вамъ отведутъ комнату, столъ можете имѣть вмѣстѣ съ нами безъ всякой платы, а между тѣмъ не пріищемъ ли вамъ случая отправиться къ роднымъ. Если вы желаете принять совѣтъ мой, то сейчасъ же можно послать лошадь за вашимъ сундукомъ или чемоданомъ.

Дама бросилась цаловать бабушку, но отказалась отъ посылки за имуществомъ.

— Какъ ваша фамилія? спросила бабушка.

— Марья Петровна Буракова.

— Итакъ, Марья Петровна, я думаю вы останетесь довольны моимъ предложеніемъ; у насъ домъ довольно великъ и вы будете совершенно покойны....

— Я не знаю какъ благодарить васъ за предлагаемое одолженіе; нынче позвольте мнѣ окончить начатое мною домашнее дѣло, а завтра явлюсь къ вамъ непремѣнно.

Она распрощалась и вышла изъ дому.

На другой день бабушка приказала очистить комнату и долго ждала Марью Петровну, но она не являлась. Прошелъ день, другой, недѣля и болѣе—вдовы не было; наконецъ Марья Петровна была за-

быта. Она разыграла драму; теперь надобно явиться ей чуть-чуть не въ трагедіи.

Былъ зимній вечеръ, на дворѣ бушевала мятель; я сидѣлъ въ своей комнатѣ, которая примыкала къ заднимъ сѣнямъ, и слушалъ какіе-то страшные разсказы о разбойникахъ, кладахъ и колдунахъ: всѣ эти ужасы съ большими подробностями умѣла разсказывать жившая у насъ старушка. Вечеръ былъ на исходѣ, какъ вдругъ въ дверь заднихъ сѣней стали сильно стучаться съ неистовымъ крикомъ: «отоприте! защитите! защитите!» У насъ въ домѣ все пришло въ движеніе. Отперли сѣни, въ комнату вбѣжала молодая женщина, длинные волосы были растрепаны, ситцевое платье изорвано и висѣло лоскутьями, обнаженныя руки и плечи были изсѣчены. Эта женщина была Марья Петровна. Куда дѣвалось траурное платье и крѣповый чепчикъ! Едва можно было узнать особу, назадъ тому двѣ недѣли такъ хорошо одѣтую; она была даже босикомъ и не имѣла платка, которымъ бы могла прикрыть роскошную грудь свою. Что съ вами? что съ вами? раздалось нѣсколько голосовъ. — «Спасите! спасите меня, закричала Марья Петровна: я избита мужемъ.»

— Какъ покойникомъ? вскричала бабушка.

— Онъ никогда не умиралъ... Я васъ обманывала, моя благодѣтельница, я совсѣмъ не вдова и не майорша Буракова, а поручица Полусвѣтова. Мужъ мой, съ своими развратными сестрами, привезъ меня сюда изъ Оренбургской губерніи; они безпрестанно пьютъ въ трактирахъ, крадутъ въ домахъ, меня же, какъ несчастную жертву, наряжаютъ въ трауръ, заставляютъ притворяться и называть себя вдовой, затѣмъ, чтобы испрашивать подаяніе, которое они пропиваютъ. Если я могу что нибудь выпросить, то мнѣ дадутъ кусокъ хлѣба, въ противномъ случаѣ меня встрѣтитъ жестокое наказаніе; вотъ и теперь — распаренными въ печи розгами я изсѣчена до невозможности. Терпѣніе мое истощилось, я забыла женскій стыдъ, ушла отъ моихъ злодѣевъ, въ надеждѣ имѣть въ вашемъ домѣ убѣжище, которое вы мнѣ предлагали. Позвольте ночевать мнѣ съ людьми вашими, даже въ вашей конюшнѣ... но къ мужу я возвратиться не могу.

Рыданія прекратили слова ея, она упала на сундукъ въ сильномъ изнеможеніи.

Въ это время вошелъ въ комнату отецъ мой; ему разсказали случившееся. Надобно дать знать полиціи, сказалъ онъ: — Богъ знаетъ, что это за особа! Она была майорша—теперь поручица; была вдова, а теперь мужъ живъ; была Буракова, теперь Полусвѣтова, а завтра можетъ быть опять другая перемѣна.

— Дѣлайте, что вамъ угодно; я сама душевно желаю довести до свѣдѣнія правительства мое положеніе; у васъ же прошу только поз-

воленія ночевать, и увѣряю всѣмъ, что есть святаго, что я дѣйствительно благородная женщина, Марья Петровна Полусвѣтова; завтра узнаете, что я сказала истину.

Послали въ полицію, не замедлилъ явиться частный приставъ, который все распросилъ и записалъ, и когда узналъ фамилію мужа Марьи Петровны, то удостовѣрился, что это не выдумка. «Мужъ вашъ третьяго дня, сказалъ частный приставъ: — укралъ въ трактирѣ серебряную ложку: объ этомъ доведено до свѣдѣнія начальника губерніи, а потому мужу вашему велѣно выѣхать изъ города; завтра я доложу объ васъ губернатору, но долженъ васъ спросить, гдѣ вы намѣрены имѣть свое мѣстопребываніе, если не послѣдуете за мужемъ.

— Если все это справедливо, сказала бабушка, то я беру ее къ себѣ въ домъ. Грѣшно, мои матушки, не защитить противъ такихъ обидъ, сдѣланныхъ беззащитной женщинѣ.

Частный приставъ раскланялся, и на другой день прислалъ записку, что все произшествіе—не выдумка: поручикъ Полусвѣтовъ, какъ воръ и негодяй, высланъ изъ города, а женѣ его, если она не желаетъ отправиться съ нимъ, дозволялось остаться въ домѣ надворной совѣтницы Б....

Итакъ Марья Петровна пріютилась у насъ въ домѣ; ей отвели комнату, одѣли просто, но прилично; изсѣченныя плечи и руки скоро зажили. Черные ея глаза не наполнялись болѣе слезами и приняли свой блестящій видъ. Вообще, эта женщина такъ перемѣнилась въ свою пользу, что въ теченіе двухъ или трехъ недѣль нельзя было узнать избитую Марью Петровну; она каждодневно занималась какой нибудь работой: то вязала чулки, то вышивала въ пяльцахъ; я привыкъ къ ней, какъ къ семьянкѣ, и вотъ у насъ началось чтеніе.

Я принесъ цѣлую кучу книгъ въ комнату Марьи Петровны, и скоро мы принялись читать вмѣстѣ.

Оказалось, что она до сихъ поръ ничего не читала; но за то теперь она слушала мое чтеніе съ большимъ чувствомъ.

Я почти неразлученъ былъ съ Марьею Петровною, скучалъ, когда мать брала ее въ гости, — однимъ словомъ, чувствовалъ тоску въ ея отсутствіе и необходимость быть съ нею. Какое-то незнакомое чувство начиналъ я испытывать... Я сравнивалъ ее съ героинями прочитанныхъ романовъ и сталъ понимать, что я люблю ее. Не разставаясь съ нею въ зимніе вечера, я много прочелъ ей, но немало удивлялся тому, что она не читала прежде ни одного романа изъ предлагаемыхъ мною.

— Что же вы читали? спросилъ я однажды. — Вѣроятно Оренбургская губернія, по отдаленности своей отъ столицы, не пользуется выписываніемъ книгъ, какъ это дѣлается у насъ?

— Надобно вамъ сказать откровенно, отвѣчала Марья Петровна, немного закраснѣвшись: — что я дурно читаю, а пишу и того хуже, могу только подписать свое имя и фамилію.

— Такъ вотъ почему вамъ неизвѣстны названія книгъ, мною предлагаемыхъ! Печему же родители ваши не заботились о вашемъ образованіи?

— Отецъ мой, когда я была девяти лѣтъ, жилъ съ матерью моею большею частію въ степи, торгуя лошадьми и баранами; мнѣ уже было пятнадцать лѣтъ, какъ онъ перешелъ на службу въ самый Оренбургъ, на мѣновой дворъ. Гдѣ же я могла хорошенько научиться русской грамотѣ, не говоря уже о другихъ наукахъ. Эта служба приносила отцу моему много выгодъ; хотя онъ имѣлъ небольшой чинъ, но все-таки была ему возможность купить въ городѣ домъ, и мы жили хотя не богато, но очень достаточно. Въ это время у отца моего была контора, въ которой постоянно занимался старичокъ писарь, Кононъ Захаровичь. Онъ свободное время употреблялъ со мною на чтеніе и письмо. И это былъ единственный мой учитель, котораго я могла имѣть. Можетъ быть, продолжая ученіе, я могла бы сколько нибудь себя усовершенствовать въ чтеніи и письмѣ; но вдругъ отецъ мой занемогъ, около году лежалъ въ тяжкой болѣзни и скончался, оставивъ насъ безъ всякаго состоянія. Всѣ накопленныя деньги перешли, во время болѣзни отца, въ руки лѣкарей или въ аптеку. Остался небольшой домикъ, который по прошествіи четырехъ лѣтъ сгорѣлъ, во время одного большаго пожара. Я съ матерью осталась въ самомъ жалкомъ положеніи. Слава Богу, что добрые люди, знакомые моего отца, не оставляли насъ своею помощію. Мы около года жили на дешевой квартирѣ, матушка день ото дня становилась слабѣе, видимо приближалась къ могилѣ, и желала одного, чтобы при жизни своей могла видѣть меня пристроенною. И вотъ исполнилось ея желаніе: явилась сваха съ предложеніемъ, что я нравлюсь офицеру Полусвѣтову, который привезъ въ Оренбургъ какія-то казенныя вещи. Женихъ мнѣ ненравился, не потому, что дуренъ собою, — гдѣ ужь разбирать бѣдной дѣвушкѣ красоту! — но я видѣла его не одинъ разъ пьянымъ; общее дурное мнѣніе о его нравственности дѣлало его въ глазахъ моихъ отвратительнымъ.

— Какъ же вы рѣшились выйти за человѣка съ такимъ дурнымъ поведеніемъ?

— Просьба матушки заставила меня сдѣлать такой рискъ. Скажу вамъ по совѣсти, что мужъ мой былъ бы, можетъ быть, человѣкомъ сколько нибудь сноснымъ, но двѣ сестры, при немъ жившія, развращали его, пили съ нимъ вмѣстѣ и, какъ змѣи, нашептывали ему на меня, что приходило имъ въ голову.

— Любили ли вы вашего мужа?

— Могла ли я любить человѣка, отъ котораго всякій день переносила брань и побои!

— Вы такъ еще молоды, что можете полюбить страстно человѣка, который будетъ вамъ преданъ....

И тутъ я сдѣлалъ неловкое, но страстное признаніе....

Марья Петровна подняла на меня свои черные глаза. «Что вы говорите! сказала она: — вспомните что я замужняя женщина — а вы еще дитя, и что скажетъ бабушка, когда узнаетъ ваши чувства! Нѣтъ, ради Бога перестаньте: вы пошутили, вы начитались романовъ, и хотите быть дѣйствующимъ лицомъ въ шутку».

— Нѣтъ, Марья Петровна, я не шучу съ вами, а желаю чтобы вы отвѣчали мнѣ тѣмъ же чувствомъ, какое я къ вамъ питаю.

— Подумайте, Петръ Михайловичь, что будетъ изъ любви этой? Я любила васъ любовію благодарности, а теперь буду васъ бояться.

— Вѣрьте, что я не употреблю во зло вашей довѣренности; но нельзя же лишній разъ не поцаловать вашей ручки и не получить отъ васъ настоящаго поцѣлуя. Вы сами сказали, что я дитя, а потому дарите меня вашими поцѣлуями, въ родѣ дѣтскихъ игрушекъ.

Мы разстались въ этотъ вечеръ недовольными другъ другомъ, но впослѣдствіи Марья Петровна начала дарить меня просимыми игрушками, которыя я принималъ съ истиннымъ восторгомъ.

Такъ прошла долгая зима; наступила весна съ своимъ благотворнымъ воздухомъ, и мы съ Марьей Петровной не выходили изъ саду: гуляли, бѣгали, прятались въ кусты смородины, и всѣ эти движенія пересыпали жаркими поцѣлуями. Но пришелъ день моего несчастія. Возвращаясь одинъ разъ изъ палаты, я узналъ, что подруга моя уѣхала съ двоюроднымъ братомъ своимъ въ Оренбургъ. Не умѣя понять причины скораго и тайнаго ея отъѣзда, я только грустилъ о ней, какъ можно грустить о любимой женщинѣ.

Надобно отдать справедливость этой женщинѣ; она имѣла много сильныхъ чувствъ и добрыхъ наклонностей, любила подавать милостыню изъ сдѣланныхъ ей подарковъ и внимательна была къ больнымъ. Если бы женщина эта получила приличное образованіе, она могла бы осчастливить не такого мужа, какого ей послала судьба.

Я продолжалъ грустить не на шутку, и бродилъ одинъ въ саду, мечтая о Марьѣ Петровнѣ; каждый кустикъ и каждая дорожка напоминали мнѣ ея отсутствіе. Но всему есть конецъ; наступило время охоты, явился Мавринъ съ предложеніемъ ѣхать въ мѣста лѣсныя и болотныя. Начались тѣ же раннія вставанья, хлопоты, сборы и разсказы о неудачной стрѣльбѣ. Надобно замѣтить, что я

въ продолженіе зимы перерядился въ настоящаго охотника и даже пріобрѣлъ, съ помощью Маврина новую собаку — Трезора, вмѣсто Валета....

Итакъ, мы съ Мавринымъ продолжали охотиться почти каждодневно; я уже безъ помощи моего товарща могъ отыскивать тетеревей, куропатокъ и разную болотную дичь, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ Мавринъ показалъ мнѣ охоту на вальдшнеповъ. Но эта дичь мнѣ не давалась: длинноносые такъ быстро мелькаютъ между деревьями, что надобно быть очень хорошимъ стрѣлкомъ, чтобы изъ десяти выстрѣловъ не сдѣлать промаховъ наполовину, и я считалъ за счастіе, если изъ десяти убивалъ двухъ. Съ наступленіемъ половины октября, вальдшнепы стали пропадать и наконецъ совсѣмъ изчезли. Охота прекратилась, осталась одна стрѣльба тетеревей съ подъѣзду по первому снѣгу, но я не могъ воспользоваться этой охотой, потому что меня увезли къ роднымъ, въ деревню.

VII.

Наступилъ новый годъ; въ этотъ день обыкновенно отправлялись, какъ и нынче, съ визитами, а должностныя лица—съ поздравленіемъ, разъѣзжая въ своихъ треугольныхъ шляпахъ безъ султановъ, въ мундирахъ, съ высокими голубыми воротниками безъ всякаго шитья. Мундиръ, шпага и шляпа, одинакаго вида и покроя, принадлежали какъ предсѣдателю, такъ и послѣднему чиновнику, не имѣя никакого различія. Одни статскіе совѣтники имѣли на шляпахъ плюмажъ изъ страусовыхъ перьевъ, а недостаточные замѣняли ихъ гусинымъ пухомъ. Всѣ статскіе, отъ мала до велика, были въ большомъ волненіи въ день новаго года; мелкіе чины отправлялись прежде всего къ секретарю съ поздравленіемъ. Секретарь, какъ гусиный вожакъ, ѣхалъ съ ними всегда самъ впереди, имѣя за собою огромной хвостъ ѣдущихъ въ саняхъ, санкахъ и пошевняхъ, покрытыхъ коврами — цѣльными, дырявыми и коврами сдѣланными изъ покромокъ. Вся эта ватага заѣзжала прежде къ совѣтнику, потомъ общей гурьбой къ предсѣдателю, который, поговоривши съ чиновниками, заслуживающими особенное вниманіе, о предметахъ службы, погодѣ или особенныхъ произшествіяхъ, потомъ со всѣми вмѣстѣ ѣхалъ къ начальнику губерніи. Тамъ уже находили всѣхъ служащихъ и почетное купечество. Зала наполнялась, чуть-чуть не до потолка. Крупные чины ходили по комнатѣ, разговаривая тихомолкомъ, съ разными улыбками, ужимками и тѣлодвиженіями.

Мелкіе чины находились въ почтительномъ отдаленіи близь стѣны, не перемѣняя своей позы, какъ вешки, поставленныя землемѣромъ.

Но вотъ пробѣжалъ шопотъ: «идетъ! идетъ!» Глаза всѣхъ устремились на дверь кабинета, изъ котораго является начальникъ губерніи; его встрѣчаетъ сотня поклоновъ, онъ тоже раскланивается, вездѣ слышны повторенія: «съ новымъ годомъ! съ новымъ годомъ!» Губернаторъ нѣкоторыхъ занимаетъ разговорами о здоровьѣ, погодѣ и кончаетъ словами: «пора къ обѣднѣ, господа», и всѣ отправляются въ церковь.

Надобно сказать нѣсколько словъ о Ефимѣ Тимофеевичѣ, секретарѣ палаты: онъ не любилъ, чтобы его поклоны оставались безъ вниманія (а въ большомъ обществѣ нельзя замѣтить поклона каждаго); поэтому онъ прежде всѣхъ бѣжалъ на крыльцо и тамъ, увидѣвши выходившаго губернатора, нѣсколько минутъ топтался на мѣстѣ, и лишь только замѣчалъ, что начальничьи взоры обращались на него, сейчасъ опрокидывалъ свою голову назадъ и съ размаху дѣлалъ поясной поклонъ, потомъ другой, за нимъ третій; въ это время поясница его была какъ на шарнирѣ; довольный своимъ успѣхомъ, онъ также ѣхалъ въ церковь. По окончаніи обѣдни, мелкіе чины ѣхали домой обѣдать, а крупные приглашались къ начальнику губерніи.

Въ этотъ день отецъ мой также былъ одѣтъ въ свой губернской мундиръ и, сдѣлавши визиты, возвратился домой, приказалъ мнѣ надѣть фракъ и ѣхать съ нимъ къ губернскому предводителю: «пора тебя представить его превосходительству, я такъ много пользуюсь его вниманіемъ, что мнѣ непростительно до сихъ поръ не показать тебя». И мы поѣхали.

Предводитель принялъ насъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ былъ еще въ халатѣ и зеленыхъ туфляхъ; это былъ худощавый старичокъ довольно высокаго росту, глаза и всѣ черты лица его показывали особенную доброту; при свѣжести своей онъ имѣлъ ловкость въ пріемахъ и вообще скорыя тѣлодвиженія.

Не успѣли мы войти въ кабинетъ и поздравить съ новымъ годомъ, какъ предводитель предупредилъ насъ.

—Съ новымъ годомъ поздравляю! сказалъ онъ, подавая руку отцу моему, — прошу садиться, вы уже облетали половину города, а я, какъ видите, не трогаюсь съ мѣста, да и тяжело въ мои лѣта исполнять всѣ свѣтскія приличія.

— Имѣю честь представить вашему превосходительству моего сына.

— Знаю, знаю, сказалъ предводитель; помню, когда ему выдалъ свидѣтельство. Да какой онъ у васъ молодецъ сталъ и мастеръ тан-

цовать! Я его часто видалъ въ маскарадахъ. Ну что, мой милый, статская служба тебѣ понравилась, теперь забылъ объ военной?

— Я всегда желалъ служить въ военной службѣ, ваше превосходительство, и теперь за счастіе бы счелъ исполнить мое желаніе,— сказалъ я.

— Такъ за чѣмъ же дѣло?—Съ Богомъ, поѣзжай! Вы вѣрно его отпустите, Михаилъ Ивановичъ? Я дамъ ему письмо къ Павлу Антоновичу и увѣренъ въ этомъ генералѣ, что онъ все для меня сдѣлаетъ — опредѣлитъ и доставитъ случай скорѣе быть офицеромъ.

— Вы такъ милостивы, ваше превосходительство, что я почту за счастье отправить моего сына по вашему назначенію.

— Съ Богомъ! сказалъ предводитель: —кстати, ты отвезешь отъ меня бумаги генералу; онъ просилъ меня внести его въ дворянскую книгу по здѣшней губерніи и выслать грамоту. Она готова, и ты доставь лично Павлу Антоновичу. Между тѣмъ дайте мнѣ знать, когда у васъ все будетъ готово къ отправленію; я приготовлю письмо.

Мы раскланялись и поѣхали домой.

— Прощай палата! закричалъ я, входя въ комнаты нашего дома. Прощайте бабушка! судьба моя рѣшена, я отправляюсь въ военную службу.

— Въ лѣсъ или въ болото? сказала старушка. —Чѣмъ выдумывать сказки, лучше не хочешь ли пирожка съ малосольной севрюгой?

— Какія сказки, бабушка! Я васъ увѣряю, что это не выдумка. Самъ предводитель будетъ хлопотать объ моемъ опредѣленіи, даетъ письмо къ генералу и отправляетъ со мной очень нужныя бумаги. Слава Богу, я скоро избавлюсь отъ названія подъячаго, отъ этого пьянаго поколѣнія, чернильныхъ душъ взяточниковъ.

— Если это правда, Петруша, то я сама рада; мнѣ всегда хотѣлось, чтобы ты служилъ въ военной службѣ. Жаль одного,—что ты привыкъ здѣсь, да и жалованье тебѣ прибавили; да скажу и по пословицѣ: тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.

— Эта пословица, бабушка, нейдетъ къ моему положенію; вы не можете знать, что дѣлается въ палатѣ... Я теперь сталъ понимать себя, такъ право совѣстно быть между подобными людьми: такова эта палатская сволочь.

— А секретарь — развѣ сволочь какая? Онъ человѣкъ богомольный. всякій праздникъ въ церкви Божіей, самъ ставитъ свѣчки къ святымъ образамъ, а по окончаніи обѣдни раздаетъ нищимъ милостыню,—человѣкъ очень добродѣтельный, да и поведенія самаго трезваго... А какъ хвалилъ тебя, что ты хорошо пишешь, и ведешь себя прекрасно!

— Вы, бабушка, не знаете этого человѣка и всѣхъ его подлостей. Я до сихъ поръ ничего не говорилъ. Помните, когда я былъ съ маменькой у тетки и просрочилъ недѣлю,—какъ вашъ хваленый на меня закричалъ: «какъ ты смѣлъ, мальчишка, просрочить? шатаешься только на охотѣ; безъ обѣда его,—въ чуланъ запереть! приказывалъ онъ гнѣвно столоначальнику. Вотъ вамъ и добродѣтельный человѣкъ!

— Ахъ онъ, каналья! вскричала бабушка: — антихристъ проклятый! пугало гороховое! Да съ чего это онъ взялъ обращаться такъ съ ребенкомъ? Пугачовъ, мои матушки, настоящій Пугачовъ... да и Пугачовъ этого не сдѣластъ! Запереть въ чуланъ! Нѣтъ, голубчикъ мой, я этого не потерплю: я дочь коменданта, со мной онъ дешево не раздѣлается... Глаза-то у него и такъ плохо видятъ, да Богъ еще накажетъ не такъ за его злодѣянія. Здѣсь намъ хорошо, каково-то будетъ на томъ свѣтѣ? какъ отдашь отвѣтъ въ грѣхахъ нашихъ? Страшенъ смертный часъ, Ефимъ Тимофеевичъ, страшенъ... обида великое дѣло... обидѣть человѣка не долго, — какъ будешь отвѣчать?

— Вы говорили, бабушка, что онъ очень богомоленъ.

— Все личина, батюшка, одна личина! Онъ ставитъ свѣчку, а самъ думаетъ, какъ бы уязвить человѣка. Ну, да погоди, я ему выпою порядкомъ.

— Оставьте его въ покоѣ; завтра я подаю просьбу объ увольненіи, слѣдовательно, мы больше не увидимся, да и къ тому же онъ только накричалъ, а не исполнилъ наказанія на дѣлѣ.

— А зачѣмъ стращать, батюшка? Не ровенъ часъ—можетъ испугъ и болѣзнь приключиться; ему съ пьяной-то рожей хорошо покрикивать! Я право радехонька, что ты рѣшился идти въ военную службу.

Скоро пріѣхала матушка отъ обѣдни, узнала о перемѣнѣ моей службы, немного поплакала, и вотъ на другой день всѣ въ домѣ принялись шить, кроить; посадили дѣвушекъ — кого стегать одѣяло, кого шить бѣлье, вязать носки, точно сбирали невѣсту; недоставало только пѣсенъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ полное увольненіе отъ статской службы, нужныя бумаги были готовы. Отецъ съѣздилъ къ предводителю, привезъ письмо къ генералу и его грамоту, для которой сдѣлали особенный ящикъ, чтобы сохранить ее, какъ святыню.

Стали искать случая, съ кѣмъ бы я могъ отправиться въ Калугу, гдѣ расположенъ былъ квартирами полкъ, въ который я долженъ былъ поступить на службу. Случай нашелся скорѣе, нежели кончились мои сборы въ дорогу.

Явился какой-то небольшой человѣкъ, съ краснымъ лицомъ; онъ своимъ ростомъ походилъ на дѣтскую куклу большаго размѣра, это былъ небогатый помѣщикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ управляющій боль-

шаго имѣнія у другаго владѣльца. Этотъ господинъ долго торговался о прогонахъ и вообще о путевыхъ нашихъ расходахъ; наконецъ все устроилось благополучно.

Бѣлье и прочія принадлежности готовы, чемоданъ купленъ, въ конецъ одѣяла зашили небольшой бумажникъ, съ деньгами, чтобы не могли быть потеряны. Наконецъ, все было готово къ отъѣзду; проводы, слезныя прощанья, сдобныя булки и кокурки были въ такомъ же порядкѣ, какъ и предъ отправленіемъ моимъ въ Казань.

И вотъ я въ Москвѣ! Первымъ долгомъ моимъ было исполнить совѣтъ родныхъ быть у св. мощей, у Иверской Божіей Матери, въ соборахъ: Успенскомъ и Архангельскомъ и въ Чудовомъ монастырѣ. Потомъ слазилъ я на колокольню Ивана Великаго, взглянулъ на царь-пушку, на огромный колоколъ, который тогда былъ еще въ землѣ. Не имѣя знакомыхъ, я думалъ, что мнѣ трудно будетъ въ такомъ большомъ городѣ отыскать всѣ достопримѣчательности, но за деньги, и очень небольшія, нашлось много руководителей.

Прошло семь лѣтъ послѣ неудачнаго визита, сдѣланнаго Наполеономъ нашей древней столицѣ, но слѣды пожара замѣтны еще были на всякой улицѣ. Обгорѣлые каменные дома, какъ черные великаны, стояли рядомъ съ домами уже отдѣланными и представляли собой большой контрастъ; изъ бывшихъ деревянныхъ домовъ торчали только однѣ высокія трубы. Будущую Москву, какъ она должна быть въ своемъ блескѣ и величіи, возили еще безпрестанно по улицамъ; она состояла изъ кирпичей, глины, песку и лѣса; все загромождено было матеріалами для стройки; на одной сторонѣ улицы носятъ кирпичи, приготовляя къ будущей кладкѣ; на другой плотники, съ своимъ крикомъ и пѣснями, подымаютъ огромную балку, рабочіе и владѣльцы домовъ кипятъ какъ въ муравейникѣ.

Мы пробыли въ Москвѣ два дня и отправились въ Калугу; здѣсь разстался я съ моимъ спутникомъ. Онъ уѣхалъ въ какую-то деревню, и я узналъ, что генералъ, къ которому было отъ предводителя письмо и грамота, находился въ городѣ Б.... Въ этомъ городѣ и еще въ городѣ В.... расположена квартирами его бригада. Я нашелъ лошадей и въ теченіе семи или восьми часовъ былъ въ Б.... Надобно знать, что я еще имѣлъ письмо отъ одного старичка Аправина, занимающаго въ нашемъ городѣ значительную должность. Этотъ старичокъ просилъ меня доставить письмо родному его племяннику той же фамиліи, служащему подпоручикомъ въ полку, въ который я намѣренъ былъ опредѣлиться.

Я остановился на постояломъ дворѣ у одного мѣщанина и помѣстился въ одной комнатѣ съ хозяиномъ, отъ котораго узналъ, что генералъ отчаянно боленъ. Это извѣстіе сильно меня опечалило

и поставило въ грустное размышленіе о будущемъ моемъ опредѣленіи.

— Что, батюшка, задумался? сказала словоохотливая хозяйка; въ это время варившая рыбу: — или сгрустнулось о маменькѣ?

— Нѣтъ, хозяюшка, я думаю о болѣзни генерала; я къ нему имѣю письмо объ опредѣленіи меня на службу.

— Что тебѣ енаралъ, батюшка! Здѣсь много военныхъ — и полковниковъ, и майоровъ, ну, къ нимъ письмо и отнеси!... А вы издалеча ли?

— Родина моя отсюда тысячу верстъ.

— Въ городѣ, или въ деревнѣ тамъ проживаете?

— Въ городѣ, на Волгѣ.

— А! на Волгѣ, — сколько у васъ рыбы-то, чай! Не то, что наше горе! Вотъ заплатила за какую дрянь рубль двадцать копѣекъ, — смотрѣть не на что? Пожилъ бы тамъ, пожилъ!... Прошлымъ лѣтомъ кумъ Матвѣй ходилъ на Волгу въ заработки, вотъ чудесъ-то насказалъ про вашу Волгу... Этой рыбы, говоритъ, видимо не видимо: осетровъ, севрюгъ, лещей, а ужь стерлядей — такъ, говоритъ, полѣнницы на берегу и лежатъ, покупаютъ по самой дешевой цѣнѣ... Да на что покупать? запрету въ ловлѣ нѣтъ. Сберется мужиковъ пять или шесть человѣкъ, отъѣдутъ, говоритъ, на лодкѣ саженъ на десять, да шестами и гонютъ, бухъ! бухъ! А рыба-то сердечная, все къ берегу да къ берегу, а тутъ ужь бабы и ждутъ съ рѣшотами и давай вытаскивать, да въ воза, да въ воза!.. Эко приволье, подумаешь ты!.. А какъ, говоритъ, весной эта Волга разливается, глазъ не возьметъ; верстъ на сотню все такъ и потопитъ... Вотъ эвтимъ-то только нехорошо: чай вамъ страшно жить, въ часъ снесетъ цѣлую слободу?

— У насъ, хозяюшка, дѣйствительно рыбы много и не такъ дорога; но чтобы изъ нея лежали полѣнницы и чтобы былъ такой ловъ, какъ говоритъ твой кумъ, такъ это сущая ложь, да и разливу такого нигдѣ нѣтъ, даже при самомъ впаденіи рѣки въ море.

— Такъ, батюшка, такъ! Я и сама думаю, что кумъ видно прихвасталъ немного: статное ли дѣло рыбѣ въ полѣнницахъ лежать! ну, а вода-то, чай, у васъ солена-пресолена?

— Почему ты такъ думаешь?

— Какъ же? Вѣдь рѣка-то течетъ изъ моря, — извѣстное дѣло, морская вода соленая.

— Въ Волгѣ, хозяюшка, вода такая же, какъ и у васъ, прѣсная и очень вкусная; рѣка не течетъ изъ моря, а въ него впадаетъ.

— А что, правда ли это, батюшка, что въ вашей Волгѣ есть мѣста, которыя никогда не замерзаютъ, и на этомъ мѣстѣ вода кипитъ, словно въ котлѣ?

— Мѣста эти на Волгѣ дѣйствительно есть, и они называются полыньями; вода въ нихъ не кипитъ, но въ большіе морозы идетъ паръ, потому что вода много теплѣе воздуха...

На другой день я отправился къ поручику Аправину; онъ принялъ меня такъ ласково и оказалъ столько участія ко мнѣ, неопытному мальчику, совсѣмъ ему незнакомому, что я до сихъ поръ отдаю ему душевную благодарность. Онъ пригласилъ меня жить у него на квартирѣ, и сейчасъ приказалъ на своей лошади перевезти къ себѣ мое имущество, заключавшееся въ одномъ чемоданѣ и кожаной подушкѣ. Здѣсь я встрѣтилъ много офицеровъ, съ которыми не замедлилъ познакомить меня Аправинъ. Не видавши прежде въ сборѣ военныхъ, я плѣнился ихъ жизнію, истинно нараспашку: здѣсь видишь играющихъ въ карты, тамъ разговаривающихъ съ большей энергіей объ охотѣ, а тутъ спорящихъ о прошедшемъ ученьи и распеканціи отъ полковника... Вотъ еще одинъ разсказываетъ товарищу своему любовное похожденіе и полученную записку! Все это смѣшано въ одной небольшой комнатѣ. А какіе разнообразные костюмы на молодомъ этомъ обществѣ! Нѣкоторые въ сюртукахъ съ эполетами и безъ эполетъ, находящіеся въ должности или возвратившіеся изъ развода въ мундирахъ и шарфахъ, а вотъ нѣсколько лицъ въ халатахъ; были нѣкоторые даже въ сорочкахъ. Хозяинъ квартиры занималъ одну изъ штабныхъ должностей; а у господъ этихъ собраніе офицеровъ всегда многочисленно.

Аправинъ прочиталъ письмо своего дяди. «Очень радъ, сказалъ онъ, помочь вамъ моимъ совѣтомъ и сдѣлать все, что отъ меня будетъ зависѣть, но теперь, къ вашему несчастію, генералъ крѣпко не здоровъ, и въ болѣзненномъ состояніи едва ли можетъ заняться вашимъ дѣломъ. Согласитесь сами, что больному не до того, чтобы чѣмъ нибудь заниматься; онъ даже не командуетъ бригадою, а исправляетъ эту должность нашъ полковой командиръ. Вы куда намѣрены опредѣлиться, въ нашъ полкъ, или который квартируетъ въ В?»

—По сдѣланному мнѣ вами пріему, я желаю служить съ вами, да и зачѣмъ ѣхать въ другой городъ, когда полки совершенно одинаковы.

—Но можетъ быть вы имѣете тамъ знакомыхъ, а на меня, пожалуйста, не надѣйтесь; я въ будущемъ сентябрѣ подаю въ отставку, но до тѣхъ поръ употреблю все стараніе чтобы быть вамъ полезнымъ. Завтра вы поѣзжайте къ генералу; приметъ онъ васъ или нѣтъ, но письмо и грамоту отвезти должно непремѣнно.

На слѣдующее утро для меня заложили лошадь, и я отправился къ генералу, имѣя при себѣ письмо нашего предводителя и небольшой ящикъ съ грамотою.

— Генералъ никого не принимаетъ, сказалъ мнѣ человѣкъ, когда я вошелъ въ прихожую.

— Доложи его превосходительству, что я привезъ письмо отъ.... губернскаго предводителя, и сверхъ того имѣю къ генералу грамоту, которую приказано мнѣ отдать лично.

Человѣкъ пошелъ съ докладомъ и, возвратившись чрезъ нѣсколько минутъ, сказалъ: «пожалуйте!» Меня провели огромной залой, черезъ гостиную, устланную мягкими коврами, и потомъ въ самую спальню. Генералъ лежалъ на широкой кровати, въ одной сорочкѣ, подъ бѣлымъ одѣяломъ, закрывавшимъ его до половины груди, и обложенъ подушками; ему было повидимому съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, черные бакенбарды рѣзко отдѣлялись отъ блѣднаго его лица, не совсѣмъ еще исхудалаго. Генералъ былъ, какъ мнѣ показалось, совсѣмъ не въ такомъ опасномъ положеніи, какъ объ этомъ говорили. Подлѣ самой кровати сидѣла въ креслахъ довольно полная дама, въ бѣломъ утреннемъ капотѣ, имѣя въ рукахъ стаканъ, наполненный водою, въ которомъ она мѣшала чайной ложкой, вѣроятно какой нибудь порошокъ. Эта дама была генеральша.

Я, сказавши мою фамилію, подалъ съ поклономъ письмо и ящикъ съ грамотою.

«На, читай», сказалъ генералъ женѣ своей. Генеральша прочитала письмо, въ которомъ, послѣ многихъ привѣтствій, говорилось о посылкѣ грамоты и наконецъ объ моемъ опредѣленіи въ его бригаду.

— Вотъ кстати, сказала, генеральша, указывая при этомъ на меня: — его отправить въ В.

— За чѣмъ въ В? спросилъ генералъ.

— Какъ же, мой другъ, туда завтра есть оказія, и его отвезутъ безъ наемки лошадей.

— Эхъ, матушка, все ты не то говоришь.

— Какъ же, душенька, есть случай,—за чѣмъ же пропускать его?

— Да какой случай, и зачѣмъ случай!

— Какъ какой случай! Развѣ ты забылъ, что отъ насъ завтра въ В. ѣдетъ пара лошадей? Ты въ болѣзни нечего не помнишь.

— Очень помню, что ѣдутъ отсюда лошади; но что же тутъ съ нимъ общаго?

— Ты не хочешь меня понять, мой другъ: наши лошади пойдутъ совершенно пустыя, его и отвезутъ въ В., и ты этимъ сдѣлаешь одолженіе молодому человѣку.

— Боже мой, что ты наговорила! Да скажи пожалуйста,—ему-то зачѣмъ ѣхать въ В?

— Чтобы тамъ опредѣлиться въ полкъ.

— Да это, матушка, надобно его спросить, куда онъ желаетъ опредѣлиться. Ты какой выбираешь полкъ, чтобы поступить на службу.

— Позвольте, ваше превосходительство, мнѣ опредѣлиться въ полкъ, который квартируетъ здѣсь: я имѣю знакомаго господина Аправина, который принялъ во мнѣ живое участіе.

— Ну, видишь ли, матушка, онъ желаетъ служить здѣсь, а ты его въ В. отправляешь, только для того, что лошади наши пойдутъ пустыя, — хорошо одолженіе! — Скажи отъ меня Аправину чтобы, онъ похлопоталъ о твоемъ опредѣленіи, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Спасибо за грамату, ну теперь ступай съ Богомъ!

Просьба съ надлежащими бумагами на другой день была подана.

Обязательный Аправинъ представилъ меня командиру полка; опредѣленіе послѣдовало очень скоро, и я черезъ нѣсколько дней ходилъ въ военномъ мундирѣ съ золотыми галунами. Аправинъ оставилъ меня у себя жить до тѣхъ поръ, когда полкъ соберется на тѣсныя квартиры, то есть расположится въ самыхъ ближнихъ деревняхъ къ городу. Итакъ я прожилъ у Аправина болѣе мѣсяца, и въ это время могъ видѣть многихъ офицеровъ полка.

VIII.

Прошла половина апрѣля, грязь на улицахъ стала высыхать, рѣки вошли въ берега свои, наступила тихая и теплая погода. Полкъ расположился тѣсными квартирами. Меня зачислили во вторую роту. Фельдфебель этой роты пріѣхалъ въ городъ по дѣламъ службы и предложилъ мнѣ отправиться, вмѣстѣ съ нимъ, на ротный дворъ, находящійся въ 5 верстахъ отъ города. Поблагодаривши Аправина за всѣ его одолженія, для меня сдѣланныя, я поѣхалъ въ роту, которою командовалъ капитанъ Котовичъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти; рябое лице, тупые сѣрые глаза и вообще отвратительная наружность мало предсказывали хорошаго. Онъ былъ сутуловатъ и смотрѣлъ изподлобья; лицо его, всегда надутое, лоснилось и было какъ будто покрыто масломъ, — оказалось, что онъ любилъ выпить тайнымъ образомъ. Во всѣхъ манерахъ его виднѣлась какая-то неловкость и натянутость. Жестокость его къ нижнимъ чинамъ изумила бы въ нынѣшнее время самаго строгаго служаку. Котовичъ принялъ меня довольно грубо, спросилъ о мѣстѣ

моего жительства, дѣлалъ разныя наставленія, предупреждалъ о тѣхъ порокахъ, о которыхъ я не имѣлъ еще никакого понятія.

«Я не люблю баловать матушкиныхъ сынковъ, сказалъ капитанъ:— у меня прошу вести себя прилично вашему званію и быть совершеннымъ солдатомъ, находиться всегда съ нами, а не шататься по офицерскимъ квартирамъ, какъ это дѣлается въ другихъ ротахъ; займитесь службою и чтобы вы непремѣнно могли встать во фронтъ къ будущему лагерю. Теперь ступайте!» Я сдѣлалъ поклонъ и хотѣлъ выйти изъ комнаты. «Постойте, сказалъ капитанъ:—вамъ надобно замѣтить: когда вамъ приказываютъ идти, вы должны сказать начальнику: «счастливо оставаться, ваше благородіе!» и поворотиться на лѣво кругомъ, да не размахивать руками, шапку всегда держать въ лѣвой рукѣ, воротникъ застегнуть на всѣ крючки. Вотъ и теперь у васъ верхній крючокъ не застегнутъ, а это означаетъ своевольство и неуваженіе къ начальнику. Ступайте!»

Хорошъ гусь, подумалъ я, выходя изъ комнаты капитана. Незавидная моя квартира, состоявшая изъ курной избы, грубое обращеніе новаго моего начальника и совершенное одиночество—заставили меня грустно подумать о будущей моей жизни. Что же будетъ далѣе, разсуждалъ я, если съ неопытнымъ мальчикомъ, незнающимъ еще службы, такъ обходятся и дѣлаютъ подобныя замѣчанія?...

Рано поутру на другой день въ окошко моей квартиры сильно постучался ефрейторъ и во весь голосъ прокричалъ приказаніе:

«Выходить на ротное ученье! Одѣваться въ старые мундиры, въ боевой аммуниціи, кивера въ чехлахъ безъ султановъ!»

Я вскочилъ съ своего убогаго ложа и не зналъ за что приняться.

Я имѣлъ уже всѣ солдатскія принадлежности и полное обмундированіе, но слова: «въ боевой амуниціи» поставили меня въ тупикъ. Къ утѣшенію моему, со мной квартировалъ солдатъ, которому я былъ отданъ на попеченіе. Эти старые солдаты называются дядьками; всякаго рекрута отдаютъ подобнымъ дядькамъ. Солдатъ разъяснилъ мнѣ, въ чемъ состояло приказаніе; онъ тщательно одѣлъ меня, осмотрѣлъ, и мы вышли къ собиравшейся на улицѣ ротѣ. Огромная кадушка, обтянутая клеенкой, надѣтая на мою голову, называлась киверомъ. Эта кадушка, при малѣйшемъ движеніи, на тульѣ своей такъ вертѣлась на головѣ, что безпрестанно угрожала паденіемъ, и жала объемъ головы до невозможности. Фельдфебель сдѣлалъ расчетъ ротѣ и повелъ ее къ капитанской квартирѣ. Вышелъ пахмуренный капитанъ, въ сюртукѣ съ эполетами и въ шапкѣ безъ козырька; верхъ этой шапки былъ прижатъ почти къ самымъ глазамъ,

она похожа была больше на лепешку, нежели на шапку военнаго человѣка.

Капитанъ отвелъ роту на лугъ, за околицу, и началъ производить ротное ученье; а меня, какъ незнающаго, поставили съ рекрутами, которые учились въ недальнемъ разстояніи отъ роты. «Рыбаковъ! сказалъ фельдфебель унтеръ-офицеру, обучающему рекрутъ:— возьми къ себѣ дворянина да займись маршировкою; прежде на учебномъ шагу съ недѣлю продержать надобно, а потомъ и подъ ружье». Рыбаковъ бросилъ на полъ палочку, которую онъ держалъ въ рукахъ, какъ видно для того, чтобы съ нею обучать рекрутъ; — безъ этого нельзя же, вѣдь и фокусникъ, дѣлая различныя штуки, имѣетъ въ рукахъ палочку, — посмотрите, какъ онъ командуетъ разъ, два, три allon *маршъ*, и все по его приказу разомъ исполняется... Кромѣ Рыбакова, всѣ унтеръ-офицеры и ефрейторы при рекрутахъ имѣли въ рукахъ по палкѣ, и порядкомъ нахлыстывали спины и лядвіи молодымъ воинамъ; впослѣдствіи я видѣлъ лично самъ, что рекрутскія ляшки не имѣли времени для заживанія, болячки присыхали на нѣкоторое время къ бѣлью и снова омывались свѣжею кровью, что повторялось каждодневно... И еще удивлялись, что много было бѣжавшихъ! Унтеръ-офицеры, находящіеся во фронтѣ, имѣли по три и четыре палки, затыкая ихъ подъ фалдочки мундира, около спины, и сверхъ того, палки были въ ружейныхъ стволахъ, сколько ихъ могло помѣститься. Къ намъ нерѣдко доходили звуки палочныхъ ударовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкіе голоса: «ваше благородіе, помилосердуйте, заставьте за себя вѣчно Бога молить!» Капитанъ не вѣрилъ молитвѣ за него и никакому возгласу. Мнѣ кажется, онъ думалъ, что людямъ, которые такъ умоляли его, совсѣмъ не было больно, потому что его отвратительная рожа, никогда не перемѣняла своего положенія... Выведетъ, бывало, пять или шесть человѣкъ наказывать, а самъ, не обращая на это никакого вниманія, идетъ равнять роту; между тѣмъ выведенные впередъ, съ разными тѣлодвиженіями отъ боли, загнувши руки на голову, просятъ о пощадѣ. Какого же рода были вины этихъ страдальцевъ? Вѣроятно капитанъ наказываетъ ихъ за воровство или пьянство, думалъ я. Нѣтъ! сдѣланныя преступленія были выше этихъ пороковъ: они состояли въ нарушеніи красоты фронта. Напримѣръ, этого солдата бьютъ за то, что онъ, повернувши голову на право, не имѣлъ лѣваго глаза между пуговицъ мундира; (*) другаго нахлыстываютъ за то, что онъ держалъ ружье не совсѣмъ перпендикулярно; третій завалилъ лѣвое плечо ; а этотъ маленькій солдатикъ въ средней шеренгѣ подер-

(*) Мундиры были тогда двубортные.

жалъ тихомолкомъ ружье, отъ усталости лѣвой руки, правою; а вотъ настоящій преступникъ и нарушитель чистоты фронта—не вытянулъ, въ своихъ толстыхъ сапогахъ, носка, подобно танцмейстеру!.. Такого рода вины капитанъ Котовичъ не прощалъ никогда, да и зачѣмъ было прощать, когда служба требуетъ показать себя, по тогдашнему времени, настоящимъ служакою! Котовичъ не только не прощалъ подобныхъ винъ, но и не любилъ наказывать десятками ударовъ: у него больше употреблялись сотни. При подобныхъ наказаніяхъ, онъ кричалъ во все горло: «Полно, пора хватиться; прошло золотое времечко зимнихъ квартиръ; я сквозь пальцы смотрѣлъ; пять-сотъ слишкомъ закачу!» и тому подобное. Когда же давалъ ротѣ оправиться, то есть стоять вольно, онъ шелъ осматривать ученье рекрутъ; если который нибудь изъ нихъ по непривычкѣ къ фронту, держалъ голову не такъ прямо, то капитанъ направлялъ ее кулакомъ, ударяя въ ту сторону, куда надобно наклониться головѣ, а проходя по задней части фронта, онъ билъ эфесомъ шпаги по шеямъ, а иногда и подъ бока,—это называлось у него «поподчивать скорошнымъ», или «выбить мужичій жиръ». За вины же, сдѣланныя внѣ фронта,—пьянство или буйство съ хозяиномъ квартиры,—капитанъ употреблялъ наказаніе другаго рода: тогда онъ сбиралъ роту въ кружокъ, въ который вносилось нѣсколько пучковъ палокъ и розогъ, виноватаго приводили подъ карауломъ и, раздѣвши до послѣдней рубашки, производили по голому тѣлу наказаніе—двадцать пять ударовъ розгами и двадцать пять палками, продолжая эту перемѣну до тѣхъ поръ, покуда наскучитъ капитану, или захочется выпить водки,—это наказаніе называлось «въ пересыпку». Я всякій день былъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, сначала мнѣ дѣлалось дурно отъ всего, мною видѣннаго, но къ чему нельзя привыкнуть? Видя дѣла такого рода безпрестанно, а особенно въ лагеряхъ, я сдѣлался равнодушнымъ зрителемъ, и смотрѣлъ на это, какъ на явленія весьма обыкновенныя.

Между утреннимъ и вечернимъ ученьями, фельдфебель сажалъ въ мастерскія, находящіяся въ крестьянскихъ сараяхъ, портныхъ, сапожниковъ, этишкетчиковъ и лакировщиковъ за работу: начиналась пригонка портупей, перевязей, ранцевъ и мундировъ. Я въ первый разъ испыталъ въ то время, какъ пріятно находиться въ полной походной аммуниціи: не знаю, съ чѣмъ сравнить положеніе человѣка, одѣтаго во всѣ солдатскія принадлежности и затянутаго до невозможности, по прежней формѣ. Положеніе это похоже на то, какъ будто бы человѣкъ опутанъ кругомъ круто веревками, и его со всѣхъ сторонъ жметъ, какъ тисками, начиная съ панталонъ, которыя были хотя не такъ узки, но натягивались очень туго на помочахъ; внизу, отъ колѣнъ до самаго подъема ноги, на-

дѣвались кожаныя краги, подклеенныя холстомъ; онѣ стояли, какъ колъ, и имѣли девять мѣдныхъ пуговицъ, которыя натягивались посредствомъ веревки. Двубортный мундиръ очень туго застегивался на самой таліи, потомъ надѣвалась портупея съ тесакомъ, а сверху перевязь съ шестьюдесятью боевыми патронами. Скатанная въ трубку шинель носилась на лѣвомъ плечѣ; она должна имѣть такую длину, чтобы пальцы правой руки едва могли достать концы ея; потомъ надѣвался ранецъ, со всѣми солдатскими вещами. Ранцевые ремни застегивались очень туго, такъ чтобы тяжесть ранца не могла вздернуть ихъ кверху; отъ этой затяжки шинель сильно давила грудь, стѣсняя самое дыханіе. Общая тяжесть нисколько не была уравнена; болѣе страдала лѣвая сторона, на ней была сума съ патронами, шинель и въ лѣвой рукѣ ружье. Амуниція была вся лакированая; во время непарадныхъ ученій и похода солдаты обшивали ее разною ветошью, для сохраненія отъ царапинъ. Боже сохрани, если какой нибудь значокъ дѣлался по неосторожности ружьемъ или пряжкою.... Какая разыгрывалась буря, если капитанъ находилъ потертымъ какой нибудь ремешокъ! Прежде брался за фельдфебеля, потомъ отвѣчали за это капральный и десяточный унтеръ-офицеры и ефрейторъ: всѣ эти начальствующія лица получали палочные выговоры, потомъ доходило дѣло и до хозяина амуниціи.

Капитанъ рѣдкій вечеръ не пользовался удовольствіемъ послушать пѣсенниковъ, а особенно когда у него собирались капитаны другихъ ротъ и младшіе офицеры. Главное угощеніе составлялъ пуншъ, за которомъ проводили всю ночь пирующіе. Пѣсенники, съ бубнами, ложками и тарелками, кричали во все горло съ довольно веселыми лицами, несмотря на то, что у многихъ изъ нихъ не зажили еще палочные удары. Не имѣя на это большой претензіи, а можетъ быть считая необходимостью, они, съ криками:

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно! —

принимались качать своего капитана и другихъ офицеровъ. Капитанскія тучныя тѣлеса, полутучныя и худыя молодыхъ подпоручиковъ шибко возносились къ самому потолку капитанской квартиры, за что пѣсенники изъ рукъ своихъ начальниковъ получали — на водку, по рублю, полтиннику, смотря по щедрости летающаго по воздуху.

— Лодку! закричалъ Котовичъ, наполненный уже пуншемъ, ерофѣичемъ и наливкою. — Лодку!

Чтобы представить лодку, состоящую изъ самихъ поющихъ, для этого садились на полъ двѣнадцать пѣсенниковъ въ двѣ линіи, по

шести человѣкъ. Въ срединѣ этой линіи становился одинъ изъ пѣсенниковъ, болѣе знающій свое дѣло, который исправлялъ роль кормчаго, называемаго солдатами по какому-то случаю, есауломъ. Онъ имѣлъ въ рукѣ свернутую бумагу, которая замѣняла ему зрительную трубу, безпрестанно похаживалъ между воображаемыми матросами, которые, то и дѣло, переваливаясь съ одного бока на другой, ударяя при этомъ движеніи въ ладоши и представляя какъ будто они гребутъ веслами, пѣли «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». По знаку его бумажнаго телескопа, голоса умолкали, матросы ложились на мнимые борта и одинъ изъ нихъ начиналъ спрашивать:

— Господинъ есаулъ, взгляните въ вашу трубу: не видите ли какого нибудь города, острова или непріятельскаго корабля?

Есаулъ наводилъ трубу во всѣ углы капитанской квартиры и, не замѣчая ничего, кромѣ таракановъ и мокрицъ, приказывалъ продолжать плаваніе, которое начиналось также съ пѣснею: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Наконецъ есаулъ, замѣтивъ вдали непріятельское судно, громогласно приказывалъ остановить ходъ лодки, давалъ повелѣніе открывать люки, заряжать пушки, и метался, какъ угорѣлый, на своей палубѣ, примѣтя будто бы близкую опасность. Есаулъ кричалъ: «ребята, надобно спасать капитана».

Всѣ люди, наполнявшіе лодку, бросались къ своему начальнику, и начиналось опять тоже качанье съ пѣснями: «Мы тебя любимъ сердечно».

Капитанскій пиръ кончался засыпаніемъ всѣхъ пирующихъ; пѣсенники распускались. Утренняя заря начинала показываться на востокѣ; чрезъ два часа надобно всѣмъ поющимъ и представляющимъ лодку быть на ученьи. Съ грустными лицами и отягощенными отъ проведенной безъ сна ночи глазами, они являлись на ту площадку, гдѣ производилось каждодневное образованіе по фронту. Эта площадка во всѣхъ направленіяхъ была пробита узкими дорожками, выбитыми ногами маршируюшихъ; тутъ лежали обломки палокъ, напоминавшіе прошедшее ученье, и кусочки бумажекъ, оставшіеся отъ выстрѣленныхъ холостыхъ патроновъ, и мѣсто, гдѣ стоялъ грозный капитанъ. Но, слава Богу, онъ, послѣ весело-проведенной ночи, почиваетъ, — и ученье идетъ одиночное. Молодые подпоручики и прапорщики ходятъ въ отдаленіи, — о чемъ-то разговаривая между собою; занимались ученіемъ одни унтеръ-офицеры, — гроза не такъ велика!

Въ это время къ намъ въ роту перевели юнкера Эйбера; онъ служилъ уже болѣе трехъ лѣтъ, въ ожиданіи офицерскаго чина. Эйберъ былъ двадцати двухъ или двадцати трехъ лѣтъ, имѣлъ прекрасную наружность, стройную фигуру, граціозно танцовалъ мазурку, сло-

вомъ сказать—былъ въ полномъ смыслѣ свѣтскій молодой человѣкъ. Въ противность этому, нравственность его была весьма незавидная: онъ игралъ съ молодыми офицерами въ карты во всѣ возможныя игры, пренебрегалъ службою и былъ первымъ воителемъ между кутилами. Онъ былъ дворянивъ Смоленской губерніи, нерѣдко получалъ отъ отца небольшія деньги, которыя онъ испрашивалъ у него подъ разными мнимыми предлогами,—то квартира его сгорѣла и вмѣстѣ казенная аммуниція, то дѣлалась покража изъ его вещей, то начальство приказывало имѣть новую форму, и много подобныхъ несчастныхъ случаевъ, которые онъ мастеръ былъ описывать отцу въ разныхъ небывалыхъ видахъ, съ присовокупленіемъ просьбъ и умоленій о высылкѣ денегъ. Отецъ, вѣроятно погоревавши о несчастіяхъ сына, высылаетъ деньги, но не болѣе половины просимой суммы. Присланныя ассигнаціи немедленно употреблялись на карту и шипучія вина. По назначенію капитана, Эйберъ былъ поставленъ на одной со мною квартирѣ. При немъ былъ крѣпостной человѣкъ, старичокъ подъ шестьдесятъ лѣтъ; примѣрная привязанность къ господину, исполненіе своей обязанности, строгая нравственность и сбереженіе господскаго интереса могли бы изумить каждаго.

Миръ праху твоему, добрый старичекъ, Лукьянъ! Судя по лѣтамъ, ты уже давно долженъ улетѣть въ лучшій міръ... И теперь помню твой высокій ростъ, небольшую сутуловатость, сухое тѣлосложеніе, впалыя щоки, сѣрые глаза, большіе русые бакенбарды, зачесаные всегда книзу, такъ что концы ихъ едва не касались сюртучнаго воротника; онъ тосковалъ какъ, любовникъ, давно не видавшій своей подруги, о своемъ молодомъ господинѣ, который иногда пропадалъ съ квартиры болѣе трехъ дней, и выходилъ за ворота или безпрестанно смотрѣлъ въ окошко,—нейдетъ ли его прокаженный, какъ онъ называлъ его заочно. Зато въ другое время, когда Эйберъ былъ въ должномъ порядкѣ, ходилъ въ свое время на ученье, Лукьянъ не отходилъ отъ воротъ нашей квартиры, посматривалъ безпрестанно въ ту сторону, гдѣ находится господинъ его, и лишь только замѣчалъ, что ученье кончилось, бѣжалъ стариковской рысью ставить самоваръ, встрѣчалъ своего барина въ самыхъ сѣняхъ, спѣшилъ снять съ него амуницію. «Устали, батюшка, устали,» говорилъ добрый старикъ:—«сейчасъ чай подамъ, отдохните немного, да не прикажете ли подать умыться, я и воды приготовилъ, все личико-то въ пыли». И старикъ метался въ разныя стороны, не зная, какъ угодить своему господину.

Случалось, Эйберъ являлся навеселѣ, иногда съ выигранными деньгами, которыя высыпалъ съ громомъ на столъ, вызывая добраго Лукьяна.

— Лукьянъ, Лукьянъ! кричалъ Эйберъ: — смотри, я все это выигралъ! Возьми и положи въ шкатулку.

— Что̀ мнѣ вашъ выигрышъ, говорилъ старикъ: — эти деньги бѣсовское навожденіе, нынче выиграли, а завтра спустите и прибавите вдесятеро изъ своихъ. Эхъ, батюшка, Махайло Алексѣевичъ! Подумайте о себѣ, какъ вы себя ведете: чѣмъ бы заниматься службою, какъ другіе дворяне, а вы проводите время за картами съ господами, которые того и смотрятъ, чтобы залѣзть въ чужой карманъ, употребляете разные напитки, — а до офицерскаго чину ихъ и нюхать-то не слѣдуетъ... Теперь не были на четырехъ ученьяхъ,— что̀ скажетъ ротный начальникъ! Вотъ какъ поставитъ на часы, или подъ ружья, хорошо будетъ—а! Да по правдѣ сказать,—и подѣломъ: шила въ мѣшкѣ не утаишь, батюшка.

— Ну полно, старый, сказки разсказывать! кричитъ Эйберъ: — давай ужинать, да принеси водку!

— Ужинать сейчасъ накрою, а водки не хотители изъ-подъ лодки; и такъ кажется немного.... тутъ! старикъ поводитъ рукою около головы.

— Что за глупости, кричитъ снова Эйберъ: — тебѣ приказываютъ, а ты вздоръ несешь, скотина!

— Да ужь воля твоя, мнѣ хоть отпиши батюшкѣ, что я не слушаюсь. Я знаю приказаніе вашихъ родителей: какъ они повелѣли, такъ и будетъ. Да и грѣшно бы было мнѣ старику не высказать вамъ правды; давайте — напишемъ домой: вы свое, а я свое,— кому пришлютъ благодарное слово? По вашему разсужденію только и заслужилъ — скотину... Привыкъ я, батюшка, въ три-тогода къ разнымъ названіямъ; лучше-то видно не заслужу. Богъ съ вами, Михайла Алексѣевичъ! А скажу вамъ по Божески, какъ душу открыть слѣдуетъ, что лучше вы меня домой отпустите, а то не стерплю вашихъ проказъ и какъ слѣдуетъ увѣдомлю батюшку.

И онъ отправлялся за кушаньемъ.

— Добрый старикъ... сказалъ мнѣ разъ Эйберъ, по уходѣ Лукьяна:—только страсть его ворчать безпрестанно... Онъ—кочерга стараго лѣса, не знаетъ, что молодому человѣку нужно пожить, какъ требуетъ нынѣшнее время, поиграть въ карты... Безъ этого нельзя же. Вотъ завтра приглашаетъ меня навечеръ... Анна Петровна Бурсакова: какъ отказаться? Тутъ будетъ все лучшее общество... Не все же служба.

— Вашъ Лукьянъ, сказалъ я, — говоритъ вамъ по своей преданности; подобной трудно найти въ крѣпостномъ человѣкѣ.

— Только онъ своею преданностію сильно мнѣ надоѣдаетъ. По полученіи офицерскаго чина отправлю его домой, — только вы пожалуйста не говорите ему этого.

— А вы таки, какъ я вижу, старика побаиваетесь, чтобы не написалъ вашему отцу.

— Черта съ два напишетъ! Онъ только стращаетъ своими письмами. Прошлаго года я былъ въ отпуску; подъѣзжая къ дому, сказалъ: Лукьянъ! смотри—ни полслова, что видѣлъ и слышалъ... Такъ онъ, я вамъ скажу, и губами не пошевелилъ, сколько его ни спрашивали.

Лукьянъ прекратилъ нашъ разговоръ, принесши намъ ужинать; онъ долго ворчалъ на своего господина, дѣлая ему разныя наставленія и замѣчанія.

— Чѣмъ же вы завтра оправдаетесь передъ капитаномъ, что не были на прошедшихъ ученьяхъ? спросилъ я.

— Оправданія противъ капитана у меня въ карманѣ: вотъ они! И съ этимъ вмѣстѣ онъ вынулъ порядочный пукъ ассигнацій.

— Что же это за деньги? спросилъ я.

— Деньги эти теперь принадлежатъ капитану, а онъ такъ жаденъ получать какія бы то ни было деньги: стоитъ только показать ему ассигнаціи, — гнѣвъ его потухнетъ, какъ огонь, залитый водою. Деньги эти прислалъ ему комиссіонеръ, чрезъ нашего квартирмейстера, — вы меня понимаете?

— Нисколько не понимаю: — долгъ ли это какой присланъ капитану, или казенная сумма?

— Да! я и забылъ, что вы еще рекрутъ! Я вамъ разскажу, какія это деньги. Каждая рота должна получить на двѣсти пятьдесятъ человѣкъ муки и крупы, по положенію. Этотъ провіантъ долженъ раздаваться обывателямъ, у которыхъ квартируютъ солдаты. Ротные командиры должны представлять въ полковой штабъ квитанціи. По прошествіи мѣсяца капитанъ отправляется по помѣщикамъ и проситъ подписать квитанцію, а фельдфебель собираетъ къ себѣ старшинъ казенныхъ селеній и дворянскихъ имѣній, гдѣ не живетъ самъ помѣщикъ, напоитъ ихъ винцомъ до самаго нельзя, — и дѣло въ шляпѣ: квитанціи готовы, въ нихъ сказано все опредѣлительно, — что обидъ и претѣсненій жителямъ чинимо не было, насильнымъ образомъ ни у кого ничего не брато, нижніе чины довольствовались провіантомъ казеннымъ. А этотъ провіантъ и остается въ капитанскихъ карманахъ. Но такъ какъ нельзя же самому ротному камандиру продавать муку и крупу, то комиссіонеръ, вмѣсто провіанта, выдаетъ капитанамъ деньгами. Нынче мука-то почти два рубли ассигнаціями за пудъ, такъ сочтите,

сколько въ карманъ положитъ капитанъ за двѣсти пятьдесятъ человѣкъ! Онъ запишетъ въ солдатскую экономію рублей пятьдесятъ ассигнаціями, удѣлитъ частичку квартирмейстеру, такъ какъ дѣла эти идутъ чрезъ его руки, а остатокъ все еще будетъ великъ. Вотъ эти-то деньги мнѣ велѣно доставить нашему капитану;—такъ какое же тутъ взысканіе по службѣ, когда надобно считать деньги, да къ тому же я знаю, изъ какихъ они источниковъ!

Дѣйствительно капитанъ нисколько не гнѣвался на Эйбера, и товарищъ мой снова дѣлалъ по временамъ, безъ позволенія, отлучки,— за что получалъ только отъ своего Лукьяна замѣчанія и выговоры, дѣлавшіеся добрымъ старикомъ, иногда съ горькими слезами.

Итакъ мы съ Эйберомъ простояли на одной квартирѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ; въ продолженіе этого времени рота перемѣнила своего капитана, потому что Котовичъ, командуя знаменною ротою, худо маршировалъ съ знаменемъ впереди, когда батальонъ шелъ развернутымъ фронтомъ. Къ намъ назначенъ былъ, предъ самымъ нашимъ выступленіемъ въ лагерь, капитанъ Уткинъ. Этотъ человѣкъ былъ совершенно различенъ во всѣхъ отношеніяхъ съ Котовичемъ. Строгость къ нижнимъ чинамъ хотя и была, по тогдашнему времени, обыкновеннымъ дѣломъ, но Уткинъ, много былъ снисходительнѣе Котовича. Новый капитанъ былъ высокаго роста, совершенный брюнетъ, черные небольшіе глаза прыгали у него, какъ на проволокѣ; онъ очень любилъ заниматься своимъ туалетомъ, сидѣлъ по нѣскольку часовъ передъ небольшимъ своимъ зеркаломъ и приглаживалъ волосокъ къ волоску, имѣя на себѣ утренній разноцвѣтный халатъ и красныя туфли. Главное щегольство его состояло въ жилетахъ, разумѣется внѣ фронта, и какихъ не было жилетовъ: бѣлые, красные, желтые, полосатые, клѣтчатые, разныхъ формъ и покроя.... Всякій жилетъ имѣлъ различныя пуговицы; болѣе всего, какъ видно, нравились ему висячія, вызолоченныя. Воротнички этихъ жилетовъ были и стоячіе, и откладные и просто прямые воротнички, съ висящими чстырьмя пуговицами, которыя сходились одна подлѣ другой. И какъ все это занимало капитана, особенно когда надѣвалъ красный жилетъ и шелъ гулять по улицѣ, закинувъ назадъ полы своего сюртука, такъ чтобы вся грудь его была открыта! Какъ видно, онъ хотѣлъ щегольнуть передъ бабами, или воображалъ себя гвардейскимъ офицеромъ.

Мы съ Эйберомъ почти каждодневно бывали у новаго капитана, который оставлялъ насъ — то обѣдать, то пить чай, и вообще обходился съ нами очень хорошо.

IX.

Въ половинѣ іюня полученъ приказъ о выступленіи въ лагерь, подъ Калугу. Все засуетилось: принялись укладывать чемоданчики, узелки, оставляя ненужное въ цейхгаузахъ. Наступилъ день похода. До появленія утренней зари, солдаты начали толпиться по улицѣ, укладывая на подводы свои мѣшечки. Фельдфебель бѣгалъ, суетился сбиралъ ефрейторовъ, отдавалъ приказанія, отправлялъ обозъ и, при своемъ энергическомъ состояніи, не забывалъ иногда ударить кого нибудь по зубамъ. Барабанъ загремѣлъ сборъ, люди стали строиться, одѣтые въ походную форму,—все было готово къ выступленію. Капитанъ вышелъ изъ своей квартиры, поздоровался съ ротою, скомандовалъ по отдѣленіямъ направо, барабанщикъ ударилъ федьдмаршъ, и люди тихо выступили изъ селенія и чрезъ часъ вышли на большую Калужскую дорогу.

Пѣсенники, вызванные впередъ роты, съ бубнами и тарелками, начали пѣть свою любимую пѣсню:

«Ахъ, весело жить
Намъ солдатамъ молодымъ,
Солдатамъ молодымъ
Гренадерамъ полевымъ.
Только та наша бѣда —
Лѣтомъ въ лагеряхъ стоять,
Поутру рано вставать,
На ученье поспѣшать...
Намъ ученье ничего,
Только, впрочемъ, тяжело.»

Не помню конца этой пѣсни, да врядъ ли и начало приведено мною совершенно точно; она сохранилась кажется до сихъ поръ въ военномъ хорѣ. Въ то время была еще въ употребленіи слѣдующая пѣсня:

«Я желалъ бы быть съ усами,
И на фалдахъ ключъ имѣть,
Мундиръ, шитый галунами,
Саблей, шпорами гремѣть.
Какъ бы милая Лизета
Танцовать со мной пошла,
И искавши эполета,
Можетъ, сердце бы нашла!
Посмотрите, какъ танцуетъ,

Какъ прекрасно говоритъ;
Какъ прекрасно вальсируетъ
И усами шевелитъ!»

Мы съ Эйберомъ, по позволенію капитана, шли въ однѣхъ портупеяхъ, и даже безъ ружей. Такой облегченный походъ казался намъ прогулкою, тѣмъ болѣе, что переходы были не болѣе осьмнадцати верстъ. Наконецъ эта прогулка кончилась; на четвертый день мы подошли къ Калугѣ. Прекрасная погода измѣнила свой характеръ: послѣ сильной грозы съ проливнымъ дождемъ, наступило ненастное и холодное время; дождь лился безпрестанно, сильный вѣтеръ затруднялъ наше шествіе. Въ трехъ верстахъ отъ Калуги мы должны были собраться побатальонно и ожидать приказанія. На этотъ пунктъ мы пришли въ одиннадцать часовъ утра; сюда же вскорѣ прибылъ весь полкъ и явился командиръ полка. Людямъ велѣно составить ружья въ козлы и оправиться, — ожидали, что получимъ приказъ вступить въ городъ съ церемоніей; между тѣмъ на юнкеровъ надѣли всю солдатскую принадлежность. Дождь—то крупными, то мелкими каплями не переставалъ поливать насъ. Конечно, онъ былъ полезенъ для хлѣбныхъ полей, но совсѣмъ не для людей, не имѣвшихъ отъ него никакой защиты. Офицеры набились биткомъ въ какой-то небольшой сарайчикъ, который низкой своей крышей доказывалъ, что тутъ дѣлались когда-то кирпичи. Грязь увеличилась до того, что на дорогѣ нельзя было найти мѣста, гдѣ бы была возможность пройти, не увязнувъ до самой щиколотки. Въ четыре часа въ городѣ заблаговѣстили къ вечернѣ, но приказанія еще не было; вотъ пять и шесть часовъ — мы оставались въ одномъ ожиданіи; наконецъ, прискакалъ адъютантъ съ извѣстіемъ, что сейчасъ прибудетъ самъ начальникъ дивизіи, который лично отдастъ приказаніе о вступленіи въ городъ. Полковой командиръ рѣшился ждать его, не одѣвая людей въ парадную форму, по случаю ненастнаго времени. Со словомъ: «ѣдетъ! ѣдетъ!» люди встали въ ружье; офицеры побѣжали на свои мѣста, батальонные командиры сѣли на лошадей. «Смирно!»—раздалась команда—«отъ ноги!»—«слушай!»—на караулъ!»—Начальникъ дивизіи подъѣхалъ къ колоннамъ, поздоровался съ людьми, поздравилъ ихъ съ лагеремъ,—какъ будто съ какимъ-нибудь торжественнымъ праздникомъ! Этотъ генералъ былъ Б. В. П., самый добрѣйшій человѣкъ тогдашняго времени; онъ былъ со всѣми деликатенъ, внимателенъ; у него не было слова: «дурно», или какого нибудь громкаго восклицанія съ подчиненными,—все было хорошо. «Золотые мои!» говорилъ онъ обыковенно офицерамъ, разговаривая съ ними. Много есть еще и теперь служакъ того времени, которые по одному слову: «золотой мой!» сейчасъ узнаютъ его и, воз-

вратившись къ давно минувшимъ днямъ, перекрестятся и попросятъ у Господа царствія небеснаго бывшему ихъ начальнику.

— Ну, золотой мой, сказалъ генералъ нашему полковнику: — по случаю ненастной погоды, полку невозможно идти черезъ городъ въ парадѣ. Пройдите просто, только безъ малѣйшаго шума. Люди ваши, сохраняя лакированную аммуницію, обшили ее, кто чѣмъ могъ. Это прекрасно, золотой мой; но чтобы они не встрѣтились съ кѣмъ нибудь изъ начальствующихъ лицъ, то въ семь часовъ вечера проведите ихъ въ лагерь небольшими улицами. Въ городѣ корпусный командиръ и начальникъ главнаго штаба,—такъ неловко, если встрѣтятъ полкъ вашъ, обшитый тряпками. Съ Богомъ, золотой мой, завтра увидимся!

Если приказаніе, отданное отъ высшаго начальства, сдѣлано, положимъ, поутру: выводить людей въ семь часовъ; за нимъ, ниже его начальникъ приказываетъ выводить въ шесть, и т. д. Всякій низшій начальникъ, боясь опоздать, назначаетъ часомъ ранѣе; дѣло дойдетъ до трехъ часовъ....

Не такъ случилось теперь. Предварительныхъ распоряженій и сборовъ некогда было дѣлать, и потому мы должны были запоздать. Начальникъ дивизіи приказалъ вести въ семь часовъ, и мы могли быть за-свѣтло въ лагеряхъ; но наше ближайшее начальство распорядилось иначе, боясь и того, чтобъ мы не были открыты, какъ будто подъ непріятельскимъ городомъ. Полкъ двинулся по-ротно въ самыя сумерки. Мы спустились къ самой Окѣ и пошли по ея берегу. Двухдневный проливной дождь, который не прекращался ни на минуту, до того растворилъ глиняный грунтъ берега, что мы съ трудомъ вытаскивали ноги, шагая въ темнотѣ безъ всякаго разбора. Этотъ глиняный растворъ прилипалъ къ ногамъ до такой степени, что каждая нога чувствовала тяжесть пудовой гири. Къ несчастію нашему, берегъ расположенъ былъ косогоромъ; ноги катились внизъ, скользили, перепутывались одна за другую, будучи не въ состояніи держать туловище въ прямомъ положеніи. Темная ночь отъ нависшихъ тучъ усиливала еще больше непріятность нашего путешествія, продолжавшагося по мягкому шоссе болѣе двухъ часовъ. Наконецъ, миновали городъ и вышли на луговину, которая показалась намъ лучше всякаго паркета. Не говоря о себѣ: я отъ усталости едва могъ понимать мое существованіе; но и старые солдаты, привыкшіе къ ранцамъ и боевой аммуниціи, едва тащили ноги. И можно ли быть въ бодромъ состояніи, когда рано поутру пройдено двадцать верстъ, около девяти часовъ простояли на мѣстѣ, ожидая приказанія, не имѣя пищи, кромѣ кусочковъ хлѣба, взятыхъ на случай опытными солдатами, и, наконецъ, прогулялись по мягкой глинѣ,

удерживающей всякій шагъ, сдѣланный съ огромною тяжестію на плечахъ? И все это, какъ путешествіе, такъ и стоянка—обмывалось проливнымъ дождемъ!

Но вотъ вдали засвѣтились огоньки, надежда на близкое успокоеніе заставила немного ободриться, въ глазахъ что-то забѣлѣлось, еще нѣсколько десятковъ шаговъ—и мы въ лагеряхъ. Людей поставили на линейки и стали разсчитывать по палаткамъ: въ каждую палатку приходилось по осьми и девяти человѣкъ. Я стоялъ, опершись на мое тяжелое ружье, и нечаянно увидѣлъ внутренность капитанской палатки, которая показалась мнѣ царскими чертогами. Въ ней стояла деревянная кровать, совсѣмъ готовая, съ тюфякомъ, одѣяломъ и подушками, полъ въ палаткѣ былъ вымощенъ досками. Около самой кровати стоялъ столикъ, на которомъ горѣла свѣча и стояла шкатулка. Если бы предложили мнѣ въ то время нѣсколько сокровищъ, я выбралъ бы одно — чтобы броситься на эту капитанскую кровать. Послѣ долгихъ разсчетовъ, люди стали занимать отведенныя имъ палатки и, при всей усталости, солдаты не замедлили приняться отпускать разныя шутки. Вотъ одинъ гренадеръ, подходя къ отведенному ему съ товарищами холщевому домику, кричитъ воображаемую хозяйку, съ приказаніемъ изготовить ему борщъ или щи, другой здоровается съ хозяиномъ и проситъ о помѣщеніи аммуниціи въ хорошее мѣсто, третій привѣтствуетъ красныхъ дѣвушекъ, желая имъ прясть, ткать и молодыхъ гренадеръ обнимать и проч. Я вбѣжалъ въ отведенную палатку, скинулъ мокрую шинель, мундиръ, и крѣпко уснулъ на постланной соломѣ. Солдаты пошли ѣсть кашу, которая заранѣе готовилась имъ, посланными впередъ хлѣбопёками и кашеваромъ.

На другой день погода прояснилась, солнце взошло безъ тучъ и разлило свою отрадную теплоту; мошки и бабочки ожили и стали кружиться въ воздухѣ съ обыкновеннымъ пискомъ; ласточки своимъ высокимъ полетомъ предвѣщали продолжительную хорошую погоду.

Пожъ на утренней зарѣ ушелъ въ парадной формѣ за заставу, съ тѣмъ, чтобы съ церемоніей вступить въ городъ. Мы съ Эйберомъ остались въ лагеряхъ, — я по случаю неумѣнья находиться еще во фронтѣ, а онъ по болѣзни, которой, повидимому, вовсе не было. Еще съ вечера капитанъ приказалъ отвести намъ особенную палатку, въ которую мы поутру не замедлили переселиться.

— Скажи пожалуйста, гдѣ ты находился вчера вечеромъ, когда мы месили глину и илъ? спросилъ я Эйбера:—я тебя не видалъ при ротѣ.

— Ахъ вы, простаки, отвѣчалъ онъ:—что мнѣ за охота таскаться за вами и по ночамъ любоваться теченіемъ Оки? Вы народъ молодой, вамъ пройти по колѣно въ грязи ничего не стоитъ, а я — вотъ

видишь, что сдѣлалъ: лишь только рота повернула къ спуску рѣки, я — въ первый попавшійся мнѣ переулокъ и мелькнулъ въ городъ, взялъ встрѣчнаго извощика и пріѣхалъ сюда въ лагерь, никѣмъ въ потьмахъ не замѣченный, покойно и скоро; остановился у офицера, который находился здѣсь для разбивки лагеря, у него поужиналъ и спалъ всю ночь преспокойно, и теперь къ твоимъ услугамъ.

— Что же ты не пригласилъ меня съ собою? Хорошъ товарищъ! Не хотѣлъ избавить отъ труднаго путешествія, которое утомило меня до такой крайности, что я до сихъ поръ не могу опомниться.

— Зачѣмъ вамъ, сударь, перенимать дурпое? сказалъ Лукьянъ:— мой баринъ бьетъ на всѣ руки, — какъ разъ втянетъ васъ въ такую вершу, что и не вылѣзешь. Какъ можно, батюшка, отлучаться отъ роты и шататься въ городѣ въ непристойныхъ мѣстахъ.

— Что ты, старый дуракъ, такую дичь порешь? Или видѣлъ дурной сонъ и до сихъ поръ не можешь проснуться? возразилъ Эйберъ.

— Хорошо, если бы это было во снѣ, а то, къ несчастію, наяву, сказалъ Лукьянъ: — я васъ, сударь, противъ Петра Михайловича скрывать не стану. Во-первыхъ, хорошо ли вы сдѣлали, что отлучились самовольно, взяли извощика и заѣхали въ какой-то трактиръ, и тамъ....

Эйберъ покраснѣлъ.

— Молчи, старое помело, вотъ какую сказку выдумалъ! Или не проснулся еще порядкомъ?

— Я же выдумалъ! Такъ знайте же, мнѣ все извѣстно, я васъ на прокараулилъ, моего голубчика. Вы пріѣхали на извощикѣ, который разсказалъ мнѣ, что вы взяли его изъ нижней улицы, подъѣхали къ трактиру, скинули ранецъ и всю аммуницію, положили не дрожки, а сами побѣжали на лѣстницу каменнаго дома. Въ трактирѣ были, сударь, въ трактирѣ! сказалъ шопотомъ Лукьянъ, боясь, чтобы кто нибудь его не подслушалъ: — ну, если я вру, то гдѣ восемь рублей съ полтиной, которыхъ у васъ нѣтъ въ кошелькѣ? Деньги у меня всѣ на счету. Да и пріѣхали-то, знаете, немного того.... Эти слова старикъ сказалъ еще тише.

— Перестанешь ли ты каркать, глупая ворона? Надоѣлъ, какъ собака! вскричалъ съ сердцемъ Эйберъ.

— Не очень я боюсь вашего крику! Стыдно, батюшка, стыдно! неровенъ случай: ну, если бы кто нибудь васъ увидѣлъ въ трактирѣ, или могла бы случиться какая нибудь оказія, буйство, драка, и опричъ того, всякія дѣла непристойныя,—что стали бы дѣлать? Узнало бы начальство, тогда просто пропавшая голова! Вамъ съ такими проказами не дослужиться до офицерскаго чина.

Эйберъ не могъ ничего возражать старику, только сказалъ мнѣ: «Пойдемъ на линейки! соловья баснями не кормятъ. Прощайте, любезнѣйшій Лукьянъ Трофимовичъ, прибавилъ онъ: — предоставляю вамъ дѣлать наставленія вотъ этой древкѣ».

— Она скорѣе послушаетъ! ворчалъ старикъ намъ въ-догонку.

Эйберъ проводилъ меня по всѣмъ мѣстамъ лагернаго расположенія, толкуя мнѣ, какъ старый служака, обо всемъ, что̀ намъ могло встрѣтиться во время нашей прогулки. Въ одиннадцать часовъ полки возвращались съ параду. Они шли съ музыкой и распущенными знаменами, подвигаясь все ближе и ближе къ лагерю. Вотъ раздалась команда: «въ палатки, маршъ!» Люди стали обтирать свои ружья и уставлять ихъ въ пирамиду; а чрезъ полчаса пошли обѣдать. Мы съ Эйберомъ приняли предложеніе двухъ офицеровъ имѣть съ ними общій столъ; одинъ назначался совершеннымъ хозяиномъ; у него хранились общія деньги; онъ приказывалъ кушанья и проч. Подобныхъ кружковъ составлялось въ полку довольно много.

Начались каждодневныя ученья — ротныя, батальонныя, полковыя, бригадныя и цѣлой дивизіей. Въ продолженіе трехъ недѣль лагерной жизни я могъ нѣсколько узнать службу, а потому былъ поставленъ во фронтъ. Моя обязанность состояла въ томъ, чтобы выбѣгать на линію изъ-за лѣваго фланга четвертаго взвода. Знакомясь со службою, я узналъ всѣхъ офицеровъ полка не только по фамиліямъ, но и по именамъ; а потому хочу теперь сказать нѣсколько словъ о прежнемъ бытѣ офицеровъ, ихъ службѣ, нравахъ и обращеніи съ нижними чинами.

Всѣ старые капитаны украшены были владимірскими крестами и медалями двѣнадцатаго и четырнадцатаго годовъ, а штабъ-офицеры—рѣдкіе не имѣли Анны на шеѣ, «pour les merites». Эти воины двѣнадцатаго года составляли изъ себя особенный кружокъ, держались чрезвычайно гордо и важно, въ особенности противъ молодыхъ офицеровъ; они требовали отъ нихъ исполненія всѣхъ обязанностей службы, и господа прапорщики принимали за особенное одолженіе слово, сказанное старымъ капитаномъ внѣ службы, называли ихъ по именамъ, но никакъ не по чинамъ или фамиліямъ; даже заочно употреблялось имя и отчество; напр., молодой прапорщикъ, приходя въ палатку своего товарища, говорилъ о своемъ капитанѣ: «Иванъ Матвѣичъ приказалъ это исполнить». Я, по случаю особеннаго вниманія моего капитана Уткина, бывалъ у него часто въ палаткѣ и нерѣдко имѣлъ случай слышать разговоръ старыхъ ветерановъ. Въ этомъ разговорѣ никогда не случалось слышать о литературѣ, искусствахъ, политикѣ; только двѣ книги были въ большомъ употребленіи, это «Военный Уставъ» и «Рекрутская Школа».

Говорили больше объ ученьяхъ, и иногда продолжительно спорили о компаніи двѣнадцатаго года. Затѣмъ опять разговоръ переходилъ къ настоящему: дѣло шло объ ученьяхъ и о приготовленіи къ скорому смотру начальника главнаго штаба.

— У тебя славная рота! говорилъ Подавиловъ капитану Гурову:— тебѣ спустя рукава командовать гренадерской ротой,—люди выбраны лучшіе изъ полка. Дать бы тебѣ фузелеровъ: посмотрѣлъ бы я, много ли на нихъ выѣдешь! Каждый день колотишь подлецовъ и палками, и розгами, да нѣтъ.—на негодномъ конѣ далеко не уѣдешь. У тебя фронтовая часть идетъ отлично, а самъ рѣдко бываешь на одиночномъ ученьи.

— Я, мой милый, возражалъ Гуровъ: — нахожу совершенно лишнимъ быть самому всякій разъ на одиночномъ ученьи. Надежды на молодыхъ офицеровъ нѣтъ никакой, они только и бредятъ стихами Пушкина, да играютъ въ карты; но всю основу въ ротѣ составляютъ унтеръ-офицеры и фельдфебель. Дери шкуры галанщикамъ , — все пойдетъ, какъ по маслу! Я приду на одиночное ученье, да какъ закачу по двѣсти капральнымъ и десяточнымъ унтеръ-офицерамъ! А они послѣ хоть выспись на солдатскихъ спинахъ,—у меня въ этомъ запрету нѣтъ; вѣрь, что фронтовая часть будетъ въ отличномъ порядкѣ. Другіе ротные командиры на тѣсныхъ квартирахъ сами ходятъ въ мастерскія, копаются и смотрятъ пригонку аммуниціи; ко мнѣ приводятъ людей для осмотра на квартиру, и отвѣчаетъ за пригонку фельдфебельская спина. Что найдешь худо, дай ему сотню-другую; онъ приведетъ людей одѣтыхъ по циркулю и чистыхъ, какъ стеклушко.

— Я тоже на тѣсныхъ квартирахъ, говорилъ Сидоренко: — никогда не бываю на одиночномъ ученьи, кромѣ субботы. Въ этотъ день у меня полная раздѣлка за всю недѣлю съ унтеръ-офицерами. Какъ сдѣлаю имъ субботную баню, то, какъ говорится, и до новыхъ вѣниковъ не забудутъ! Вотъ спины имъ въ теченіе всей недѣли и напоминаютъ, чего требуетъ начальство. Иногда, прохаживаясь, зайду на ученье и въ другое время; похожу, погляжу, и тутъ ужь пальцемъ не трону, а только напомню день субботній.

Во время такого разговора вошелъ разъ въ палатку прапорщикъ Фундуковъ. Этотъ молодой офицеръ былъ хорошо образованъ и уважаемъ въ полку по своему состоянію, а болѣе потому, что былъ племянникъ одного изъ начальствующихъ генераловъ. Одинъ разъ Фундуковъ вмѣшался въ разговоры старыхъ капитановъ. «Скажите, господа, спросилъ Фундуковъ:—неужели нельзя обойтись безъ палокъ? Не говорю, чтобы ихъ совсѣмъ оставить; но по крайней мѣрѣ, не

такъ жестоко обходиться съ солдатами, которыхъ мы называемъ защитниками отечества».

— Вотъ! перебилъ его скоро Гуровъ:—вотъ вамъ и надежда на молодыхъ офицеровъ! Ахъ, вы масоны, продолжалъ онъ.—Вы, молодой человѣкъ, вѣрно знаете, что этого требуетъ высшее начальство? Мнѣ непріятно же получать замѣчанія и выговоры, а особенно имѣя на себѣ вотъ это украшеніе,—и онъ тутъ показалъ пальцемъ на свой владимірскій крестъ.—Штучка, кажется, не велика, а я имѣю стулъ во всякомъ присутствіи! Спросите вашего товарища Лыскова, онъ былъ свидѣтелемъ, когда генералъ Хрусталевъ смотрѣлъ 7-ю роту: что онъ сказалъ капитану Панфилову, когда увидѣлъ кривобокаго солдата? «Почему у васъ, капитанъ,не выправленъ этотъ человѣкъ? Какъ онъ стоитъ! перевалился на ружье, искривленъ, исковерканъ, уродъ-уродомъ!» — Ваше превосходительство! осмѣлился отвѣчать Панфиловъ:—рядовой имѣетъ тѣлесные недостатки отъ природы.— «Вы вздумали дѣлать свои оправданія и еще во фронтѣ! какой вы ротный командиръ, когда не можете избавиться отъ подобнаго калеки; убейте, сударь, его: нынче сто, завтра двѣсти, вгоните въ чахотку, въ лазаретъ, а тамъ — и поминай, какъ звали!» —Ну, что, молодой человѣкъ, пріятно получать подобныя замѣчанія?

— Я бы не исполнилъ приказанія генерала, сказалъ Фундуковъ.

— А не будете исполнять приказаній, — карьера ваша пропала навсегда. Вотъ, зачѣмъ далеко ходить? — скажемъ между нами о вашемъ дядюшкѣ. Я привелъ къ нему одинъ разъ ординарцевъ, такъ онъ нашелъ, что пряжка у ружейнаго погона была немного погнута, и то едва замѣтно. Превосходительный вашъ такую поднялъ пыль, что Боже упаси! А ужь, кажется, какъ не осматривалъ, всю дорогу стиралъ пыль своимъ платкомъ съ аммуниціи, не полѣнился наклониться и къ сапогамъ. Сами знаете, въ нашей перетяжкѣ самому солдату нагнуться невозможно... Ахъ, молодежь! молодежь! Походили бы вы съ-наше!.. Эти ступки (при этомъ капитанъ показалъ на свои толстыя ноги) прошли всю Германію, были два раза въ Парижѣ, а теперь стану я изъ-за какого нибудь солдатишки переносить непріятности!

Во все это время Сидоренко только безпрестанно поддакивалъ, изъявляя тѣлодвиженіями какую-то радость, что товарищъ его закидалъ словами молодаго прапорщика, а Фундуковъ, видя, что слова его — гласъ вопіющаго въ пустынѣ, пересталъ спорить, но сказалъ въ свою очередь: «мнѣ, господа, странно и непонятно, какъ можно, имѣя право наказывать людей, исполнять это съ какою-то особенною радостію, безъ всякаго состраданія не прощая слабости подобному себѣ».

— Вы были бы хорошимъ проповѣдникомъ, сказалъ капитанъ Подавиловъ: — судьба сдѣлала ошибку, назначивъ васъ фронтовымъ офицеромъ.

— Я думаю, началъ опять Фундуковъ, что и во фронтѣ, и гдѣ бы то ни было, должно имѣть чувство сострадательности. Я вамъ хотѣлъ сказать, что я былъ свидѣтелемъ жестокаго, не по винѣ, наказанія, которое сдѣлалъ однажды капитанъ Котовичъ.

— Пожалуйста, разскажите о вашей женской чувствительности, сказали почти въ одинъ голосъ капитаны, съ особенной улыбкой.

— Барабанщикъ Савиновъ изъ роты Котовича выпросился у фельдфебеля, въ воскресный день, въ городъ. Это было на тѣсныхъ квартирахъ. Прошло три дня; барабанщикъ въ роту не явился, Котовичъ подалъ о немъ рапортъ, какъ о бѣжавшемъ. Едва рапортъ поступилъ въ полковую канцелярію, какъ барабанщикъ пришелъ въ роту, о чемъ опять сдѣлано донесеніе, — что Савиновъ изъ бѣговъ возвратился, тогда какъ онъ вовсе не имѣлъ и намѣренія къ побѣгу, а просто, отыскавъ въ городѣ какого-то кума изъ городскихъ мѣщанъ, сильно подгулялъ съ нимъ и на другой день, по слабому тѣлосложенію, занемогъ и пролежалъ, никѣмъ незнаемый, три дня. Эта отлучка, по рапорту капитана, сочлась за побѣгъ, а потому, приказомъ по полку было велѣно, чтобы капитанъ Котовичъ наказалъ барабанщика передъ ротою палками. Я, бывши тогда въ ротѣ, видѣлъ слезы Савинова и слышалъ, какъ онъ подъ арестомъ хотѣлъ лучше пройти сквозь строй, нежели попасть въ руки Котовичу. И вотъ несчастнаго поставили передъ ротою, принесли огромную охапку палокъ, какъ будто нужно было городить нѣсколько саженъ плетня, сняли солдатскую шинель, и унтеръ-офицеры съ обѣихъ сторонъ спины начали дѣлать сильные удары... А какъ любовался наказаніемъ Котовичъ! — Перемѣнялъ разныя положенія наказываемаго: то взваливалъ его на плечи дюжему солдату, какъ говорилось, — на козла, то клалъ его на землю и подпиралъ снова, приказывалъ натягивать рубашку, которая избилась въ лепестки, облитая кровью, и посинѣлая спина обнаружилась, и удары приходились еще больнѣе по обнаженному и избитому тѣлу! А что всего хуже, что подобное наказаніе было сдѣлано капитаномъ Котовичемъ въ нетрезвомъ видѣ.

— Оставьте вашу аттестацію о капитанѣ, сказалъ Гуринъ: — вы бы, я думаю, на его мѣстѣ погладили по головкѣ барабанщика и сказали только: «какъ тебѣ не стыдно!» По вашимъ нѣжнымъ чувствамъ напрасно вы вступили въ военную службу и теперь даете себѣ право разсуждать о старшихъ. А кто понимаетъ дѣло, тотъ, вѣрно, скажетъ, что барабанщику сдѣлали счастье, не предавъ его военному суду.

Капитаны ненашутку стали кричать на молодаго офицера, но вѣрно вспомнили, что онъ племянникъ генерала, понемногу затихли и разошлись по своимъ палаткамъ.

Солдаты боялись, какъ огня, ротныхъ ученій, любили болѣе батальонныя и полковыя, потому что на этихъ ученьяхъ ротные командиры стояли сами во фронтѣ и не могли лично замѣчать сдѣланныхъ ошибокъ; но чтобы ошибки не всѣ пропадали даромъ, унтеръ-офицеры дѣлали небольшіе значки мѣломъ на ошибающихся и раздѣлка была послѣ ученья на кухнѣ.

Полковое и батальонное ученья производились не болѣе одной версты, отъ лагеря на ровномъ лугу. По окончаніи ученья, командиръ полка командовалъ: «ружье вольно!» и люди шли вольнымъ шагомъ къ лагерямъ; но если который нибудь изъ ротныхъ командировъ не былъ доволенъ своей ротой во время полковаго ученья, или былъ самъ распекаемъ за собственныя ошибки, тогда въ порывѣ гнѣва капитанъ велъ свою роту въ ногу, держа ружья подъ прикладъ. Какой-то особенный страхъ выражали въ то время всѣ лица унылыхъ солдатъ; только и слышно было побрякиваніе тесаковъ, мѣрный шагъ маршируюшихъ и капитанская брань. Съ такой церемоніей онъ проводилъ роту чрезъ палатки за самую кухню; тамъ прежде наказывались тѣ, которые имѣли на себѣ крестики, сдѣланные мѣломъ унтеръ-офицерами; потомъ капитанъ производилъ ученье,—и чего тутъ не было! и палокъ и розокъ! Тутъ скидовались иногда и мундиры, чтобы сдѣлать наказаніе поплотнѣе въ одной рубашкѣ. Это страшное ученье продолжалось до самаго обѣда. Нельзя сказать, чтобы и въ молодыхъ капитанахъ не было подобной строгости. Примѣръ заразителенъ! Всѣ, отъ мала до велика, любили отдать приказаніе подать палки и розги. Палочный бекетъ всегда былъ полонъ ожидающихъ своей участи. Если случалось идти мимо этого бекета, то рѣдкій разъ не услышишь жалобныхъ голосовъ и разныхъ моленій. Высшіе начальники иногда обходились безъ палокъ, а особенно на парадныхъ ученьяхъ, куда запрещалось носить палки; онѣ замѣнялись тесаками и шомполами. Гренадеры имѣли длинные черные султаны, которые при малѣйшемъ движеніи человѣка, обличали его шевеленіе, а это шевеленіе считалось истиннымъ преступленіемъ. Бригадный командиръ любилъ мертвую тишину. Если султанъ у кого либо колыхался, генералъ скакалъ съ своего мѣста, пробивалъ своимъ конемъ рядъ, или два и вытаскивалъ несчастнаго. «Унтеръ-офицеры! тесаковъ и шомполовъ!» кричалъ онъ грозно. Солдатскія фалды поднимались, сталь блестѣла въ воздухѣ, моленія вырывались изъ устъ страдальца, заглушаемыя генеральской бранью. «Полно!» приказывалъ онъ. «Смирно!» Мертвая тишина... И дѣй-

ствительно, она была въ полномъ смыслѣ мертвая. Десять или двѣнадцать тысячъ стоитъ подъ ружьемъ и по слову: «смирно!» вся окружность сольется въ общую беззвучность. Вы слышите писк летающей букашки, полетъ жука, крикъ пѣтуха въ ближней деревнѣ, или благовѣстъ въ городѣ; болѣе ничто не нарушаетъ фронтовой тишины, не только кашель или чиханье людей, но и ржаніе лошади запрещалось, какъ нарушеніе святыни. Если бы слѣпца привести на площадь ученья, онъ могъ бы подумать, что на этомъ полѣ нѣтъ живаго существа. Но какая здѣсь гармонія дѣлается во время передвиженій! Полки стоятъ въ батальонныхъ колоннахъ въ тишинѣ, которую я описалъ, и вдругъ команда: «перемѣна дирекціи налѣво!» Всѣ начальствующіе лица, отъ большаго до батальоннаго командира повторяютъ туже команду; наконецъ, взводные разными голосами исполняютъ окончательное движеніе. Вы слышите въ разныхъ мѣстахъ голоса офицеровъ; кто кричитъ: «глаза на-право!», другой слово: «стой!» «во фронтъ!» Все это смѣшивается въ одинъ общій гулъ, который вдругъ превращается въ могильную тишину. И вотъ опять движеніе, и опять все безъ звука. Такіе переходы доставляютъ какой-то особенный восторгъ для истиннаго служаки.

Фронтовые офицеры и нижніе чипы имѣли лѣтнія панталоны бѣлыя, съ пришивными штиблетами, которыя закрывали весь сапогъ; виднѣлся одинъ только кончикъ носка. Строго требовалось, чтобы штиблеты гладко обтягивали носокъ сапога, для этого употреблялось слѣдующее средство: на сапожныхъ подошвахъ, въ разстояніи одного вершка отъ самаго носка, съ обѣихъ сторонъ дѣлались двѣ петли изъ тонкой мѣдной проволоки, а къ штиблетамъ пришивались снурки, которые продѣвались въ сдѣланныя у подошвъ петли и крестообразно завязывались около щиколотки; потомъ застегивались пуговицы, которыхъ было на каждой сторонѣ панталонъ по девяти штукъ. Въ такой формѣ нельзя было пройти во время сильной росы; пыль, смѣшанная съ водяными каплями, измараетъ штиблеты и самыя панталоны, такъ что въ нихъ и слѣда не остается должной чистоты. Чтобы дойти до мѣста, гдѣ производилось парадное ученье, офицеры и нижніе чипы шли на отведенный лугъ въ простыхъ панталонахъ, а панталоны съ штиблетами привязывались къ патроннымъ сумкамъ, офицерскія же несли деньщики. Съ началомъ утренней зари, полкъ приходилъ на сборное мѣсто, солдаты ставили ружья въ козлы, садились на землю и надѣвали парадныя панталоны. Потомъ начиналась пригонка аммуниціи; безъ помощи сапожниковъ самъ солдатъ не могъ одѣться по всѣмъ правиламъ формы, съ полными ея размѣрами. Туалетъ кончался къ семи часамъ утра, и все готово къ смотру начальника.

Такъ прошелъ и знаменитый смотръ начальника главнаго штаба. Онъ остался доволенъ, благодарилъ полковыхъ командировъ, офицеровъ и солдатъ. Послѣдніе прокричали ему: «рады стараться, ваше превосходительство!» Этимъ кончился лагерь.

X.

Мы выступили изъ Калуги въ послѣднихъ числахъ іюля, и третьяго августа были уже на зимнихъ квартирахъ. Нашей ротѣ досталось село (названіе теперь не припомню), принадлежавшее князю Трубецкому. Прекрасной архитектуры каменная церковь, огромный господскій домъ съ разными флигелями, садами и рощами дѣлали превосходный видъ въ имѣніи князя. Противъ самаго дома разстилался огромный прудъ, съ камышами и плавающими дикими утками. На той сторонѣ пруда стоялъ крестьянскій порядокъ, а вправо выглядывала большая водяная мельница. Капитанъ занялъ одинъ изъ флигелей, состоящій изъ пяти или шести комнатъ, довольно хорошо отдѣланныхъ. Намъ съ Эйберомъ отвели прекрасную квартиру также въ господскомъ строеніи. Самого владѣльца въ имѣніи не было. Въ господскомъ домѣ жилъ управляющій Иванъ Степановичъ. Не знаю, изъ какого онъ былъ сословія, но жилъ на барскую ногу. Всегдашній къ нему пріѣздъ офицеровъ и другихъ особъ составлялъ въ его домѣ веселое общество. Нашъ капитанъ почти каждый день былъ у управителя; мы съ Эйберомъ пользовались также приглашеніемъ быть у него въ домѣ. Безпрестанная картежная игра манила офицеровъ въ домъ управителя, а главная приманка была — швейная, устроенная въ особомъ домѣ. До тридцати дворовыхъ дѣвушекъ, хорошо одѣтыхъ, сидѣли за пяльцами и вышивали по тюлю, кисеѣ и коленкору. Изъ тридцати дѣвицъ были очень хорошенькія; слѣдовательно, офицерскіе глаза частенько обращались на швейную, а ноги не отказывались лишній разъ идти туда, чтобы полюбоваться прекрасной работой. Иванъ Степановичъ смотрѣлъ на посѣщенія офицеровъ сквозь пальцы; но дѣвицы были очень разборчивы и недоступны. Нашему капитану, какъ незавидному собою мужчинѣ, плохо удавалось волокитство, и неудача эта обрушилась на меня съ Эйберомъ. Деньщикъ выдумалъ на насъ сплетню, будто бы мы, разсматривая работу дѣвицъ, назвали капитана уродомъ, и хотя на самомъ дѣлѣ подобнаго разговору у насъ вовсе не было, но капитанъ перемѣнилъ съ нами хорошее обращеніе на худое; сдѣлался взыскателенъ, ставилъ насъ на часы во время сильныхъ холодовъ подъ свои окошки и наконецъ объявилъ намъ, чтобы мы, для узнанія служ-

бы, жили не на ротномъ дворѣ, а въ капральствахъ. Когда отданное приказаніе мы объявили Лукьяну, онъ не замедлилъ разсыпаться на насъ съ своимъ упреками.... Но дѣлать было нечего, надо было ѣхать.

Я былъ поставленъ въ четвертое капральство, въ десяти верстахъ отъ ротнаго двора, а Эйберъ—верстъ восемь еще далѣе. Свиданія наши почти прекратились. Село, въ которомъ я получилъ новую квартиру, было окружено со всѣхъ сторонъ сосновымъ лѣсомъ, отчего вся окрестность имѣла грустный видъ. Небольшая деревянная церковь и маленькіе крестьянскіе домики, почти безъ улицъ, потому что избы стояли на дворахъ, довершали незавидное положеніе будущей моей стоянки. Жизни какъ будто не было: только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по лѣсу разносившійся дымъ отъ угольныхъ ямъ и сидки дегтю обличалъ присутствіе человѣка.

Единственная въ деревнѣ квартира, состоявшая изъ крошечной, отдѣльной отъ хозяина, коморки, была у ктитора (*); ее я и занялъ. Хозяинъ, добрый старичокъ, желая всячески мнѣ угодить, сдѣлалъ изъ старыхъ досокъ кровать и столикъ, которые едва помѣстились въ моей мрачной комнатѣ. Я остался совершенно одинъ, даже лишенъ былъ возможности ѣхать къ Эйберу. Такъ, видно, было приказано отъ капитана капральному унтеръ-офицеру. Не желая быть нарушителемъ его воли, я вполнѣ исполнялъ его приказаніе. Скука была невыносимая; развлеченій отыскать невозможно; о книгахъ и говорить нечего. Единственная была отрада — старыя письма, полученныя отъ родныхъ. Я ихъ перечитывалъ почти каждодневно. Утромъ каждый день слушалъ брань двухъ снохъ хозяина; не проходило дня, чтобы эти бабы не бранились между собою, въ отсутствіи мужей своихъ, которые уходили въ работу на всю зиму. «Дура настоящая!» «Сучка меделянская!» и т. п. слышалось всякое утро. Старикъ хозяинъ приходилъ ко мнѣ дѣлить зимніе вечера, садился на деревянный отрубокъ, поставленный имъ около печки, и начиналъ свой любимый разсказъ о пчелахъ. Онъ имѣлъ пасѣку, гдѣ проводилъ постоянно все лѣтнее время. Теперь пчелки его закупорены въ землянку; но хозяинъ разсказываетъ о нихъ, какъ будто бы видитъ ихъ летающими. Какъ онъ одушевляется, если начинаетъ объяснять всѣ правила ухода за пчелами; особенно его приводила въ восторгъ роевная пора. «Вотъ, говоритъ старикъ: — жду не дождусь роечка. Ужь который улей оказалъ себя,—берегу крѣпко, хожу около него, словно часовой; приложу ухо: сильно гудитъ родимый, и вдругъ изъ улья ровно туча! И зачнетъ отыгры-

(*) Церковный староста.

ваться; ужь играетъ, играетъ, мой миленькій, да куда нибудь и привьется. Тутъ, Господи благослови! возьмешь маточникъ и посадишь въ него матку, и начнешь огребать пчелъ въ лукошко, и завяжешь его крѣпко на-крѣпко; свѣсишь на безмѣнъ: двѣнадцать, или тринадцать фунтовъ! Вотъ, государь мой, какіе бываютъ рои! На другой годъ онъ и дастъ тебѣ около пуда меду».

Старикъ нерѣдко разсказывалъ мнѣ, какъ онъ встрѣтился въ лѣсу съ медвѣдемъ и въ какомъ былъ тогда страхѣ. «Радъ-радехонекъ говорилъ онъ: — что Михайло Иванычъ прошелъ мимо». Старикъ представлялъ все въ лицахъ: какъ шелъ медвѣдь, какъ онъ спрятался за дерево и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Подобные разсказы на нѣсколько часовъ освобождали меня отъ несносной скуки. Положеніе мое недѣли черезъ три немного перемѣнилось: ко мнѣ изъ дому присланъ былъ человѣкъ для услуженія. Я обрадовался ему, какъ родному; разсказамъ не было конца. Онъ привезъ мою собаку, ружье и всѣ принадлежности охоты. Теперь по крайней мѣрѣ я былъ не одинъ. Трезоръ развлекалъ меня отъ скуки и былъ вѣрнымъ моимъ товарищемъ.

Такъ прошла скучная зима.

Наступили послѣднія числа марта. Солнце сильно стало пригрѣвать; вездѣ побѣжали ручейки, разрѣзывая своимъ теченіемъ снѣгъ до самой земли; дорога покрылась навозомъ. Вотъ и грачи прилетѣли и показались на гумнахъ и на улицахъ; овсянки запѣли въ бору свою одноколѣнную пѣсенку; все стало воскресать и обновляться новою жизнію.

Въ эту пору Эйберъ былъ на ротномъ дворѣ, видѣлся съ капитаномъ и успѣлъ оправдаться передъ нимъ въ выдуманной на насъ сплетнѣ. Капитанъ принялъ отъ него увѣреніе, какъ истинно-пеложное. Мы опять были переведены на ротный дворъ и заняли туже квартиру. Лукьянъ былъ въ восторгѣ, да и мы не менѣе его восхищались возвращеніемъ къ прежней жизни. Но стоянка наша была непродолжительна: въ первыхъ числахъ апрѣля выступили на тѣсныя квартиры.

Пропускаю мимо два лагеря и двѣ зимы, какъ незаслуживающія никакого описанія. Таже строгость къ нижнимъ чинамъ, таже чистота, тѣже ученья въ лагеряхъ и таже скука на зимнихъ квартирахъ. Въ теченіе этого времени много сдѣлалось перемѣнъ въ начальствующихъ лицахъ. Старый полковой командиръ произведенъ въ генералы, его замѣнилъ новый; старшіе капитаны произведены въ майоры; другихъ повысили въ слѣдующіе чины. Эйберъ, къ неописанной радости Лукьяна, былъ произведенъ въ офицеры. Какъ восхищался добрый старикъ чиномъ, пожалованнымъ его господину!

Когда онъ увидѣлъ Эйбера, одѣтаго въ полную форму, то заплакалъ отъ радости, ходилъ кругомъ своего господина, осматривалъ каждую вещь.

—Слава Богу! говорилъ онъ:—теперь и золотые крылышки получили! А шарфъ-то, шарфъ-то—какъ жаръ горитъ! Кисти-то—какъ у настоящаго енарала... И онъ, все выхваляя, пощолкивалъ языкомъ.— Молодецъ! право, молодецъ! не ждалъ и не думалъ, батюшка, такой я радости. Слава Богу! привелъ Господь увидѣть моего сокола такимъ чиновнымъ! Поздравляю васъ, Михайло Алексѣевичъ, съ царской милостью! А какъ обрадуется маменька, когда напишемъ о пожалованномъ чинѣ! Да и всѣ дворовые подивятся такому чуду. .. Дай-ка, батюшка, почищу немножко плечико-то; видно, въ мѣлу замарали.

Старикъ принимался чистить, обдувалъ малѣйшую пушинку и всему удивлялся, какъ будто никогда не видалъ по формѣ одѣтаго офицера. Эйберъ вынулъ пятирублевую ассигнацію и, подавая Лукьяну, сказалъ: «это тебѣ, старикъ, на водку; поздравь меня, какъ слѣдуетъ!»

— Много благодаренъ, Михайло Алексѣевичъ, на вашей милости! Вамъ извѣстно, водку я не употребляю; лучше сохраните для вашихъ офицерскихъ отличій; и безъ того много денегъ на платье потратили.

— Ну, а намъ кутнуть теперь можно? Какъ говорится, спрыснуть офицерскій чинъ?

— Какъ вамъ не приняться за старое! Лучше бы сказали, сударь: я-де пойду въ церковь Божію, отслужу благодарственный молебенъ, поставлю свѣчку; а вы вонъ о чемъ помышляете! Скажу вамъ пословицу: будете кутить, станетъ брюхо мутить; а примитесь-ка лучше за службу, какъ слѣдуетъ, и высшихъ чиновъ дослужитесь; а теперь, если позволитъ начальство, и въ отпускъ съѣздить можно.

Не прошло мѣсяца, какъ Эйберъ дѣйствительно уѣхалъ въ отпускъ. Чтобы прекратить объ немъ разсказъ, скажу, что Эйберъ послужилъ послѣ производства въ офицеры не болѣе двухъ лѣтъ, кутилъ на славу, женился на какой-то богатой дѣвушкѣ въ Бѣлевѣ, вышелъ въ отставку и пропалъ навсегда изъ виду всѣхъ сослуживцевъ.

XI.

Возвращаюсь къ собственной моей жизни.

Опять весна, и опять тѣсныя квартиры. Рота расположилась въ четырехъ верстахъ отъ города, въ имѣніи богатой помѣ-

щицы — старой дѣвицы Ч. (*). Она такъ любила и ласкала офицеровъ, что въ домѣ ея всякій разъ можно найти большое общество военныхъ. Ей было болѣе осьмидесяти лѣтъ; она не могла уже ходить по комнатѣ безъ помощи важатыхъ. Лишь только офиціантъ провозглашалъ: «кушанье поставлено!»,—вся молодежь бросалась наперерывъ—нести старушку съ креслами въ столовую. Старушка имѣла твердую память; она часто разсказывала намъ про жизнь свою въ Петербургѣ, въ царствованіе Елизаветы Петровны, и такъ была увлечена разсказами о богатыхъ своихъ костюмахъ, что не рѣдко приказывала подавать ей парадныя платья тогдашняго времени и брильянтовыя вещи! И какъ восхищалась ими старушка. Она сама ихъ протирала, разставляя на столѣ разными фигурами, и потомъ укладывала опять въ сафьянные футляры.

Огромный деревянный домъ, старинной архитектуры, въ три этажа, принадлежащій Ч., стоялъ на возвышеніи. Къ нему примыкалъ большой садъ, а за нимъ быстро неслась рѣка Жиздра, за которой разстилались поемные луга съ болотами, небольшими озерами и кой-гдѣ растущимъ тальникомъ. Къ этимъ лугамъ примыкалъ большой, вѣчно зеленѣющій, сосновый боръ. И какой былъ очаровательный видъ съ верхняго этажа дома на всю окрестность, особенно въ тихую лунную ночь!

Въ свободное отъ ученья время, я катался по рѣкѣ на маленькой лодкѣ, иногда бралъ ружье, собаку, переѣзжалъ на ту сторону, охотился; убитую дичь приносилъ я старушкѣ, у которой имѣлъ столъ и помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ. Хозяйка заботилась обо мнѣ, какъ о родномъ; удивлялась, какъ я могъ носить изъ толстаго сукна мундиръ и тяжелое ружье, разспрашивала о всѣхъ солдатскихъ принадлежностяхъ и пожелала одинъ разъ видѣть меня, одѣтаго въ полную походную аммуницію. Былъ какой-то смотръ, по окончаніи котораго я предсталъ къ доброй моей хозяйкѣ въ тяжеломъ моемъ облаченіи и явился къ ней на ординарцы, какъ будто къ генералу.

— Поди-ка, поди-ка ко мнѣ поближе, сказала старушка. — Это что у тебя тутъ въ чемоданѣ? спросила она, указывая на ранецъ.

— Здѣсь, ваше превосходительство, отвѣчалъ я, какъ предъ генераломъ,—бѣлье, сапожный товаръ, щотка, накремникъ и разныя вещи на случай похода.

— А это что за оловянная сзади посуда?

— Въ ней носится вода, а потому и называется водоносная фляга, или манерка.

(*) Близкая родственница Пушкиныхъ. Они получили послѣ нея все имѣніе. Здѣсь не одинъ разъ я видѣлъ, живши въ домѣ у старушки,—Сергѣя Львовича и его супругу, ихъ сына Льва и дочь Ольгу, въ самой первой молодости.

— А что въ сумкѣ, которая назади?

— Тутъ шестьдесятъ боевыхъ патроновъ, которые посылаются, вмѣсто каленыхъ орѣховъ, непріятелю.

— Котораго ты и въ глаза еще не видалъ... Эка тяжесть, я думаю! Кругомъ ремни да пряжки, точно лошадь въ каретной упряжкѣ; въ киверъ воткнута какая-то длинная черная палка. Чай, въ вѣтеръ всю головушку разломитъ?... Поди, батюшка, раздѣвайся скорѣе! Я думаю — плечи всѣ отдавило.

Я поворотился на-лѣво-кругомъ и вышелъ отъ моего генерала-хозяйки.

Итакъ я простоялъ у доброй старушки болѣе двухъ мѣсяцевъ, во время расположенія полка тѣсными квартирами. Продолжались батальонныя и полковыя ученья и всевозможные смотры, для которыхъ собирались всѣ роты на лугъ, находящійся близь самой городской заставы. На мѣсто ученья каждой ротѣ приходилось пройти отъ четырехъ до восьми верстъ, въ полной аммуниціи; я былъ, слава Богу, избавленъ отъ тяжести носить всю принадлежность солдата и ходилъ въ одной портупеѣ, потому что былъ поставленъ, какъ умѣющій хорошо маршировать, подъ знамя.

Въ послѣднихъ числахъ іюля было объявлено о выступленіи въ лагерь подъ Орелъ, гдѣ ожидали Высочайшаго смотра. По приходѣ въ этотъ городъ, дивизія расположилась лагеремъ на пашнѣ, близь большой дороги, обсаженной по обѣ стороны, по извѣстному размѣру, шпалерно березами. Лагерь этотъ имѣлъ то большое неудобство, что разбитъ былъ на пашнѣ. Сухой и холодный августъ заставилъ насъ дрожать въ палаткахъ, а сильные вѣтры несли тучами съ черныхъ пашенъ пыль на наши палатки. Пыль эта, избитая человѣческими и конскими ногами въ мельчайшій порошокъ, пробивалась сквозь полотно, такъ что при солнечныхъ лучахъ во внутренности палатки замѣтно было ея паденіе. Все было покрыто толстымъ слоемъ пыли. Если офицеръ спалъ на бѣлой подушкѣ, то по пробужденіи своемъ, вѣрно находилъ свой силуэтъ на наволочкѣ.

Полки каждодневно отправлялись верстъ за семь отъ лагеря на репетицію маневровъ, предполагавшихся въ присутствіи Государя Императора. Въ лагерь возвращались часу въ четвертомъ, до того напудренные черною орловскою пылью, что солдаты не узнавали другъ друга. Самое большое затрудненіе было перейти единственный мостъ чрезъ рѣчку, кажется, Орликъ. По окончаніи маневровъ, всякій полкъ спѣшилъ къ мосту, чтобы поскорѣе перейти и быть въ лагеряхъ. По дорогѣ къ этому мосту сталкивались всѣ вмѣстѣ: кавалерія, артиллерія и пѣхота, опережая другъ друга. Конечно, кавалерія имѣла всегда преимущество противъ пѣхоты,

пускаясь на рысяхъ съ самаго мѣста ученій; но пѣхота, желая выиграть первенство, тѣснила своихъ товарищей, и если какой нибудь полкъ оставался послѣднимъ, то онъ навѣрно приходилъ часомъ позднѣе въ лагерь. Безпорядки эти происходили болѣе оттого, что полковые командиры, по окончаніи маневровъ, отправлялись въ городъ, поручая вести людей батальоннымъ командирамъ; а иногда и капитаны исправляли эту должность.

Возвращаясь одинъ разъ въ лагерь, полкъ нашъ подходилъ къ мосту. Офицеры усмотрѣли вдали ѣдущую за нами, на полныхъ рысяхъ, конную артиллерію. Капитаны, желая быть первыми на мосту, кричали безпрестанно своимъ ротамъ: «прибавь шагу!» и наконецъ, этотъ шагъ обратился въ рысь. Нѣсколько шаговъ осталось гренадерской ротѣ дойти до желаемаго пункта, какъ артиллерія стала опережать, и при самомъ вступленіи на мостъ завязалась страшная сцена. «Топчи пѣхотинцевъ!» кричали артиллерійскіе офицеры. «Бей ихъ прикладами! тащи съ лошадей!» приказывали наши своимъ гренадерамъ. Солдаты схватили подъ уздцы лошадей и не давали имъ хода. Люди лѣзли, тѣснились, перешагивали черезъ постромки; кутерьма сдѣлалась общая. Не знаю, чѣмъ бы кончилось это примѣрное сраженіе, если бы не подъѣхалъ скоро артиллерійскій полковникъ. Замѣтя издали безпорядокъ, онъ во весь духъ прискакалъ на своемъ ворономъ конѣ. «Орудія, стой!» закричалъ полковникъ:— «смирно! господа офицеры! на свои мѣста!» — и все сдѣлалось безмолвно. «Стыдно вамъ, господа, сказалъ онъ своимъ и нашимъ офицерамъ:—дѣлать подобныя сцены и подстрекать солдатъ къ такимъ безпорядкамъ, которые могли бы кончиться съ обѣихъ сторонъ большими непріятностями.... Ведите вашихъ гренадеръ!» А самъ онъ остался при своей артиллеріи.

Мы отошли отъ моста не болѣе четверти версты, какъ эта же самая артиллерія обогнала насъ на рысяхъ. «Прощайте, господа! кричали намъ, подсмѣиваясь, артиллеристы: — «совѣтуемъ сдѣлать тутъ ночлегъ и дневку!»—«Приготовьте намъ квартиры и посмотрите за чистотой!» отвѣчали наши офицеры вслѣдъ удаляющимся артиллеристамъ.

Близь этого мѣста я былъ свидѣтелемъ еще кровавой сцены. Однажды полкъ нашъ, какъ и всегда это дѣлалось, спѣшилъ къ мосту. Люди бѣжали бѣгомъ; одинъ солдатъ упалъ и, не выпуская изъ рукъ ружья своего, поставилъ его такъ, что штыкъ сдѣлался не выше и не ниже человѣческой груди; слѣдующій за нимъ солдатъ набѣжалъ, и упалъ на штыкъ со всего разбѣга. Оружіе попало подъ ложечку и прошло сквозь ребра праваго бока; кровь заструилась изъ раны и горла и въ нѣсколько секундъ окрасила собою бѣлыя панталоны;

раненнаго отвезли въ гошпиталь, и что съ нимъ сдѣлалось — опредѣлительно сказать не могу.

Наступилъ день Высочайшаго смотра. Полковые командиры рвались съ истиннымъ усердіемъ представить свой полкъ лучше другаго, не жалѣли для того даже собственныхъ издержекъ. Два дня продолжались маневры. По окончаніи ихъ полки возвратились въ лагерь въ три или четыре часа по полудни, и простоявши тутъ одинъ день для приготовленія въ походъ, отправились опять на свои зимнія квартиры, въ Калужскую губернію.

XII.

Солдаты, послѣ маневровъ получивши царское спасибо, а офицеры разныя награды, спѣшили насладиться отдохновеніемъ на нашей постоянно занимаемой стоянкѣ. Опять заняты прежнія квартиры, нѣтъ болѣе ученій, офицеры разъѣзжаютъ по помѣщикамъ, — свобода совершенная! Одни юнкера лишены были этого удовольствія и готовились путешествовать въ корпусную квартиру, куда требовались всѣ молодые дворяне, неполучившіе офицерскаго чина.

Начальникъ штаба гренадерскаго корпуса, генералъ Д. А. Сталыпинъ, какъ ученый человѣкъ тогдашняго времени, понималъ, что ничѣмъ другимъ нельзя приготовить лучшихъ офицеровъ, какъ давши имъ образованіе;а между тѣмъ большая часть юнкеровъ не были учены дома тому, что̀ бы долженъ знать военный офицеръ. При вступленіи въ полкъ, экзамена никакого не было; а потому родители, а особенно съ малымъ состояніемъ, зная это, мало заботились объ ученіи своихъ дѣтей. Многіе изъ юнкеровъ плохо писали, съ большими грамматическими ошибками, едва знали сложеніе и вычитаніе, а дѣленіе, съ тремя цифрами дѣлителя, ставило многихъ въ тупикъ; географію и исторію знали по наслышкѣ. Я не могу сказать этого о всѣхъ вообще молодыхъ дворянахъ, служившихъ въ гренадерскомъ корпусѣ; были и такіе, которые по своему состоянію хотя получили не блестящее образованіе, но все-таки могли имѣть понятіе о наукахъ и говорили по-французски; число такихъ было очень невелико.

Генералъ Сталыпинъ видѣлъ необходимость дать образованіе будущимъ офицерамъ и, съ Высочайшаго разрѣшенія, устроилъ въ Калугѣ школу. Все строеніе заключалось въ четырехъ большихъ флигеляхъ; они построены были изъ экономической суммы плотниками, присланными изъ полковъ, подъ личнымъ наблюденіемъ самого генерала. Онъ выбралъ изъ всего корпуса ученыхъ офицеровъ. Явились историки, географы, математики; хотя и не совершенно,

но все-таки они могли замѣнить учителей. Въ эту школу поступили всѣ юнкера, числомъ болѣе двухсотъ человѣкъ. По прибытіи въ Калугу насъ поставили по квартирамъ; помѣщенія въ школѣ, кромѣ классовъ, не было еще никакого. Намъ сдѣлали строгій экзаменъ и распредѣлили всѣхъ на три класса: на нижній, средній и верхній. При этомъ-то экзаменѣ я могъ узнать свои и товарищей моихъ свѣдѣнія въ наукахъ. Обученіе французскому языку не было обязательно, а устроенъ былъ классъ для однихъ желающихъ. Сверхъ того, изъ каждаго полка было прислано въ эту школу по нѣскольку человѣкъ солдатъ лучшей нравственности. Они занимали особенное отдѣленіе и обучались грамотѣ по ланкастерской методѣ. Вся эта команда, — какъ дворяне, такъ и солдаты, — въ отношеніи подчиненности соединилась въ одно цѣлое, подъ завѣдываніемъ директора, выбраннаго генераломъ изъ числа штабъ-офицеровъ; его обязанность состояла въ томъ, чтобы наблюдать за нравственностью юнкеровъ, за своевременнымъ приходомъ въ классы и вообще за всѣмъ порядкомъ, долженствующимъ быть въ командѣ, слетѣвшейся съ разныхъ сторонъ Калужской и Тульской губерній (*). Этотъ же штабъ-офицеръ занимался обученіемъ фронтовой службѣ, для которой назначалось два дня въ недѣлѣ. Слабыхъ по фронту юнкеровъ онъ отдавалъ для выправленія солдатамъ (ланкастерамъ, какъ мы ихъ называли). Во время восьмиряднаго ученья, юнкера командовали взводами и дивизіонами, а сверхъ того былъ устроенъ тактическій классъ въ самой школѣ, гдѣ показывались на доскѣ разныя построенія, разсыпной строй, лагерная и гарнизонная служба....

Сталыпинъ любилъ юнкеровъ, какъ дѣтей своихъ, входилъ въ положеніе каждаго; не только было обращено имъ вниманіе на науки и фронтъ, но онъ заботился даже о необходимой развязности и ловкости въ молодыхъ людяхъ въ присутствіи дамъ. Для этого онъ приказывалъ наряжать къ себѣ, по воскресеньямъ, но два и по три человѣка обѣдать, и въ каждое танцовальное собраніе назначать по пяти человѣкъ изъ числа умѣющихъ танцовать; позволялъ быть въ театрѣ; однимъ словомъ, онъ занимался своими воспитанниками, какъ бы слѣдовало заниматься отцу; рѣдкій день не пріѣзжалъ самъ въ школу, присутствовалъ въ классѣ, выслушивалъ уроки, поощрялъ прилежныхъ, дѣлалъ замѣчанія лѣнивымъ. Часто толковалъ онъ правила артиллерійской службы, дѣланіе пороху, приготовленіе снарядовъ; а лѣтомъ заставлялъ при себѣ заряжать самимъ юнкерамъ пушку и стрѣлять въ цѣль.

(*) 2-я гренадерская дивизія стояла въ Калугѣ, а 3-я въ Тулѣ.

Прошло полгода нашей жизни въ Калугѣ. Юнкера познакомились съ городомъ, собирались по гостямъ большими кучками; а гдѣ много молодыхъ людей, тамъ есть и проказы: начались шалости, явились жалобы; генералъ дѣлалъ приличныя наказанія, но успѣха не было; входъ въ театры былъ запрещенъ, потому что молодежь стала на сцену бросать яблоки. Скажу по совѣсти, что я не былъ участникомъ въ разныхъ произшествіяхъ; но проказы моихъ товарищей были мнѣ извѣстны. Разскажу случай, который заставилъ генерала очень разсердиться, а послѣ смѣяться.

Наступила ранняя зима; пушистый снѣгъ при теплой погодѣ покрылъ землю на двѣ четверти; потомъ сдѣлалась оттепель; снѣгъ получилъ особенную мягкость, такъ что изъ него удобно было дѣлать разныя фигуры, напримѣръ катать шары которые, какъ извѣстно, чѣмъ больше катятся, тѣмъ болѣе растутъ; этихъ шаровъ мы накатали множество. Все наше начальсто было гдѣ-то на именинномъ пирогѣ, — свобода совершенная! Нѣсколько юнкеровъ придумали устроить изъ шаровъ крѣпость въ большой залѣ, никѣмъ и ничѣмъ не занимаемой. Мысль была одобрена; главнымъ руководителемъ былъ маленькій «Жучка». Раздалась команда: «катить шары!» Работа, исполняемая не однимъ десяткомъ, а сотнею молодыхъ людей, шла успѣшно. Въ короткое время зала имѣла внутри себя двѣ снѣжныя горы, одна противъ другой, и крѣпости готовы. Юнкера раздѣлись и каждая половина заняла свою крѣпость. Но надобно же чѣмъ нибудь защищаться, отъ непріятеля... Въ нѣсколько минутъ снѣжныя ядра сдѣланы, поставлены пирамидой; къ каждой крѣпости выбраны военачальники, которые, окруживъ себя войскомъ, вошли на стѣны. Началась перестрѣлка, прежде небольшая, потомъ бой сталъ разгораться все болѣе и болѣе и дошелъ до совершеннаго изступленія; ядра летѣли съ обѣихъ сторонъ и попадали въ головы и носа осаждающихъ; показались и раненные, потому что снѣгъ въ теплѣ сдѣлался довольно твердымъ; у кого капала изъ носу кровь, другой держался за глазъ съ расшибенной бровью; досталось болѣе всего стекламъ,—они пали отъ выстрѣловъ снѣжной артиллеріи. Но вдругъ, среди самаго сильнаго сраженія, растворяется дверь и генералъ явился передъ нами. Грозный, нахмуренный, стоялъ онъ, смотря на обѣ стороны, оборотился назадъ, закричалъ: «республика!» хлопнулъ сильно дверью и ушелъ къ ланкастерамъ. Мы разбѣжались по классамъ и сѣли на свои скамейки, какъ ни въ чемъ не бывало.

Съ грустными физіономіями явились офицеры въ свои классы и занялись своими предметами; розыска виновныхъ никакого не было, потому что участниками въ произшествіи были всѣ классы.

Явился директоръ, разсыпался на всѣхъ угрозами, но взыскать со всѣхъ не было возможности, и прошедшаго не воротишь.

Вошелъ генералъ.

— Какъ вы смѣли, мальчики, вскричалъ онъ гнѣвно: — дѣлать подобныя шалости?

Всѣ стояли въ мертвомъ молчаніи.

— Ну, говорите же, продолжалъ онъ кричать и приставалъ къ одному небольшому юнкеру: — говори! я приказываю.

— Ваше превосходительство! сказалъ испуганный юнкеръ, не зная, что отвѣчать: — вчера въ классѣ читали «артиллерію».

— А вы, молокососы, вздумали сдѣлаться артиллеристами въ натурѣ, и вмѣсто непріятеля, перебили у меня стекла! Г. майоръ! сказалъ онъ директору: — всѣхъ этихъ артиллеристовъ не пускать нынче обѣдать; въ военное время приходится иногда терпѣть голодъ; вы это испытаете у меня тоже въ натурѣ... Генералъ вышелъ, и мы могли слышать смѣхъ его въ корридорѣ.

Прошла бѣда, но не прошли шалости. Въ городѣ юнкера расхаживали большими партіями по улицамъ. Остановить на дорогѣ дѣвушку-мѣщанку, обидно посмѣяться надъ ней, подтрунить дерзко надъ густыми бородами купцовъ—ничего не значило. Генералъ рѣшился быть строгимъ, выписалъ трехъ или четырехъ юнкеровъ въ армейскіе полки, разумѣется, съ хорошими аттестатами;—а это наказаніе считалось сильнѣйшимъ; перевелъ сорокъ человѣкъ въ казармы при самой школѣ, и шалости — какъ въ воду канули.

Но вотъ настало осьмое декабря,—день вѣчно оставшійся въ памяти у многихъ изъ товарищей, день восхищенія и восторга. Мы узнали, что въ это число насъ до тридцати человѣкъ изъ корпуса произведены въ офицеры. Обращаюсь къ вамъ, господа статскіе чиновники, съ тѣмъ сожалѣніемъ, что вы въ жизни вашей не имѣли возможности узнать подобнаго дня! Съ полученіемъ коллежскаго регистратора у васъ не сдѣлалось ровно никакой перемѣны, кромѣ тоненькой черной палочки, висящей на цѣпочкахъ и называемой шпагою; платье ваше осталось тоже самое, должностное мѣсто ваше безъ всякой перемѣны, тотъ же столъ предъ вами, тотъ же стулъ, на которомъ сидѣли, и таже чернилица; а поэтому вы не можете понимать радости при производствѣ въ первый чинъ. Въ военной службѣ перемѣна поразительна: сброшена толстая солдатская одежда, тяжелый ранецъ, ружье и куча ремней съ пряжками; сшитый изъ толстаго сукна галстухъ, такъ немилосердо тершій шею, замѣняется шелковымъ платкомъ, однимъ словомъ—чувствуешь какое-то перерожденіе. Вчера вы шли по улицѣ, скидали вашу шапку всякому попадавшемуся офицеру и дѣлали честь вашимъ фронтомъ; но нынче

вы произведены и подходите къ тому же самому офицеру, какъ товарищъ, съ однимъ обыкновеннымъ поклономъ. Теперь на оборотъ: предъ вами снимаютъ шапку нижніе чины и отдаютъ должную честь по фронту. Эта-то быстрая перемѣна, какъ я думаю, и производитъ тотъ восторгъ, который чувствуетъ всякій, вновь произведенный прапорщикъ.

Новые офицеры не могли скоро имѣть полной экипировки, по случаю неприсылки изъ домовъ своихъ денегъ. Получивши лично поздравленіе генерала и должное наставленіе, многіе отправлялись по полкамъ; прощаясь съ товарищами, каждый изъ насъ не замедлилъ пригласить распить нѣсколько бутылокъ вина; смотря по состоянію, кто угощалъ горскимъ, мадерою; у другихъ являлось и шампанское. Особенной претензіи не было: все пилось, что подавали, лишь бы поздравить съ полнымъ стаканомъ вина.

По дальнему разстоянію отъ мѣста моего жительства, я не могъ скоро получить деньги на мою экипировку. Въ ожиданіи этой присылки, помѣстился я на квартирѣ офицера нашего полка, находившагося постоянно въ корпусномъ штабѣ. На другой день Рождества Христова, я былъ обрадованъ полученіемъ изъ дому денегъ; принялся за разсчеты, какъ и что сдѣлать; просилъ не оставить совѣтомъ хозяина квартиры, и въ этотъ вечеръ мы принялись записывать предполагаемыя покупки: какой цѣны поставить сукно на мундиръ, сюртукъ и шинель, сколько нужно эполетъ, шарфовъ и другихъ принадлежностей, — какъ вдругъ наше занятіе прекратилось пріѣздомъ изъ нашего полка капитана Баталина. «Здорово ребята!» вскричалъ капитанъ, снимая съ себя дорожное платье и распутывая большой шерстяной шарфъ, окутывавшій его шею. «Миръ вамъ, и я къ вамъ!» повторилъ онъ. «Поздравляю съ эполетами!» сказалъ онъ, увидавши меня и подавая мнѣ руку.

— Отецъ командиръ! произнесъ мой хозяинъ: — какими судьбами и зачѣмъ къ намъ пожаловали?

— Прежде всего напой меня чаемъ, а потомъ задавай вопросные пункты, сказалъ Баталинъ. Сытый голоднаго не разумѣетъ...

Подали самоваръ. Капитанъ выпилъ нѣсколько стакановъ со сливками, сухарями, а послѣ съ трубкою.

— Не угодно ли съ ромцомъ?

— Выпью и съ ромцомъ, а между тѣмъ стану разсказывать вамъ полковыя новости; что знаю, все передамъ, говорилъ капитанъ. — Полковой командиръ ѣдетъ въ Питеръ на двадцать-восемь дней; штабсъ-капитану Самсонову дали роту на мѣсто Котовича, а этого урода перевели въ гарнизонъ. Да и давно пора: спился съ кругу! И вообразите его печальную участь—что съ нимъ надѣлала наша моло-

дежь, когда прочитали о переводѣ его въ приказѣ! Они поспѣшили къ Котовичу поздравить его съ блестящимъ переводомъ, нашли переведенца въ его квартирѣ, упившагося до послѣдней крайности, подбавили ему еще нѣсколько рюмочекъ, и прежній командиръ третьей роты заснулъ, сидя, имѣя сюртукъ съ нашими еще эполетами. Молодежь торовата на выдумки: въ отсутствіи деньщика, котораго послали за водкой, завели шумъ, вымазали его физіономію, и безъ того отвратительную, разными фигурами, вырѣзали съ эполетъ желтое сукно и замазали убылое мѣсто ржанымъ тѣстомъ; въ такомъ положеніи его и оставили, съ желаніемъ счастливой дороги и скораго свиданія съ новыми товарищами. Не знаю, оскорбился ли г. гарнизонный такими продѣлками, только на другое утро, за всѣмъ желаніемъ нашимъ видѣть Котовича, мы не нашли его въ квартирѣ; онъ выѣхалъ въ ночь къ новому назначенію.

Баталинъ раскурилъ поданную ему трубку и продолжалъ: скажу теперь о себѣ: я назначенъ отъ дивизіи выбрать рекрутъ въ полки гренадерскаго корпуса; для этого командируютъ меня въ Казань, куда соберется нѣсколько партій. Завтра явлюсь къ начальнику дивизіи, получу прогонныя деньги—и катай къ татарамъ пить цвѣточный чай и ѣсть аршинную стерлядь!... При этомъ послѣднемъ словѣ, онъ вдругъ оборотился ко мнѣ и продолжалъ:

— Послушай, новый прапорщикъ! Вѣдь, кажется, твоя родина недалеко отъ Казани?

— Да, недалеко, отвѣчалъ я.

— Такъ чего же ты, пріятель, смотришь? Ѣдемъ вмѣстѣ! Я съ тебя до Казани копѣйки не возьму: прогоны казенные, подорожная тоже.

— Благодарю васъ, капитанъ, за памѣреніе доставить мнѣ удовольствіе видѣться съ родными; но препятствій столько, что я не могу воспользоваться вашимъ предложеніемъ.

— Желалъ бы я знать, какія это препятствія и почему не можешь воспользоваться отпускомъ, когда имѣешь случай? Развѣ нѣтъ своего желанія? Это дѣло другаго рода.

— А вотъ какія препятствія: вы знаете, что я въ полкъ еще не являлся,—надобно туда ѣхать; не знаю, согласится ли на мой отпускъ полковой командиръ; а если и согласится, то я долженъ подать просьбу, и разрѣшеніе выйдетъ не прежде трехъ недѣль; такъ можете ли вы ждать меня такъ долго! Второе, я не имѣю ни одной офицерской вещи, только передъ вашимъ пріѣздомъ получилъ деньги и хочу теперь приступить къ экипировкѣ.

— Ахъ вы, молодежь, молодежь! Ты наговорилъ мнѣ много пустяковъ и ни одного препятствія. Я тебя научу, что дѣлать. Ты въ

полкъ не являлся, слѣдовательно принадлежишь еще корпусному начальству. Иди завтра къ Сталыпину, скажи, что имѣешь случай ѣхать въ отпускъ; онъ отъ тебя приметъ просьбу и, не дожидаясь разрѣшенія, выдастъ тебѣ билетъ. Это такъ вѣрно, какъ я къ новому году въ Казани; а насчетъ экипировки—чего же лучше сдѣлать все въ Москвѣ? Я для тебя пробуду тамъ дня два, или три, пожалуй, и въ это время тебѣ все сдѣлаютъ. Тамъ нашъ казначей; у него остановимся. Если денегъ не хватитъ, — за бока казначея. Мы тебя нарядимъ, какъ куколку, да еще и въ театръ свожу, показать публикѣ новаго офицера. Ну, по рукамъ, что ли?

— Еще разъ благодарю васъ, добрѣйшій капитанъ! Завтра постараюсь испытать совѣтъ вашъ на дѣлѣ.

На другой день все случилось такъ, какъ говорилъ Баталинъ. Генералъ принялъ меня очень ласково, и немедленно согласился на мой отпускъ. Въ двѣнадцать часовъ утра билетъ объ увольненіи былъ у меня въ карманѣ. Къ этому времени и капитанъ получилъ полное отправленіе, прогонныя деньги и подорожную.

— Ну, кто правъ? кто виноватъ? сказалъ капитанъ, — увидя меня.

— Я виноватъ! я виноватъ!... И въ истинномъ восторгѣ, я бросился обнимать Баталина.

— За тобой шампанское два раза: первое за офицерскій чинъ, а второе за отпускъ.

— Рады стараться! закричалъ я, — и мы вечеромъ кутнули какъ слѣдуетъ.

XIII.

Съ сильною головною болью отъ вечерней гулянки и съ чувствами неописанной радости отъ поѣздки на родину, сѣлъ я съ капитаномъ на другой день въ рогожную повозку. Ямщикъ гаркнулъ на лошадей, язычокъ колокольчика суетливо забѣгалъ во всѣ стороны, производя однообразный звукъ. Кони понеслись, разметывая свои длинныя гривы и бросая изъ-подъ ногъ снѣжную пыль и комочки снѣга. Прощай, Калуга! прощай, школа! думалъ я, прижавшись въ уголъ нашей повозки....

Капитанъ на половинѣ пути заѣзжалъ къ знакомому помѣщику, гдѣ мы ночевали; а потому мы пріѣхали въ Москву только на другой день, въ самыя сумерки. Казначей нашъ Каранинъ, у котораго мы остановились, обрадовался намъ какъ роднымъ; пошли разспросы съ его стороны о полковыхъ товарищахъ, а съ нашей о москов-

скихъ новостяхъ, о театрѣ, и скоро ли онъ кончитъ пріемъ суконъ, холста и прочаго.

Прошло болѣе двухъ часовъ послѣ нашего пріѣзда; во все это время въ углу комнаты сидѣлъ военный офицеръ, въ сюртукѣ безъ эполетъ. Красивое лицо молодаго человѣка было омрачено какою-то грустію, онъ сидѣлъ почти неподвижно, рѣдко шевелилъ губами, не издавая никакого звука; черные глаза его неподвижно устремлены были на зажженную свѣчку; онъ даже не прикасался къ поставленному предъ нимъ стакану съ чаемъ. Я терялся въ догадкахъ о нашемъ собесѣдникѣ; наконецъ капитанъ, улуча минуту, спросилъ о немъ нашего казначея.

— Скажи, пожалуйста, Каранинъ, кто этотъ безсловесный офицеръ? сказалъ шопотомъ Баталинъ.

— Это несчастный казначей О—го пѣхотнаго полка, поручикъ Буфаловъ. Третій годъ мы пріѣзжаемъ въ Москву, для пріема въ полкъ мундирныхъ и аммуничныхъ вещей; каждый разъ становились на одной квартирѣ; у насъ все общее. Надобно знать, какой онъ превосходный товарищъ; прекрасно образованъ и даже поетъ... Грустно видѣть его несчастіе, котораго онъ не понимаетъ.

— Не проигралъ ли онъ казенныхъ денегъ, или не промахнулся ли въ пріемѣ вещей?

— Все бы это ничего, но онъ — сумасшедшій!

— Какъ, — давно ли? вскричали мы въ одинъ голосъ.

— Не болѣе трехъ недѣль.

— Почему же ты не отправишь его въ гошпиталь? можетъ быть, его вылѣчатъ.

— А я думаю, что на его выздоровленіе нѣтъ никакой надежды. Я знаю всѣ семейныя обстоятельства несчастнаго Буфалова. Мать его умерла въ сумасшествіи; старшая сестра болѣе десяти лѣтъ находится въ такомъ же положеніи. Надобно думать, что эта болѣзнь у нихъ въ семейной крови. Съ этимъ мнѣніемъ согласны два медика, приглашенные мною для лѣченія Буфалова; у него есть еще младшій братъ, который теперь студентомъ Харьковскаго университета. Можетъ быть, и его ожидаетъ подобное несчастіе. Хорошо сдѣлалъ старикъ, отецъ ихъ, что не дожилъ до несчастія видѣть сына помѣшаннымъ и ожидать той же участи надъ младшимъ. Притомъ же мнѣ не хочется, продолжалъ казначей, — помѣстить его въ здѣшній гошпиталь; онъ бываетъ болтливъ, можетъ вывести наружу свои сдѣлки съ комиссіонерами; тутъ можетъ страдать личность полковаго командира. Я писалъ къ его полковнику, увѣдомлялъ о случившемся и про-

силъ немедленно прислать для пріемки другаго офицера, а Буфалова отвезутъ въ полкъ; тамъ болтай, что хочешь, — дѣло домашнее. Я думаю, командиръ ихъ полка останется доволенъ моимъ распоряженіемъ. Впрочемъ, больной не остается безъ лѣченія; его пользуютъ два здѣшніе медика.

— Какой главный пунктъ его помѣшательства и какъ оно началось? спросилъ капитанъ.

—Больной бредитъ стихами своего сочиненія и дѣлаетъ гигантскіе разсчеты съ комиссіонерами, которые будто бы къ нему являются; проситъ накладки на холстъ и другія вещи; у него нѣтъ другаго счета, какъ двадцать или пятьдесятъ мильоновъ. Я удивляюсь, что онъ до сихъ поръ не вступилъ съ вами въ разговоръ, воображая васъ членами комиссіи. Больной бываетъ очень разговорчивъ, декламируетъ свои стихи, перемѣшиваетъ ихъ съ стихами изъ «Кавказскаго Плѣнника» или изъ Жуковскаго; однимъ словомъ — несетъ, что̀ придетъ въ голову, лишенную своего хозяина. Сумасшествіе его началось мгновенно. Назадъ тому съ небольшимъ три недѣли не было ни малѣйшаго признака. Въ этотъ день, когда началось его помѣшательство, мы пробыли до трехъ часовъ въ комиссіи. Ѣхавши на квартиру, дорогою онъ убѣдительно упрашивалъ меня ѣхать обѣдать въ «Троицкій». я согласился. Заказали четыре блюда и, въ ожиданіи игры, сѣли за приготовленный столъ; за горячимъ мой товарищъ призадумался, но ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, и вдругъ довольно громко закричалъ: «Я, изорву стихи» и началъ въ свою тарелку крошить бѣлый хлѣбъ и бросать съ такою силою, что брызги супа летѣли въ разныя стороны. Я, нимало не подозрѣвая въ немъ умственнаго разстройства, просилъ его оставить дурачество, боясь обратить вниманіе постороннихъ свидѣтелей. Подали холодное.

— «Изъ чего сдѣланы эти котлеты? спросилъ Буфаловъ.

— Изъ телятины, отвѣчалъ половой.

— Врешь, закричалъ онъ: — онѣ изрублены изъ сапожнаго товару!

Я былъ въ томъ убѣжденіи, что товарищу моему показались котлеты дурно приготовленными, удивлялся только тому, что онъ такъ громко кричалъ въ трактирѣ. За послѣдними блюдами онъ сдѣлался задумчивъ, а когда половой принесъ намъ сдачу съ десятирублевой ассигнаціи, Буфаловъ потребовалъ счеты, на которыхъ быстро сталъ высчитывать разныя суммы на косточкахъ, означающихъ мильоны. Эта продѣлка продолжалась довольно долго. Я

началъ подозрѣвать состояніе моего товарища, который окончательно довершилъ мою догадку сдѣланнымъ вопросомъ половому.

— Ты присланъ отъ комиссіонера? закричалъ Буфаловъ.

— Отъ какого комиссіонера? спросилъ половой.

— Отъ Иванова! Онъ подослалъ тебя. Скажи ему, что я никакъ не согласенъ на тотъ разсчетъ, который онъ предлагаетъ; я отъ него долженъ получить десять мильоновъ, а какую онъ даетъ накладку? Стыдно сказать — десять аршинъ! Что, неправда, скажешь ты? Я васъ выучу,—отъ образца не отступлю ни на шагъ! Скаредъ проклятый! У самого до сорока мильоновъ въ процентахъ ходитъ, а все-таки жалко разстаться съ копѣйками.

— Половой стоялъ, вытаращя глаза и не могъ отвѣчать на вопросы, можетъ быть думая, что онъ говоритъ съ офицеромъ, порядкомъ подгулявшимъ. Мнѣ стоило большаго труда увезти Буфалова домой; осталось одно средство: придумать какой нибудь обманъ. Я такъ и сдѣлалъ,—сказалъ, что у трактирнаго подъѣзда ожидаетъ его комиссіонеръ. Обманъ удался,—Буфаловъ опрометью бросился съ лѣстницы; я уговорилъ его сѣсть въ сани и привезъ на квартиру. Итакъ вотъ чѣмъ началось сумасшествіе, которое развивается все болѣе и болѣе.

По окончаніи этого разговора, мы замѣтили, что больной что-то говорилъ. Въ это время онъ держалъ въ рукахъ крышку съ эполетнаго футляра; на крышкѣ, обыкновенно, какъ всегда дѣлается, былъ наклеенъ печатный билетикъ, означающій мѣсто продажи офицерскихъ вещей и фамилію хозяина магазина. Сумасшедшій долго читалъ этотъ билетикъ, и вдругъ громко закричалъ:

— Совралъ, какъ песъ!

— Кто совралъ? спросилъ его нашъ казначей.

— Развѣ ты не видишь, что совралъ Солодовниковъ? Посмотри, что онъ тутъ напечаталъ: «Магазинъ офицерскихъ вещей, купца Солодовникова. Эполеты, шарфы, кутасы и разные военные приборы»,—гдѣ же тутъ рифма? И какіе это стихи! Не умѣлъ написать двустишіе, а еще въ печать отдалъ! Если бы онъ написалъ: «эполеты, шарфы, кутасы и разные военные припасы», — тутъ была бы рифма. Двухъ словъ не умѣютъ написать по-русски, а отдаютъ въ печать!

Окончивши критическій разборъ наклееннаго билетика, Буфаловъ схватилъ со стола карандашъ и началъ писать во внутренности крышки эполетнаго футляра. По окончаніи своей работы, онъ подалъ нашему казначею футлярную крышку, и мы прочли слѣдующее:

«Всѣ адъютанты
Носятъ эксельбанты,
А московскіе франты —
Розовые банты;
Поютъ музыканты
Разные канты;
Дѣвушки играютъ въ фанты,
Саблями драбанты....

На новые экштеты
Уставлены лорнеты;
Щоголи одѣты
Въ бѣлые жилеты,
А въ дамскіе браслеты
Смотрятъ всѣ планеты;
Сжаты всѣ въ корсеты,
Глядя на балеты.

— Не хотите ли прочитать его стихи, сказалъ нашъ казначей, писанные въ сумасшествіи? Видите, подъ его кроватью разбросаны бумаги. Тутъ вы найдете множество сплетенныхъ рифмъ и ни одной здравой мысли.

Я взялъ изъ-подъ кровати одну бумагу, исписанную кругомъ карандашемъ, съ небольшими поправками. Стихи эти начинались очень недурно, и даже можно думать, что они писаны имъ прежде сумасшествія. Но конецъ не имѣлъ никакого смысла, хотя размѣръ и риѳмы были сохранены. Больной не препятствовалъ читать свое сочиненіе; впрочемъ онъ не обращалъ никакого вниманія и на то, если его въ глаза называли сумасшедшимъ.

Прошло не болѣе двухъ часовъ послѣ оконченнаго нами чая, Буфаловъ сдѣлался болѣе разговорчивымъ, ходилъ большими шагами по комнатѣ, декламировалъ стихи, бранился съ комиссіонерами. Мы было оставили его въ покоѣ, какъ вдругъ онъ подбѣжалъ къ Каранину и, указывая на капитана, спросилъ: «этотъ казначей котораго полка?»

— Махорскаго пѣхотнаго, отвѣчалъ Каранинъ.

— Махорскаго пѣхотнаго, повторилъ сумасшедшій: — это которой дивизіи?

— 514-й, отвѣчалъ нашъ казначей.

— 514-й, повторилъ опять Буфаловъ и задумался.... А гдѣ квартируетъ эта дивизія?

— Въ Грибной губерніи.

Сумасшедшій разразился громкимъ смѣхомъ.

— Стало быть, у нихъ, вмѣсто провіанта, грибы ѣдятъ? — Хорошо! право хорошо! А это что еще за казначей? спросилъ онъ обо мнѣ у Каранина: — и гдѣ служитъ?

— Этотъ казначей служитъ въ конномъ флотѣ и пріѣхалъ принимать алебастръ для замазки кораблей.

Сумасшедшій косо посмотрѣлъ на меня и, подумавши, сказалъ:— ну, этого вы въ нашей комиссіи не найдете!—Прошу, господа, познакомиться, продолжалъ онъ, — и быть въ дѣлахъ нашихъ откровенными; на комиссіонеровъ плоха надежда: если ихъ не прижать порядкомъ, они вамъ не дадутъ никакой накладки, а объ деньгахъ и говорить нечего. Вы также, я думаю, получили разрѣшеніе отъ своихъ полковниковъ принимать вещи ниже образцовъ. Тутъ дѣло въ шляпѣ. Комиссіонеры и самъ управляющій берутъ же деньги съ фабрикантовъ. Шутка ли, — съ каждаго аршина по сту рублей! Тутъ, кажется, можно подѣлиться съ нашимъ братомъ и командиромъ полка. Прошлаго года я взялъ на одинъ рубашечный холстъ пять мильоновъ, а нынче мнѣ предлагаютъ только два. Не видалъ что ли я вашихъ ассигнацій! Заплати мнѣ стихами, въ которыхъ бы была истинная поэзія! Прозы не возьму ни за что; иначе отъ образцовъ не отступлю. Вчера въ комиссіи показывали мнѣ подкладочный холстъ, который хотѣли мнѣ подсунуть. — Да это тюль! вскричалъ я на комисіонера.—«Вы отгадали, отвѣчалъ онъ съ низкимъ поклономъ: — этотъ тюль будетъ приниматься на однихъ рекрутъ, которые продадутъ его дамамъ, что̀ рекрутамъ составитъ большую прибыль.» Вотъ нынче какова комиссія! Я ихъ не буду баловать, — напишу такую сатиру, что сторожъ, который снимаетъ съ насъ шинели, расхохочется надъ своими воспитанниками и закричитъ: «здравія желаю, ваше благородіе!» а я ему дамъ двѣсти золотыхъ на водку. И Буфаловъ опять захохоталъ во все горло.

Во время этого разсказа Каранинъ напѣвалъ водевильные куплеты и какъ будто старался ими заглушить слова сумасшедшаго.

— Теперь надобно бы намъ при первомъ знакомствѣ выпить темную, т. е. казначейскую, и поздравить съ будущими денежками. Эй! Поскребаевъ! Поскребаевъ! закричалъ Буфаловъ.

Явился деньщикъ, очень опрятно одѣтый, и ожидалъ приказанія своего господина.

— Поди, принеси, закричалъ сумасшедшій:—двѣ тысячи дюжинъ шампанскаго, возьми четыре аршина лучшаго швейцарскаго сыру,

да не захватишь ли гдѣ свѣжей икорки? Приготовь зеленаго лучку, и все это поставь, какъ слѣдуетъ! Понимаешь?

— Понимаю, ваше благородіе!

Деньщикъ пожалъ плечами и отправился опять на отдыхъ въ хозяйскую кухню.

Больной скоро забылъ отданное имъ приказаніе и, вмѣсто шампанскаго, въ десять часовъ, выпилъ двѣ рюмки настойки, ушелъ въ свою комнату и черезъ нѣсколько минутъ захрапѣлъ богатырски.

На другой день декабрьское солнце освѣтило квартиру нашего казначея. Глазамъ моимъ представились вещи довольно дорогой цѣны. Вотъ на письменномъ столѣ блестѣли серебряные подсвѣчники и разные галантерейные приборы, бритвенный ящикъ, наполненный всякими вещами, отдѣланными въ серебрѣ; въ углу стояли прекрасные черешневые чубуки, съ огромными янтарями; дорогой коверъ, прибитый къ стѣнѣ, красовался различными цвѣтами. На этомъ коврѣ висѣли два пистолета въ прекрасной отдѣлкѣ, а между ними роскошно, на бархатной подушечкѣ, помѣщались золотые карманные часы. Вообще всѣ вещи говорили, что онѣ имѣютъ богатаго хозяина, который вышелъ къ намъ въ прекрасномъ шелковомъ халатѣ и въ вышитыхъ серебромъ по сафьяну полусапожкахъ. Я пришелъ въ большое затрудненіе рѣшить заданный себѣ вопросъ: откуда все это взялось у г. Каранина? Офицеръ этотъ, какъ намъ извѣстно, вовсе не имѣлъ никакого состоянія; ужь не накладка ли это, взятая съ комисіонеровъ, о которой такъ простодушно толковалъ сумасшедшій Буфаловъ? Когда мы одѣлись, чтобы ѣхать въ разные магазины, то мнѣ опять пришла въ голову казначейская накладка, которая будто говорила за себя, что она въ казначейскомъ карманѣ. Каранинъ надѣлъ на себя стеганную на левантинѣ ваточную шинель съ бобровымъ, въ просѣдь, воротникомъ. Къ подъѣзду была подана красивая лошадь, запряженная въ лучшія городскія санки съ полостью изъ чернаго медвѣдя; щегольски одѣтый кучеръ нѣсколько разъ проѣхалъ нетерпѣливаго коня и ожидалъ своихъ пассажировъ.

Капитанъ сѣлъ съ казначеемъ, а я взялъ извощика, и мы отправились покупать разныя офицерскія вещи. Въ этотъ день все было для меня накуплено и отдано портному; однимъ словомъ, я черезъ три дня былъ обмундированъ окончательно. Пробывши въ Москвѣ четверо сутокъ, побывавши два раза въ театрѣ и наконецъ поблагодаривши хозяина, мы отправились въ Казань.

XIV.

3 января, вечеромъ, мы въѣхали въ бывшее татарское царство и остановились въ домѣ благороднаго собранія. Тутъ были номера для пріѣзжающихъ; а на другой день, послѣ сытнаго завтрака, капитанъ поѣхалъ явиться военному начальству, а я, распростившись съ нимъ, совершенно одинъ отправился на родину. Человѣкъ мой еще изъ Калуги былъ отправленъ въ полкъ.

Тройка лихихъ татарскихъ лошадей быстро пронесла меня разомъ двѣ станціи. Вообще, отъ Казани до нашего города возятъ татары. Проѣхать двѣ-три станціи, не кормя, у нихъ ни-почемъ, было бы только на это позволеніе пассажира. Скорая ѣзда по этому тракту сохранила свой характеръ и въ настоящее время. Татарскіе ямщики визгливымъ крикомъ на своихъ маленькихъ лошадей даютъ имъ будто новую силу и быстроту въ бѣгѣ. Вы пролетѣли, въ полномъ смыслѣ этого слова, двадцать верстъ; въ виду станція; вы думаете о перемѣнѣ на ней лошадей; напротивъ, татаринъ оборачивается къ вамъ съ вопросомъ: «Что, бачка—еще тащить станцію?» Вамъ жалко разстаться съ лихой тройкой, и вы соглашаетесь на его предложеніе. Татаринъ заревѣлъ, завизжалъ, ударилъ коренную, подстегнулъ пристяжныхъ, и въ нѣсколько минутъ станція осталась далеко за вами. Врядъ ли кто нибудь и гдѣ нибудь встрѣтитъ скорую ѣзду, подобную казанскому тракту. Надобно замѣтить,—если вы отправляетесь по этому тракту, не безпокойтесь о подорожной, она будетъ спокойно лежать въ вашемъ карманѣ.

Дневной свѣтъ умиралъ отъ наступающей ночи; небольшой вѣтерокъ тащилъ по снѣжному пространству вереницами мелкій снѣгъ, представляющій собою будто волны, бѣгущія по одному направленію (такое состояніе погоды въ простонародіи называется поползухою). Наступившія сумерки все болѣе и болѣе брали верхъ надъ изчезающимъ свѣтомъ, и наконецъ безлунная ночь съ густыми сѣрыми облаками, закрывающими небо, воцарилась совершенно. Въ это время я пріѣхалъ на четвертую станцію. Татаринъ подвезъ меня къ крестьянской избѣ, остановилъ упаренныхъ лошадей, постучалъ въ окошко и закричалъ во все горло: «разгонъ»! Будущій мой ямщикъ, также татаринъ, пригласилъ меня выдти изъ повозки отогрѣться. Морозъ былъ не болѣе двѣнадцати градусовъ; а потому, не чувствуя холода, я отказался отъ его приглашенія, торопилъ толь-

ко о перемѣнѣ лошадей. Прошло не болѣе десяти минутъ, какъ заскрипѣли тяжелыя ворота, изъ которыхъ выѣхала тройка лошадей, запряженная въ подобную же рогожную повозку, въ какой я пріѣхалъ. Выходящій длинною полосою свѣтъ изъ окошка далъ мнѣ возможность увидать бойкихъ коней, для меня приготовленныхъ, и широкое лицо ихъ хозяина. «Готово, бачка!» сказалъ онъ, садясь на козлы и подбирая на-туго возжи. Я перекинулъ свой чемоданъ и подушку въ новую повозку, бросился на постланное сѣно; татаринъ опустилъ сверху рогожный фартукъ, поправилъ свой малахай, закричалъ посвоему на лошадей, и вся тройка съ отчаяніемъ понеслась по дорогѣ. Съ небольшимъ въ часъ проѣхалъ я станцію; татаринъ, по обыкновенію, везъ меня другую. Однообразный звонъ колокольчика, скрипъ подъ санями и татарская пѣсня ямщика такъ меня убаюкали, что я заснулъ крѣпкимъ и пріятнымъ сномъ. Не знаю, долго ли продолжался мой сонъ, но когда проснулся, повозка стояла на мѣстѣ, кругомъ все тихо, какъ въ могилѣ, только изрѣдка побрякивалъ колокольчикъ отъ движенія коренной лошади. Вотъ мы и на станціи, подумалъ я; мысль эта болѣе подтвердилась тѣмъ, что въ небольшое отверстіе между спущенной рогожей и самой повозкой виднѣлась въ самомъ близкомъ разстояніи соломенная крыша. «Эй! ямщикъ! закричалъ я:—татаринъ! татаринъ!» Отвѣта не было. Вѣрно ушелъ въ избу и толкуетъ себѣ на просторѣ съ своими земляками, подумалъ я. Однакожь ожиданіе было напрасно; терпѣніе мое истощилось; я быстро вскочилъ на ноги, откинулъ рогожную занавѣску, и въ это время картина, бывшая въ моихъ мысляхъ, совершенно перемѣнилась: вмѣсто воображаемой улицы и избы, я стоялъ въ чистомъ полѣ, окруженный одними сугробами снѣга. Вся тройка лошадей стояла по брюхо въ снѣгу, не двигаясь съ мѣста. Приглядываясь понемногу къ окружающимъ предметамъ, я удостовѣрился, что нахожусь въ оврагѣ, берега котораго съ обѣихъ сторонъ были много выше моей повозки, а на поверхности ихъ ростъ кустарникъ, который въ отверстіе повозки показался мнѣ соломенною крышею. Глубина оврага препятствовала даже дуновенію вѣтра; онъ разгуливалъ только въ полѣ и шумѣлъ вдали сосновымъ боромъ. Я вышелъ изъ повозки, обошелъ ее кругомъ, увязая по колѣно въ снѣгу, и удостовѣрился, что дороги тутъ никакой не было. Слѣдъ оставленный лошадьми и повозкой былъ сдѣланъ по глубокому цѣлику. Неизвѣстность, гдѣ нахожусь я, и что сдѣлалось съ ямщикомъ моимъ, поставила меня въ незавидное положеніе: даже лошади, какъ будто чувствуя потерю своего хозяина и не имѣя путеводителя, повѣсили головы и уныло ожидали своей участи. Я долго кричалъ татарина,

но голосъ мой умиралъ въ воздушномъ пространствѣ безъ всякаго отвѣта. На что рѣшиться и что дѣлать? Ѣхать одному, наудалую, было бы безразсудно, да и лошади отъ снѣжной глубины не могли двинуться съ мѣста. Я сѣлъ опять въ повозку и рѣшился дождаться свѣта. Къ несчастію, и время было мнѣ неизвѣстно; часы безъ репетира, а глазами нельзя разсмотрѣть ни одной цифры. Ощупалъ руками циферблатъ—Боже мой! обѣ стрѣлки были на верху; слѣдовательно, двѣнадцать или часъ ночи! Цѣлая вѣчность представлялась мнѣ пробыть въ такомъ положеніи.

Прошло болѣе часу, и вдругъ слуха моего коснулся будто-бы человѣческій голосъ, произносящій одни междометія: го-го-го! го-го-го! Не вѣря моему счастію, я выскочилъ изъ моего убѣжища, и уже на открытомъ воздухѣ ясно услышалъ невнятныя слова и наконецъ увидѣлъ движущуюся фигуру человѣка огромнаго росту. Фигура эта находилась на самой крутизнѣ овражнаго берега, и потому изъ моей ямы казалась мнѣ исполиномъ. Это былъ мой ямщикъ, который не сошелъ ко мнѣ, но скатился кубаремъ къ самымъ лошадинымъ ногамъ, отъ усталости едва переводя дыханіе. Я было принялся распрашивать о случившемся произшествіи, но одни вздохи и аханья были отвѣтомъ. Когда же понемногу прошло утомленіе татарина, онъ прерывающимся голосомъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: «У насъ знаешь, бачка, кнутъ кончалъ — шайтанъ его знаетъ-куда пошелъ; я его искалъ, и поднялъ кнутъ, и вернулъ къ лошадямъ; вотъ какъ не дошелъ до нихъ близка, бачка, не дошелъ, ударилъ только кнута отъ шуба... знаешь, снѣга отбить отъ шуба, — какъ бросится мой кони... вовсе прытка пошелъ... совсѣмъ юкъ сталъ, тошно самъ шортъ на немъ сидитъ... А ты-то видно спалъ; мы ужь тебя кричалъ: — доржи! балтъ! а ты нисява не слыхалъ, бульна твоя сонъ крипка була, совсѣмъ было бѣдамъ тащилъ, прусто головамъ кружилъ, такъ и думалъ — совсѣмъ кончалъ! Охъ, Алла! Алла! проговорилъ татаринъ и началъ хлопотать около лошадей. — «Далеко-ли большая дорога? спросилъ я.» — Нибульна далеко, отвѣчалъ онъ — можетъ, саженъ триста будетъ.

Съ большимъ усиліемъ и, можно сказать, общими силами обернули мы назадъ повозку, медленно потянулись цѣликомъ по сдѣланному нами же слѣду и выѣхали на большую торную дорогу. Путешествіе мое пошло обыкновеннымъ порядкомъ.

Одна станція оставалась да мѣста моей родины. Было семь часовъ утра, когда запрягли мнѣ лошадей. Русскій мужичокъ, ямщикъ мой, одѣтый въ два нагольные тулупа, сѣлъ на козлы. «Съ Богомъ!»

сказалъ онъ, махнувъ рукавицей, — и русскія, большаго роста, лошадки побѣжали какой-то тяжелой рысью.

Свѣтаетъ! Теперь, наоборотъ противъ вечера, стала умирать ночная тѣнь, воскресать утренній свѣтъ. Всѣ предметы отдѣлялись другъ отъ друга; кусты и сухая прошлогодняя трава, напудренные инеемъ, дѣлались яснѣе и яснѣе; верстовые столбы показывали настоящую свою краску; вотъ уже на нихъ можно разобрать цифры, а вотъ и вороны тронулись изъ лѣсу и стали садиться на дорогу, съ своимъ докучливымъ крикомъ. Разсвѣло совершенно, когда я подъѣзжалъ къ небольшому лѣску, въ которомъ такъ много охотился до поѣздки моей въ полкъ; но мѣста эти мало напоминали мнѣ прошедшее удовольствіе охоты. Одна мысль — скорое свиданіе съ родными все заглушала; невольный трепетъ ожиданія, смѣшанный съ сильнымъ нетерпѣніемъ, занимали духъ, и сердце билось быстрѣе нормальнаго состоянія. Открылся городъ съ дымящимися трубами... Пошолъ! ради Бога, пошолъ! кричалъ я изъ повозки, и кони отъ ударовъ кнута понеслись во всѣ лопатки. Вотъ и застава съ раскрашеннымъ форменнымъ шлагбаумомъ, а за нимъ сейчасъ базаръ, наполненный народомъ, который волновался, суетился, шелъ взадъ и впередъ, перебѣгалъ дорогу и двигался во всѣхъ направленіяхъ. Тутъ надобно было ѣхать шагомъ. «Пади! пади!» безпрестанно кричалъ ямщикъ мой: — эй, ты, съ поросенкомъ! посторонись! посторонись! Куда лѣзешь, баба? прямо подъ лошадей! задавлю! держи правѣе! кричалъ онъ ѣхавшимъ навстрѣчу,—или не видишь? Эй? татарскій малахай! въ сторону! дай дорогу»!

Но вотъ народъ сталъ рѣдѣть, рѣдѣть, и мы выѣхали на просторъ совершенно. Лошади запрыгали по большой улицѣ; она миновалась. Еще одна улица; проѣхали и ту; крутой поворотъ направо — и домъ нашъ стоялъ, какъ на ладонкѣ, и вотъ его отворенныя ворота! «Направо! направо!» кричалъ я ямщику, и мы въѣхали на просторный дворъ. Ни одной живой души на немъ не было; только одна старая шавка, сидя на навозной кучѣ, около конюшни, привѣтствовала своимъ хриплымъ лаемъ нежданнаго гостя. Я вбѣжалъ въ переднюю; и въ ней, какъ на дворѣ, не было человѣка. Сбросивъ, куда попало, свою военную шинель, отворилъ я дверь, вошелъ въ залу; но и въ этой комнатѣ царствовала таже пустота; я — въ гостиную, и тутъ никого не было. Съ трепетаніемъ сердца берусь за ручку спальной двери, отворяю ее, едва переводя дыханіе. Матушка исполняла утреннюю молитву: шелестъ моихъ шаговъ заставилъ ее обернуться; она ахнула отъ испуга и радости, и я бросился въ объятія нѣжнолюбимой

) продолжалась эта слезная, безмолвная

П. АРЕНВАШЕВЪ.

Здѣсь останавливаются записки моего отца. По увѣренію его, есть еще продолженіе этихъ записокъ; но я въ его бумагахъ, здѣсь находящихся, отъискать не могъ. Отецъ мой помнитъ, что написано имъ весело проведенное время въ отпуску, возвращеніе въ полкъ, походъ въ военное поселеніе, прибытіе послѣ отставки на родину; пожарный годъ и прочія воспоминанія. Бумаги эти, вѣроятно, остались въ другомъ нашемъ имѣніи. Если предлагаемыя теперь записки заслужатъ хотя малѣйшее одобреніе публики, то я постараюсь выдать и остальныя.

Издатель.
